

Genre

love_sf

Author Info

Лорен Донер

Его замечательная, мурлыкающая пара (ЛП)

Шеннон на четверть пума, но все же не может обращаться. Она просто человек с несколькими дополнительными генами. Но знает, как опасны оборотни и сейчас она их добыча, захваченная группой оборотней для смертельной охоты. Но вот ее спасает самый крупный оборотень из них. Он самый сексуальный мужчина, которого она когда-либо встречала — с черными, как смоль волосами, мускулистым телом, темными, пронзительными глазами и рычанием, воспламеняющим ее кровь.

Тело Антона жарко отвечает Шеннон и он клянется защищать ее ценой своей жизни, только чтобы обнаружить — она его враг. Как будущий вожак своей стаи, Антон точно знает — кошка никогда не будет принята в стаю. Поднимется большая шумиха. Но сейчас сезон спаривания и он на грани потери контроля, поддавшись сексуальному влечению. Его волк хочет Шеннон, может чувствовать аромат ее желания. Нет никакого способа остановить это... он не может отказать своему зверю.

Предупреждение! Книга содержит постельные сцены и ненормативную лексику! Переведено специально для сайта <http://lovefantasroman.ru>

Лорен Донер

Его замечательная, мурлыкающая пара

Глава 1

Сердце Шеннон бешено колотилось от страха, бок жгло огнем боли от бега, да еще она и пригнулась слишком поздно.

Ее длинные рыжие волосы зацепились за ветку дерева, что едва не сбilo Шеннон с ног, но она отцепила их, споткнулась, но все же продолжила бег.

К шумному, хриплому дыханию Шеннон примешивался звук тяжелых вдохов и рычаний.

"Я умру", — запаниковав, подумала она. Шеннон заставила ноги продолжать двигаться. Обнаженные ступни жгло от порезов, которые она ощущала при беге.

Воспоминание о разговоре с коллегой неделю назад, о том, как ей ненавистна мысль о грядущем тридцатилетии в конце месяца, промелькнула у неё в голове.

Теперь тебе не придется беспокоиться об этом, прошептал ее разум. Ты не доживёшь до празднования Дня Рождения.

Слева от нее громко хрустнула ветка, и Шеннон поняла, что преследователи приближаются, чтобы убить. Они могли бы уже схватить ее, но вместо этого играли, гнали ее через густой лес, вероятно, для чистой забавы от охоты. Как они узнали, или поняли, кем она была, оставалось загадкой. Этого не должно было произойти. Мама клялась, что никто никогда даже не заподозрит правду. Конечно, это не остановит тот кошмар, в который превратилась ее реальность.

Двое мужчин подошли к ней на стоянке, пока она складывала продукты в машину, ударили кулаком в лицо, и Шеннон очнулась посреди чистого ада.

Они забрали ее туфли, сумочку и дали пять минут форы.

Вой наполнил окружающий лес. Увидев темный силуэт впереди, она увернулась, чтобы избежать его, неистово желая иметь их скорость и ловкость. Но натолкнулась на дерево, и земля под ногами

стала наклоняться. Споткнувшись, Шеннон упала, больно приземляясь на колени. А потом на руки, прежде чем лицом упасть в грязь. Сухие листья впились в ладони. Она попыталась встать, но конечности дрожали от изнеможения.

Глубокое рычание заставило ее повернуть голову, и чистый ужас полностью охватил ее, когда большой черный волк вышел из густой листвы.

Волк оскалился, оголяя острые, как бритва зубы, слюна капала из открытой пасти, и он поднял лапу, приближаясь к ней. Разделявших их пять футов слишком мало.

Хрустнула листва, и Шеннон медленно повернула голову в сторону звука, на этот раз, ожидая увидеть второго волка, появившегося около большого камня.

Третий шел следом за ним. Они зарычали — очевидно, намереваясь, напасть. Шеннон задыхалась, обливаясь потом, она подняла взгляд в поисках ближайшего дерева, до которого могла дотянуться. В надежде, что ветви будут достаточно близко, чтобы достать.

Из последних сил Шеннон поднялась на ноги и подпрыгнула.

От отца ей передалось очень мало черт, но та, что могла спасти жизнь, проявилась — руки ухватились за ветви, а босая нога расположилась на коре. Что-то волосатое коснулось другой ноги, когда Шеннон судорожно карабкалась. Инстинкт и страх стали для нее мотивацией, чтобы не смотреть вниз; вместо этого она хваталась за все, что могла зацепить.

Она продолжала карабкаться, даже когда ветви стали опасно тонкими, и здравый смысл приказал ей остановиться. И Шеннон, наконец, замедлилась, когда дерево затрещало. Дул ветер, и Шеннон раскачивалась высоко на макушке дерева.

Болезненный узел завязался в животе, пока она размышляла, сломается ли ветка под ее весом, в которую она вцепилась, но ветер стих.

Все замолкло, кроме ее колотящегося сердца. Она посмотрела вниз на большое расстояние до земли, и другая волна страха накрыла ее. Высота — не одна из ее любимых вещей.

Движение привлекло внимание, и она наблюдала как, по крайней мере, шесть волков бродили внизу, подняв морды и смотря на нее.

Шеннон с каждым вдохом задерживала дыхание, чтобы замедлить его, а потом осмотрела окружающую местность. Расстояние между деревьями было слишком велико, поэтому не было надежды перебираться с макушки на макушку, и уйти. Она была в ловушке высоко над своими обидчиками.

Снова раздался вой, и она вздрогнула. Их пришло еще больше, и Шеннон поняла, в каком меньшинстве оказалась.

Громкий стон вернул ее внимание к подножию дерева. Она ахнула, когда один из волков начал перекидываться.

Распахнув глаза от ужаса притягательности происходящего, она стала свидетелем того, как шерсть превращается в кожу. Форма тела изменилась быстрее, чем она могла себе представить. Шеннон никогда не видела превращения до этого момента.

У мужчины были короткие светлые волосы и загорелая кожа. Он присел на землю на несколько секунды, оправляясь от трансформации, а потом выпрямился.

Мужчина посмотрел вверх, а Шеннон уставилась на человеческие черты парня около двадцати лет. — Слезай, — потребовал он. — Так нечестно.

Ещё один волк перекинулся в человека. Она поняла, что он немного старше, чем подросток, судя по его юной внешности. Нагота, казалось, совсем их не беспокоила, когда они стояли плечом к плечу, а светловолосый нахмурившись, уставился вверх.

— Чувак, ты видел, как быстро она забралась на дерево? Почему она не перекинулась?

Блондин пожал плечами.

— Не знаю и мне все равно. — Он дотянулся до первой ветки. — Слезай, или я сам поднимусь за тобой.

У Шеннон не было слов. Ее все еще трясло от шока и ужаса всех обстоятельств. Она облизнула губы, заставляя мозг работать.

— Оставьте меня в покое. Я ничего вам не сделала.

— Ты до сих пор дышишь. — Блондин помолчал. — Для цыпочки ты горячая, но ты, же знаешь, как все устроено. Не следовало ходить здесь одной и без защиты. Может я трахну тебя, перед тем как убить.

Разговоры не вытащат ее из этой неприятности.

Очевидно, этих двоих не волновало, что она никогда не причиняла вреда, и никогда не встречала их, они просто хотели ее смерти из-за того, кем был ее отец. Шеннон попыталась вспомнить его лицо, но ничего не вышло. Не сохранилось ни одной фотографии после пожара, забравшего его жизнь, спустя всего пару недель после ее пятилетия.

Еще больше волков внезапно выбежало на небольшую поляну, она насчитала всего двенадцать, включая двоих в человеческом облике. Оборотни — ужасные, злые создания — были заклятыми врагами людей ее отца.

Теперь, когда у Шеннон появилось немного времени подумать, а не спастись бегством, она поняла, что, возможно, они последовали за ней, приняв за полноценного оборотня.

Вероятно, то, что она фрик, не провоцировало их к нападению, но это несколько не успокаивало.

Они бы все-таки сорвали ее с дерева и жестоко убили всей стаей.

— Даже в шутку не говори так. — Подросток засмеялся. — И даже в голодный год я не прикоснусь к одной из них. От этого просто тошнит, Донни.

— Я знал, что ты гей, — поддразнил светловолосый Донни. — Сам займусь ею.

— Я не гей, — пробормотал подросток. — Думаю, можем сначала заняться с ней сексом.

Кто-то громко фыркнул, и около двадцати мужчин попали в поле зрения Шеннон и посмотрели ей в лицо.

— Ты такой тупица, Мило. Заняться сексом? Скажи, что ещё поймашь ее. — Обнаженный парень усмехнулся. — И да, она киска высшего класса.

Шеннон затряслась от страха.

— Оставьте меня в покое.

Вой раздался в лесу и мужчины сильно вздрогнули. Блондин повернул голову в сторону звука.

— Дерьмо. Антон идет. Он не даст нам поиграть с ней первыми.

Действительно большой, черный волк вышел на поляну. Шеннон даже с высоты могла сказать, что он, должно быть, самый крупный из этой компании.

Волк зарычал так громко, что она затряслась от жуткого звука.

Она опять наблюдала, как волк перекидывается в человека. Поразительно, насколько плавным могло

быть изменение, как быстро оно происходило и, казалось, весьма безболезненно.

Шеннон всегда предполагала, что все это смещение костей и кожи — безмерно больно.

Мужчина в человеческом обличье был также крупнее, чем остальные. У него были черные волосы до плеч, и казался, огромным даже находясь на добрых шестидесяти футах ниже нее.

Выпрямившись, он потянулся, выставляя напоказ выдающиеся мышцы, вращая широкими плечами.

Он повернулся лицом к мужчинам, стоящим под деревом.

— Я говорил вам прекратить охотиться в этих лесах. Вы почти всех поубивали.

Блондин колебался.

— Да, мы слышали. Мы фактически уже ушли, но обнаружили кое-что вне нашей территории охоты.

Крупный мужчина положил руки на свои голые бедра. Его задница и спина дразнили взгляд

Шеннон, но из-за листьев на ветках она не могла, как следует его рассмотреть.

— Не в этом дело. — У него был глубокий устрашающий голос. — Я приказал к чертовой матери завязать это дерьмо с убийствами, хотя бы не на долго. Это не значит пойти и купить, что-то поразвлечься. Ты хоть представляешь, сколько будет стоить моему отцу завести сюда достаточно животных, чтобы восполнить всех, кого вы убили? Мы должны быть малозаметными. Тебе не кажется, что местные жители заметят, если никогда не увидят оленя или кролика, обитающих в этих краях?

— Но...

— Достаточно, — крупный мужчина зарычал глубоким грохочущим голосом. Зловещая, сбивающая с толку, тишина установилась во всем лесу. Даже птицы затихли.

Казалось, время замерло, а потом заговорил светловолосый.

— Давай, по крайней мере, сначала ее убьём. Нельзя позволить ей уйти.

— Чушь собачья, — прогрохотал мужчина. — Расходитесь по домам.

— А что, если она кому-то расскажет, что мы с ней сделали? Это может принести нашей стае некоторые проблемы, если ее семья разозлится.

Крупный мужчина вскинул голову, и у Шеннон перехватило дыхание, когда красивое лицо посмотрело на нее.

Мужчина обладал сильными, мужественными чертами, и его темные глаза расширились, когда он встретился с ней взглядом. Его шок был ясно различим, а затем возмущенный рев вырвался из его приоткрытых уст.

Шеннон затряслась, от страха, и едва не потеряв хватку на ветке, она крепче вцепилась в нее.

Мужчина внизу двигался быстро, он ударил блондина, отбрасывая на добрых шесть футов, где он упал на землю и растянулся на спине.

— Бегите, — прорычал здоровяк, — перед тем, как я поубиваю большинство из вас, бесполезных придурков.

Блондин вскочил на ноги с красной отметиной на лице от кровавой раны, оставленной ударом кулака; а потом все исчезли: волки и мужчины в человеческом обличье.

Все, кроме черноволосого незнакомца. Он стоял неподвижно, и вновь поднял голову, еще раз посмотрев на Шеннон темным, злым взглядом.

Антон боролся с внутренней яростью. Если он быстро не обретет контроль над собой, то перекинется и помчится за щенками, загнавшими на дерево женщину.

Он очень хотел, разорвать их шкуры, заставить страдать, но не мог сделать этого. Сначала надо разобраться в данной ситуации.

Его ум, сразу же добавил очевидные факты. Щенки захватили женщину, загнали её, и теперь она стала его проблемой.

Если бы он знал о ее присутствии, то никогда бы не перекинулся. Она смотрела на поляну с высоты птичьего полета и, он чувствовал, что она видела, как он принял человеческий облик. Антон понятия не имел, как исправить всю эту гребанную кучу неприятностей.

Он смотрел на девушку с чувством тревоги. И не хотел, убивать, но она видела слишком много. У его отца начнется истерика, если он позволит ей выйти из леса живой.

Для стаи действительно все превратится в ад, если девушка пойдет в полицию. С другой стороны, они наверняка посчитают ее полной психопаткой, если она проболтается об оборотнях.

Он прикусил губу, размышляя, и наконец-то пришел к окончательному решению — что, никогда, не сможет убить женщину.

Антон прочистил горло, не зная, что сказать, но зная, что нужно первым делом уговорить девушку спуститься с дерева.

Он боялся, что она запаникует, упадет и разобьется насмерть, если он попытается подняться к ней. Она умудрилась забраться настолько высоко, что подвергала себя опасности сломать достаточно тонкие ветки под своим весом.

Казалось, что её маленькое тело плотно обвёрнуто вокруг ветки.

— Ты можешь упасть. Обещаю, ты будешь в безопасности.

Девушка облизала губы.

— Уйди. Я слезу, когда ты уйдёшь.

Он колебался, желая, чтобы это было так просто.

— Я провожу тебя до машины или верну в лагерь, откуда бы они тебя не преследовали. Клянусь, что не причиню тебе вреда. Я понимаю, что ты в шоке, но с тобой ничего плохого не случится, пока я рядом.

Она покачала головой, ее рыжие волосы облегли все ее тело до поясицы.

— Просто уйди. Кыш!

Антон развлекался.

— Ты только что кышнула на меня?

Девушка колебалась.

— Я ничего не сделала ни тебе, ни другим.

Он наблюдал, как она повернула голову, осматривая местность, и ярость мгновенно вернулась к нему при виде синяка вдоль ее подбородка.

Кто-то ударил ее кулаком. Девушка была бледна и тот факт, что она оказалась меньше обычного человека, все ухудшал.

Сначала он подумал, что его щенки, по крайней мере, связались с крупным зверем, пока он не пришёл и не приложил к ним руку за совершенное с женщиной.

— Знаю, ты в шоке, и понимаю, что сильно напугана, но клянусь, ты теперь в безопасности. Я Антон. — Он замолчал, жалея, что назвал свое имя, но оно само вырвалось. — Боюсь, эта ветка скоро сломается, и если так, то ты упадешь и разобьешься насмерть. Пожалуйста, спускайся.

— Я не дура. Ты пытаешься меня обмануть.

Он не винил ее за страх и подозрения. Она, должно быть, травмирована до чертиков.

Потому что не только подверглась нападению и охоте, но и узнала, что оборотни действительно существуют, после того как видела изменение их облика, это наверняка подпортило ее человеческий разум.

Антон медленно вдохнул и выдохнул. То, что он стоял обнаженный, не помогало его делу.

Девушка, вероятно, боялась его, потому что мало того, что он перекинулся у неё на глазах, так еще мог оказаться конкретным извращенцем, желающим напасть в любую минуту.

— Не думаю, что ты глупа. Они действительно были неправы, напав на тебя. Я отослал их, но это не означает, что они не бегают по лесу. Если я уеду, и ты попытаешься выйти самостоятельно, честно говоря, есть вероятность, что ты столкнешься с некоторыми из них. Ты не знаешь меня, но ты видела, что я их прогнал. И наблюдала, как я ударил одного, когда увидел, что они причинили тебе боль. Даю тебе слово, что не наврежу тебе и другим не позволю.

— Ты можешь оказаться большим, глупым лжецом.

— Да запросто. — Антон скрыл улыбку, вновь забавляясь.

У девушки оказался приятный голос, и это не единственное что он успел оценить.

Большая часть ее лица оставалась скрытой занавесом волос, но по тому, что он мог видеть, она выглядела привлекательно.

— Ты права. Давай посмотрим с твоей стороны. Сколько, ты думаешь, еще сможешь продержаться на этом дереве? Скоро стемнеет и резко похолодает. Ты действительно хочешь провести холодную и несчастную ночь там наверху? Я сомневаюсь, что ты собираешься спуститься и ковылять по округе сразу же, как я уйду. Ты также не можешь оставаться там бесконечно. Это будет только вопрос времени, спустишься ли ты или они поднимутся за тобой, если большинство из них, где то в лесу. Тогда у тебя не будет шанса выжить, но я предлагаю тебе безопасность и защиту.

Казалось, она обдумывала его слова. Антон смотрел, как девушка прикусывает сочные, полные губы — сначала нижнюю, потом втягивает верхнюю, посасывая. Ему хотелось получше разглядеть ее, но непослушные волосы скрывали ее лицо.

— Ладно, но поклянись жизнью, что не причинишь мне боль и другим не дашь.

— Даю слово чести, и оно значит все для меня, — он сказал искренне, расслабляясь. Чем быстрее он вернет девушку в ее мир, тем скорее сможет продолжить свои дела — после того как надерет несколько щенячьих задниц. — Я буду защищать тебя ценой своей жизни.

Она пошевелилась, и Антона ожидал еще один сюрприз. Она свернулась в клубок, крепко обхватив тонкую ветку в позе эмбриона.

Но как только она спустила ноги и выпрямилась, опускаясь на ветку, он увидел мельком ее фигуру. Она не казалась очень крупной, но насколько он мог судить, определенно интересовала его, как мужчину.

Женщины-оборотни склонны быть высокого роста и худыми. А у этой женщины было сексуальное тело с плавными изгибами.

— Как тебя зовут?

Она перестала слезать и повернула к нему голову, всматриваясь.

— Шеннон.

Он не мог критиковать или судить ее за то, что она не сказала полное имя. Он ведь тоже этого не сделал. Если она сообщит о нападении в полицию, он бы не хотел, чтобы им досталось слишком много информации.

Последнее, что ему нужно, это чтобы коп измученный работой спрашивал всякую чушь собачью, не видя юмора в подтверждении сумасшедшей сказки женщиной, о нападении оборотней.

Он оторвался от своих размышлений, чтобы посмотреть, как она спускается.

Злость вернулась, когда он увидел кровь, размазанную на ее босых ногах, и перестал дышать через нос. Запах ее крови так рано после трансформации мог подействовать на него.

Последнее, что нужно было этой женщине, это увидеть его темнеющие глаза или услышать голос, изменившийся до рычания. Он вдохнул воздух ртом, надеясь, что запах не будет настолько сильным, чтобы можно было ощутить его вкус.

Одеколон, которым он всегда пользовался перед сбором стаи, мог помочь перебить его. У него вошло в привычку пользоваться им, чтобы сохранить в тайне некоторые детали его личной жизни.

Волки могут почуять множество запахов, но искусственные ароматы сбивают с толку их чутье.

Антон подошел к дереву, готовый помочь ей спуститься.

— Вот и все, — сказал он ободряюще. — Не упади, Шеннон. Я протяну руку и помогу тебе спуститься, хорошо? Не пугайся, потому что я без одежды. Клянусь, я не причиню тебе вреда.

Она остановилась снова, чтобы бросить на него испуганный взгляд. Он смог разобрать еще больше ее черт и его внутренности сжались.

У нее были большие, красивые голубые глаза, обрамленные темными ресницами, от изгиба которых перехватило у него дыхание. Даже багряные синяки не могли отвлечь от ее привлекательности. Он помедлил в нерешительности и потом поднял руки, чтобы помочь ей опуститься на землю.

— Все в порядке, Шеннон, — он старался говорить мягко, пытаясь приманить ее ближе к безопасности. — Я держу свое слово. Никто не причинит тебе вред.

Антон мог сказать, что она не была уверена, можно ли ему доверять, но она все еще продолжала преодолевать последние восемь футов, которые отделяли их, пока он мягко не обхватил ее за талию. Обвив руки вокруг ее мягких бедер, он старался не замечать ее сочную, круглую попку, которая просматривалась в этой паре тонких хлопковых капри слишком близко к его лицу.

Он совсем не хотел возбудиться. Девушка закричит, если он позволит своему телу проявить сексуальный интерес.

Антон легко приподнял ее, и бережно поставил на землю. Шеннон обернулась, посмотрела на него и задержала свой пристальный взгляд на его глазах.

Она не смотрела вниз на его тело, вместо этого ее испуганный взгляд заставил его подумать, что она снова решит забраться наверх.

Шеннон вжималась спиной в кору дерева. Он мог видеть ее ужас также ясно, как милые, крошечные веснушки, рассыпанные у нее на переносице.

Ее очень низкий рост — на несколько дюймов выше пяти футов — заставил его задуматься о ее возрасте. Выглядела она взросло, вероятно, ближе к тридцати, но с другой стороны, тинэйджеры кажутся намного старше своих лет, по его мнению.

— Видишь? Я не причиню тебе зла. — Он старался, звучать безобидно, ирония ситуации не покидала его с тех пор, как ему пришлось быть самой опасной вещью на много миль вокруг, для

маленькой женщины. — Я хороший парень. — Он соврал. Никто и никогда не мог назвать Антона Харриса так, если это не было кульминацией шутки, полной сарказма. Он был наиболее устрашающим членом стаи. — Откуда ты пришла? Могу подвезти.

Страх захватил Шеннон в такие тугие тиски, что стало трудно дышать. Она знала, ей от него не спрятаться.

Большой, жестокий оборотень в человеческом обличье из твердых и сильных мышц стоял в футе от нее. В нем должно быть как минимум 6 футов 4 дюйма

Шеннон жалела, что спустилась с дерева. Ее инстинкты кричали ей бежать, но ноги отказывались двигаться. Они вдруг приросли к земле — тяжелые и парализованные.

— Эй, — прошептал он, его глубокий голос стал хриплым. — Успокойся, Шеннон. Все будет хорошо.

Ее рот открылся, но из него не вылетело, ни звука. Она подумала, что дело всё в ней, и всепоглощающий страх как следствие, приобретённого опыта из её юности.

Всплыли воспоминания из детства — о тех инстинктивных реакциях, которые она иногда переживала и о той части ее, которая досталась с кровью отца, вместе с редкой родословной.

В третьем классе задира толкнул ее. Шеннон зашипела и поцарапала ему руку, она вовсе не собиралась, но это просто произошло. В пятом классе она очутилась на дереве, когда собака гналась за ней. Она не могла вспомнить, как забралась туда, или даже как приняла решение сделать это, но так или иначе, она открыла свою способность забираться очень высоко, если страх мотивирует ее.

Ее подростковые годы были сущим кошмаром, когда с переходным возрастом появилась непреодолимая тяга к сырому мясу. Она боялась, так же, как и ее мать, что это могло оказаться чем-то большим, нежели странным пристрастием.

Она никогда не превращалась, никогда не делала что-либо из того, что мог ее отец, и, в конечном счете, это прошло.

— Где ты живешь? Начнем с этого.

Голос Антона вытащил ее из детских воспоминаний, и она уставилась в самые темные глаза, которые когда-либо видела.

Они были обрамлены густыми, длинными ресницами, которые подходили его черным, как смоль волосам. Антон не смотрел на нее недоброжелательно, чтобы это объяснило ее страх, но тот еще сохранял полную силу. Она знала, что должна найти в себе силы ответить ему.

— Андерсон, — выдавила она. — Я живу там.

Его губы изогнулись в усмешке.

— Это далеко отсюда. Что ты тут делала? Решила прогуляться в лесу?

— Нет, — говорить становилось легче. — Меня похитили с парковки у продуктового магазина в двух кварталах от моего дома. Тот светловолосый, которого ты ударил, и еще один парень подошли ко мне. Этот светловолосый друг ударил меня в лицо, и я очнулась здесь.

Антон закрыл глаза и напрягся от злости, а Шеннон еще сильнее вжалась в ствол массивного дерева за спиной, желая снова очутиться наверху или даже внутри него, только бы скрыться от этого огромного оборотня в человеческом теле. Он слабо зарычал, прежде чем его глаза вновь открылись.

— Я заставлю их пожалеть об этом. Главное, что я вовремя тебя нашел, — он прервался. — Если ты расскажешь кому-то о случившемся, тебе никто не поверит. Ты осознаешь это? Мне бы не хотелось,

чтобы тебя упекли в психушку. Тебе и так досталось и без этого дерьма. Я отвезу тебя домой, и ты забудешь, обо всём что видела, идет?

Она кивнула, признавая разумность его совета.

Копы наденут на нее смирительную рубашку, если она расскажет им правду. А еще хуже — это привлечет к ней внимание и то, чего она всегда боялась.

Антон заметно расслабился.

— Хорошо. Если тебе станет от этого легче, то я собираюсь вытрясти всю душу из тех парней, что похитили тебя. Они не смогут пошевелиться несколько недель, не сожалея, о том, что посмели тебя тронуть.

Шеннон видела, как искренне он говорил, и часть ее страхов начала развеиваться. Мужчина злился на своих щенков, а не на неё. Она была рада, что имела дело с ним.

Все, что ей хотелось сейчас, это убраться подальше от него и вернуться домой. Она мысленно поклялась переехать настолько быстро, насколько это возможно.

Если они нашли, найдут и другие. Ей нравился ее дом, но она предпочитала остаться живой гораздо больше.

Они оба напряглись, когда рядом треснула ветка, и одновременно повернули головы в направлении резкого звука.

Шеннон попыталась развернуться и запрыгнуть на дерево, когда увидела оборотня. Ужас превзошел все остальное, но большая и сильная ладонь схватила ее за руку, держа на привязи.

Она задрожала, когда волк угрожающе зарычал и пригнулся, готовясь к прыжку.

Шеннон царапала руку, которая всё еще держала ее, а в горле застыл крик, но Антон не отпускал.

Она услышала, как он зарычал на волка, возможно даже на нее, но так и не поняла, на кого был направлен его гнев.

Шеннон была слишком охвачена паникой, чтобы делать что-нибудь, кроме попыток убежать.

— Достаточно, — заорал Антон. — Джерри, назад. Ты её пугаешь!

Она не могла освободиться от руки Антона, удерживающей её на месте, и не могла забраться на дерево.

Ей нужно вскарабкаться, нужно быть выше, быть вне досягаемости для оборотня, ее инстинкты кричали от осознания огромной опасности.

Шеннон развернулась к Антону лицом, и прежде чем смогла себя остановить, ухватила за его плечи, и запрыгнула на его внушительных размеров тело.

К её ужасу, она обхватила его, прижимаясь, что было сил. Ее ноги обхватили его талию, а лицом она уткнулась ему в шею.

Шок сковал Антона, когда девушка затряслась у него на груди. Ее рука, обвила его шею, почти задушив, талия была обхвачена ее ногами, колени были прямо под его руками, а ее пятки впивались ему в задницу.

Тяжелое дыхание девушки шекотало ему шею. Антону пришлось покрутить головой, чтобы увидеть Джерри, поскольку ее длинные, спутанные рыжие волосы частично закрыли его лицо, а потом он свирепо взглянул на члена своей стаи.

Антон высвободил одну руку из-под колена девушки, и немного поколебавшись, обнял ее, обхватив за талию сначала одной потом другой рукой.

Она задрожала еще больше, когда другой рукой ухватила за его шею. И обязанность защищать ее подстегнула его злость к волку, сидящему рядом и уставившемуся на них растерянным взглядом.

— Все в порядке. — Он пытался успокоить Шеннон — Я приказал тебе убираться, Джерри. Ты пугаешь ее.

Оборотень опустил голову и стал превращаться. Это раздражало Антона, но он не мог остановить его. Когда Джерри перекинулся, он уставился на Антона и девушку с удивлением.

— Какого черта ты тут делаешь с этой кошкой, вцепившейся в тебя?

Кошкой? Антон глубоко вдохнул через нос, пытаясь отделить запах ее крови от приторного аромата одеколона, который мешал его обонянию.

Запах, исходящий от нее, ошеломлял. Ваниль, смешанная с настоящим ужасом, запах женщины, клубники и...

— Твою мать, — протянул он, напрягаясь. — Ты — оборотень. Не удивительно, что они охотились за тобой.

Шеннон сильнее задрожала, отчаянно прижимаясь, и он понял кое-что важное. Она не причиняла ему вреда. Не было зубов, вгрызающихся в его незащищенную шею, рядом с которой были ее губы. Ногти впивались в его плечи, но это были не когти. Даже ее сила была недостаточной для оборотня, если бы она им была.

Антон не сомневался, что она держалась за него настолько сильно, насколько могла, пока в ней бурлил адреналин, но он мог снять ее с себя с минимальными усилиями.

Инстинкты Антона обострились, пока он вдыхал ее запах. Становилось ясно, что в ее венах была кровь оборотня, и его волку это не нравилось.

Он зарычал, но не сбросил ее и не раздавил в кольце своих рук. Он мог бы сделать и то, и другое.

— Пума, — прошептал Джерри. — Хотя очень слабая. Я едва уловил ее запах, когда подошел ближе. Я шел сюда выяснить, кто был настолько глуп, чтобы вторгнуться на нашу территорию. Полагаю, ты убьешь ее вместо меня.

Шеннон захныкала у него на руках и Антон слабо зарычал. Он гарантировал ей безопасность, поклявшись защищать, и всегда держит свое слово.

По какой-то причине, она доверилась ему. Он сделал несколько ровных вдохов и использовал все приемы, которые когда-либо учил, чтобы контролировать своего волка и не причинить вреда женщине у него на руках. Наконец он расслабился.

— Я не собираюсь убивать ее, — признался он честно. — Принеси одежду и еще мне нужен мой грузовик, чтобы отвезти ее домой.

У Джерри отвисла нижняя челюсть, а затем он зарычал, напрягаясь от гнева, и волк промелькнул в его глазах.

— Убей ее. Она наш враг.

Антон свирепо зарычал в ответ.

— Я дал тебе приказ. Исполни или тем, кто умрет, будешь ты.

Глава 2

Шеннон успокоилась, но это заняло немало времени. Ей было неловко, что она не могла контролировать себя.

Большие, тёплые руки, нежно поглаживали её спину, вверх и вниз, снова и снова. Это помогло

Шеннон немного успокоиться, и наконец ослабить мёртвую хватку на шее Антона.

— Вот и все, — прошептал Антон. — Полегче, котенок. Никто не причинит тебе зла.

Она вздрогнула снова и отпрянула от его шеи.

Антон повернул голову и их взгляды встретились.

Он перестал поглаживать Шеннон и глубоко вздохнул, от чего теснее прижался к ней.

— Ты не подросток.

Она помотала головой. От чего Антон нахмурился.

— Я пытаюсь понять, почему ты не превратилась, когда они схватили тебя или когда могла напасть на меня.

Шеннон уставилась в его темные глаза. Ее страх вернулся и она задрожала.

— Полегче. — Его тон понизился — Я не причиню тебе вреда, а ты не причинишь мне.

Она не смогла бы ранить его, даже если бы попыталась, и это проблема.

Шеннон, наконец, отвела взгляд от его напряженных темных глаз, чтобы изучить сильные, мужественные черты — широкие скулы, прямой нос, и полные губы.

Мужчине следовало бы побриться, небольшая щетина тенью легла на его подбородок и верхнюю губу. Это могло быть затянувшимся эффектом после обращения, в его венах определённо текла кровь с примесью генов коренных индейцев. Его шелковистые, темные волосы падали на плечи, примерно одной длины, разделяясь посередине. Ее взгляд вернулся к нему.

— Ты могла бы убежать. Я видел ваш вид прежде и знаю, как быстро вы можете бегать. Правильно?

Играть со стаей волков не слишком умно и в твоём возрасте ты должна знать это.

Шеннон сглотнула, проталкивая комок в горле, прежде чем ответить.

— Я не могу, — прошептала она.

Он нахмурился, и глубокие морщины залегли у его рта.

— Не можешь что?

Страх перед тем, чтобы сказать ему правду, заставил ее замолчать. Она не знала обычаев и убеждений волков.

Шеннон всегда знала, что для семьи ее отца она мерзость и не более, которой не должно быть.

Если бы его семья узнала о ней, то непременно бы воспользовалась шансом, и убила бы, не задумываясь.

— Не можешь, что? Быть умнее? — Его брови приподнялись.

— Перекидываться, — призналась она.

Он моргнул, хмурый взгляд исчез, и удивление появилось на лице.

— Ты ранена? — мужчина принялся. — Я чувствую запах крови, но не сильный.

— Твоё обещание всё ещё в силе, не делать мне больно?

— Я всегда держу слово.

Опять же он казался искренним. Шеннон облизала пересохшие губы. Его взгляд проследил движение её языка, прежде чем опять встретиться с ее взглядом.

— Моя мать человек, а отец только наполовину пума, унаследовав от своего отца человеческую половину.

Красавчик отстранился немного, изучая ее особо тщательно.

— Чёрт. Ты больше человек, чем пума. Ты действительно не можешь обращаться?

Она покачала головой.

— Нет когтей и зубов?

Она отступила от него и подняла руку, показывая ногти, а потом подняла верхнюю губу, чтобы показать нормальные зубы.

— Мне страшно, — призналась она, отпуская руку, на горячую кожу в изгибе его плеча. — Если бы я могла обращаться, то сделала бы это сейчас.

— Ты пахнешь как оборотень, но очень слабо.

— Не знала этого.

— Твой отец не рассказал тебе?

Шеннон заколебалась снова: интересно, что он сделает, если поймет, что у нее нет никого, что бы защитить или отомстить за неё, если он нарушит свое слово.

У Шеннон не было семьи оборотней, которая бы отомстила за нее, даже если он бросит ее мертвое тело в ближайший овраг. Мать — все, что у нее есть. Человек, который ничего не сможет сделать.

— Я задал тебе вопрос и ожидаю ответа. — Он показал свою власть над ней, когда одна его рука скользнула под ее попу и приподняла повыше, пока их лица не стали на одном уровне, чтобы можно было заглянуть ей в глаза. — Он не предупредил, что другие оборотни могут выследить тебя, поскольку частично ты пума?

— Нет, — она мысленно признала, что это правда.

— Он должен следить лучше за тобой. Я слышал, ваши мужчины реально защищают своих женщин. Не чувствую мужской запах на тебя, следовательно у тебя нет пары?

— Нет, у меня партнера.

— Ты достаточно взрослая, чтобы быть одной. Это потому что ты неполноценная?

Частично страх сменился гневом. Всю жизнь, клеймо урода преследовало её, что научило защищаться.

— У тебя есть пара?

— Нет.

— Ты достаточно взрослый. Тоже дефектный?

Руки сжались вокруг ее талии, и мягкий рык прозвучал сквозь приоткрытые губы.

— Осторожно, киска. Не оскорбляй меня.

Страх вспыхнул внутри и охладил ее нрав. Она не дерзила какому-то случайному парню. Это был настоящий оборотень.

— Ты первый меня оскорбил. Видел бы ты выражение своего лица, неверие и ухмылку.

— Правда? — Его губы изогнулись, и смех заискрился в темных глазах. — Это меня удивило. — Его внимание сосредоточилось на ее губах, скользнуло к волосам, а затем вернулось к пристальному взгляду её глаз. — Ты чертовски привлекательна.

Вновь онемев, она не знала, как реагировать на неожиданный комплимент. Антон глубоко вдохнул, смотря на нее, и наклонил голову.

— Кто-то идет. Ты достаточно успокоилась, если я поставлю тебя на ноги, не попытаешься снова забраться на ближайшее дерево или на меня?

— Не знаю. Инстинкты в каком-то роде овладевают мной, когда я слишком напугана, а затем все как в тумане, пока я не оказываюсь в плохих местах, таких как верхушка дерева. — Она опустила взгляд

на его широкую грудь. — Ты первый мужчина, на которого я когда-либо взбиралась, если это чем-то поможет. Но, мне повезло, что ты не отпустил меня. Какая-то часть внутри меня хотела убраться подальше от земли.

— Инстинкты могут быть сукой. — Слегка повернув голову, он всмотрелся в лес. — Тогда оставайся там, где ты есть. Ты будешь в ужасе. Приближаются четверо моих парней из стаи.

Антон двинулся вперед, и Шеннон снова прильнула лицом к его коже, закрыла глаза, и обвила руками его шею, прижимаясь еще плотнее.

Спиной Шеннон слегка касалась ствола дерева, с которого спустилась, Антон прижал ее к нему в своих объятиях. Она услышала шорох листьев поблизости и втянула в себя воздух насыщенный запахом мужского тела Антона.

По непонятной причине, однажды это помогло ей не выйти из себя, когда прозвучал рык членов его стаи, стоило им увидеть или почуять ее.

— Довольно. — Голос Антона стал глубоким, властным и жестким. — Идите домой.

— Кошка, — прорычал мужчина. Антон зарычал громче. — Давай, оставь её нам. Хочу попробовать... Она сладко пахнет.

Антон напрягся всем телом. Он ощущался таким же, твёрдым, как и ствол дерева, к которому была прижата спина Шеннон. Ужасающий рык ярости возле ее левого уха скрыл ее всхлип.

Инстинкты снова пробудились, и потребовалась огромная концентрация, чтобы не вырваться из его рук. Она хотела убежать или забраться на дерево, но определенно не хотела быть в такой устрашающей близости к оборотню, желавшему ее на закуску.

— Отвали! — прорычал Антон. — Она моя.

— Блядь, — прогрохотал другой голос. — А как на счёт поделиться свежей добычей?

— Эй, — крикнул очередной мужчина. — Не думаю, что у него это на уме. Дерьмо. Извини, мужик. Знаю, ты любишь киск, но, черт возьми, не настолько, же буквально, как звучит.

Один из оборотней фыркнул.

— Ты собираешься трахнуть ее, а потом убить? Я общепризнанный ублюдок, но это жестоко даже для меня.

— Уходи, — Антон прорычал, и его голос звучал пугающе.

— Ладно, — пробормотал один из них. — Потом расскажешь, как это было. Ты мужик, Антон.

Правда. Я бы и близко не подпустил никого из них. Присматривай за ее зубами и когтями, иначе она порвет тебя на куски.

Они отступили, и вместе с ними страх Шеннон, когда прижавший ее мужчина расслабился и отошел от дерева, которого теперь она больше не касалась спиной.

Шеннон подняла голову и увидела, что гнев ещё искажает черты лица Антона. Он тяжело вздохнул, но потом его взгляд смягчился, когда обратился к ней.

— Джерри принесет мне одежду и подгонит пикап. Он припаркует его недалеко отсюда. Я оденусь и отвезу тебя домой.

Она колебалась.

— Они украли мой кошелек. В нём ключи, документы и деньги.

Раздражение промелькнуло на его красивом лице.

— Я верну его и удостоверюсь, что от туда не пропало ни цента.

— Спасибо. — Именно это она и имела ввиду.

— Я собираюсь позвонить твоему отцу и уладить с ним все дела. Не хочу, чтобы все это положило начало войне между нашими видами.

Шеннон окатила новая волна страха.

— Все нормально. Не беспокойся об этом. Я не расскажу ему что произошло.

— Он узнает, как только ты переступишь порог. Он учует мой запах на твоём теле, и твой страх очень сильный. Насколько я понимаю, ты не унаследовала острое обоняние? От тебя просто несёт им.

— Я живу одна.

Его темные глаза прищурились, изучая.

— Правда?

— Да. Я приму душ, когда доберусь домой и постираю одежду. — Она помолчала. — Прости, что пахну.

Очень горячий парень, сказал, что от нее воняет, и Шеннон ненавидела, что он, оказался, самым красивым парнем, с которым она была настолько близка. Внутри всё содрогнулось, от такой иронии жизни.

Молчание между ними становилось неловким, и Шеннон пришлось отвернуться от его напряженного взгляда, удивляясь, почему он так странно смотрел на нее. Словно пытался прочитать ее мысли. Ее ноги, обернутые вокруг его талии, начали болеть, и она немного расслабилась, слегка соскальзывая вдоль его торса.

Его руки внезапно отпустили талию Шеннон и, обхватив ее задницу, приподняли.

Шеннон выдохнула.

— Не хочешь отпустить мою задницу?

— Если ты спустишься еще, ниже, это поставит в неловкое положение одного из нас. Я просто тебя поддерживаю, вот и все.

— Поставит в неловкое положение?

Его адамово яблоко дернулось, когда он тяжело сглотнул.

— Меня заводит страх, так же как и ты.

Потребовалось пару секунд на то, чтобы его слова обрели смысл в ее мозгу. Шокированная, она изогнулась, повернув голову настолько, чтобы заглянуть через плечо на их тела.

Это движение крепче прижало ее нижнюю часть к его животу, и она мельком увидела подтверждение того, что ее держит возбужденный мужчина.

Это зрелище заставило Шеннон резко принять прежнее положение, хлестнув волосами Антона по лицу. Она изумленно уставилась на него.

Антон сдул ее волосы со своих губ и приподнял бровь.

— Смотреть обязательно, да?

Жар опалил ее щеки.

— Ты можешь меня поставить на землю.

— Лучше если я подержу тебя до тех пор, пока не вернется Джерри с моей одеждой. Не хочу, чтобы опять пришлось уговаривать тебя спуститься с дерева, после того как ты призналась, что склонна взбираться куда-либо от страха. Ты собиралась рассказать мне, почему живешь одна. Не думай, что

меня можно отвлечь. Я жду ответ.

Беглый взгляд на нижнюю часть тела парня потряс Шеннон. Было невозможно не заметить причину его сильной хватки на ее заднице, чтобы она не сползла вниз.

Парень был крайне возбужден. Зрелище вновь вызвало у нее страх перед ним. Антон оказался большим во всем.

— Ты с кем-нибудь живешь?

Он сильнее нахмурился, создав легкие морщины вокруг рта.

— Нет. Но я также не свободен, вокруг полно красивых женщин. Перестань увиваться и объясни, почему ты не защищена.

— Я защищена, — солгала она. — Мне просто нравится жить отдельно в своей квартире.

Тихий гул рычания раздался из его горла. Шеннон напряглась, еще жестче ухватившись руками за его обнаженные, горячие плечи. Страх медленно пополз вверх по позвоночнику от раздраженного взгляда Антона.

— Если думаешь, что я ничего не знаю о кошках и их особенностях, ты заблуждаешься. Семья держала бы тебя рядом, чтобы оградить от нападок ваших мужчин, желающих с тобой спариться. Была бы ты уродиной, я бы списал это на то, что ни один из ваших не заинтересован в тебе, но я не допускаю такой мысли ни на секунду. Если бы ты входила в мою стаю, мужчины сломали бы твою дверь, лишь бы добраться до тебя, живи ты одна. Сейчас же ответь на вопрос и перестань меня дурачить.

Ее сердцебиение ускорилося от страха, но Антон явно не собирался отступать.

Он поклялся не причинять ей боль, до сих пор сдержал слово, и она решила быть честной.

— Ладно. Отец погиб при пожаре, а его семья обо мне не знает. — Она вызывающе вскинула подбородок. — Я забочусь о себе сама.

— Почему они о тебе не знают? Тебе нужно связаться с ними. Ты знаешь что-нибудь об оборотнях? — От шока его глаза широко распахнулись. — Ты должна быть под защитой. Просто чудо, что никто из ваших мужчин не заставил тебя стать его парой. Ты не достаточно сильна, чтобы защитить себя от любого мудака, испытывающего к тебе желание. Твоя семья убедилась бы в том, что ты завела отношения с парнем, с которым хочешь быть.

— Я никогда не встречала никого моего вида, — тихо призналась она и пожала плечами. — Они не живут в этом районе. Мама специально перевезла нас сюда, чтобы избежать их.

— Почему?

От переживаний во рту пересохло. Она хотела смотреть куда угодно, только не на Антона. Вместо этого, Шеннон заставила себя не отводить от него взгляд. — Они бы убили меня.

— Нет, не убили бы.

— Убили бы. — Она вздохнула. — Отцу пришлось сбежать из своей семьи, он знал, что если они найдут нас, мы погибнем. Его мать помогла ему бежать, когда их лидер узнал, что человеческая кровь моего отца ослабила его способности. Они ненавидят слабость и убивают за нее. Он мог перекидываться — мать рассказывала, каким красивым он был, когда менялся — но я не могу принимать другую форму. Если они его посчитали слабым... — ее голос затих, позволяя Антону сделать собственные выводы.

— Дерьмо, — прошептал он. — Я и не подозревал, насколько жестоки кошки. Когда у нас

появляется кто-то со слабой кровью, мы просто стремимся больше их защищать.

— Когда я была маленькой, отец клялся, что я пахла абсолютно как человек. Мама обещала, что я буду в безопасности, и никто никогда не узнает о моем наследии.

— Когда ты потеряла отца?

— Когда мне исполнилось пять лет.

— В тебе что-нибудь изменилось после наступления полового созревания? Иногда оно может вызвать это из-за смещения рода.

— Началась тяга к сырому мясу. Мама отвела меня в лес, посмотреть могу ли я перекидываться, но этого не произошло, как бы сильно я не пыталась.

Его руки сжались на ее заднице, слегка регулируя ее положение.

— Страх тоже спровоцировал бы это. Ты не можешь меняться. Я думал ты моложе, пока вблизи не взглянул на твоё лицо. У некоторых девушек-подростков есть проблемы, пока не закончится половое созревание. Единственные другие причины, способные помешать тебе, перекинуться — серьезные травмы или наркотики.

— Думаю, полезно это знать, но для меня это не имеет значения.

Он моргнул несколько раз.

— Твой запах, очевидно, изменился. Ты пахнешь пумой, породой твоего отца, но запах слабый.

Любой оборотень мог бы уловить его в пределах нескольких десятков ярдов от тебя. Ты чувствуешь мой запах?

Шеннон сделала вдох.

— На тебе одеколон, и твои волосы пахнут чем-то фруктовым.

— Это все, что ты чувствуешь?

Поколебавшись, она опустила взгляд к его горлу. Наклонившись, она заметила, как Антон инстинктивно немного отпрянул, но затем был неподвижен, позволяя ей приблизиться к шее.

Ее нос был совсем близко к его коже, когда она вдохнула второй раз. Шеннон не могла отличить что-либо еще, помимо его одеколона. Это был мускусный чудесный аромат.

Она не могла уловить то, что он думал, она должна, способна почувствовать. Попытавшись снова, на этот раз Шеннон провела носом вдоль его кожи, чтобы еще больше вдохнуть его запах.

Державшие ее руки усилили хватку, и Антон сильнее прижал ее к животу. Шеннон подняла голову и уставилась в его глаза.

— Ты хорошо пахнешь, но так же, как и любой парень для меня.

Тихий звук вырвался из его горла, не рык, но близко к нему.

— Если ты оближешь меня, пробуя на вкус, то окажешься в мире неприятностей.

Его заявление привело Шеннон в замешательство.

— Зачем мне это? Разве оборотни делают так, чтобы попробовать человека на вкус?

Звук, издаваемый им снова, стал яснее и громче. Антон застонал и повернул голову, вглядываясь в лес.

— Давай же, Джерри. Где же ты, черт возьми?

Его руки ослабили хватку на ее попке.

Шеннон решила, что ему неловко.

— Что не так?

Его темные красивые глаза посмотрели на нее.

— Прелюдия, котенок. Вот что ты только что начала, но ты понятия не имела, верно?

От удивления ее брови взлетели вверх.

— Правда? Просто обняв тебя?

— Да. И ты еще обвилась вокруг меня.

— Мог бы отпустить.

— И в итоге ты снова будешь украшать дерево. Нет. Джерри придет. Мы просто так и останемся до тех пор.

— Я возьму тебя за руку. Я немного успокоилась и начинаю доверять тебе. Думаю, смогу устоять перед желанием забраться куда-нибудь, если буду рядом с тобой.

— Если я тебя спущу, тебе откроется лучший вид на меня.

Жар вновь охватил ее щеки. Ему не нужно было развивать эту тему. Ничего не ответив, она, молча, призвала Джерри вернуться с одеждой для Антона. Шеннон сосредоточила внимание на его груди, снова заметив, каким он был широким и мускулистым.

— Насколько я понимаю, у тебя никогда не было секса с оборотнем?

— Нет. — Она отказалась смотреть ему в глаза, ошеломленная таким прямым вопросом. — Я же говорила, что никогда не сталкивалась с другими.

— Это хорошо. Ты совсем не сильная. Вот почему я сначала принял тебя за человека.

Она вновь встретила его взгляд.

— Я большей частью человек.

— Это так. — Повернув голову, он осмотрел лес и натянуто улыбнулся. — А вот и он. Не бойся. Он тебя не обидит.

Джерри надел футболку, джинсы и пару грязных кроссовок. Он вышел на поляну с одеждой Антона, перекинутой через плечо, и с ключами в руках. Усмешка на его лице стала шире.

— Я помешал? — Веселье сквозило в его голосе. — Выглядит, будто это так. — Он усмехнулся. — Вижу, тут все действительно очень сложно.

— Заткнись, кинь одежду, ключи и исчезни, — прорычал Антон.

— Ты мог бы отдать ее мне. — Джерри приблизился. — Мы могли бы поделиться ею. Недавно я хотел убить ее, но она, конечно, милая. Могу назвать, как минимум пять вещей, которые я бы наслаждаясь, вытворял с ее телом.

— Ты лишишься руки, если притронешься к ней. Она под моей защитой, и это не то, о чем ты думаешь.

— Очевидно, что ты хочешь трахнуть ее, так что же тебя останавливает? — Джерри остановился как вкопанный. — Интересно, они мяукают, когда их трахают?

— Продолжай размышлять и иди, — голос Антона стал более глубоким. — Уходи.

— Хорошо. — Мужчина бросил одежду и ключи, развернулся на пятках и направился обратно в лес. — Наверное, хорошо, если ты ее не трахнешь. Твоя мать скорее хотела бы видеть тебя кастрированным, чем спутавшимся с кошкой.

Казалось, Антон кипел от ярости. Шеннон изучала черты его лица, и страх медленно возвращался, когда Антон посмотрел на нее, обратив всё внимание на неё, после исчезновения приятеля по стае. Его глаза немного изменились, их форма заметно отличалась от нормальной, а щетина вдоль

челюсти и верхней губы стала подозрительно длиннее.

— Твое лицо, — прошептала она.

— Я злюсь. Прости. — Мужчина тяжело дышал, и с каждым новым вдохом изменения исчезали, пока он не вернулся к нормальному виду. — После изменения проще потерять контроль. Чем дольше остаешься в коже, тем легче контролировать изменение.

— О.

Антон усилил хватку, но затем вновь ослабил, и немного отстраняя Шеннон от себя, заставил её опустить ноги.

Выдохнув, Шеннон встала на землю. У нее перехватило дыхание при беглом взгляде на обнаженного, возбужденного мужчину, прежде чем он отвернулся.

Парень был хорошо сложен, крупный во всем, и она не могла не смотреть на его округлую, крепкую задницу, когда он наклонился за одеждой.

Он быстро одел пару черных тренировочных брюк и темную майку, все время, держась к Шеннон спиной. После этого он повернулся к ней лицом, эрекция была все еще видна, поскольку его друг не побеспокоился о том, чтобы привезти нижнее белье.

Шеннон вскинула взгляд, стараясь не глазеть на выпирающий бугорок в брюках.

— Пойдем. Мои ботинки в машине. Придется вернуть твою сумочку позже, но я отдам ее тебе.

— Я не смогу попасть в квартиру без ключей, а моя машина до сих пор на стоянке продуктового магазина. Мне нужно...

— Убирайся прочь, пока я не натворил какую-нибудь глупость, — прорычал он. — Ты сказала квартира? Разве у тебя нет менеджера с запасным ключом?

— Есть. — Она об этом не подумала. Шеннон кивнула. — У меня даже дома есть запасной комплект ключей от машины. Один раз я заперла свою связку внутри, а чтобы кто-то пришел открыть замок стоит большую кучу денег.

— Идем, котенок.

— Меня зовут Шеннон. Почему ты продолжаешь звать меня так?

Повернувшись к ней спиной, Антон зашагал прочь.

— Это напоминание, чтобы я не забывал, что собаки с кошками плохо сходятся. — Он быстро зашагал к лесу. — Догоняй.

Шеннон последовала за ним. Ноги болели, но она не жаловалась. Антон спас ее от своей стаи, защитил и сдержал свое слово.

Она не собиралась просить его нести ее на руках через лес помимо всего того, что он уже для нее сделал. Посмотрев на его широкую спину, она почувствовала уверенность в том, что сильный парень мог легко это осуществить.

Глава 3

Шеннон боролась с горячими слезами. Она обняла себя за плечи, в то время когда офицер полиции, стоящий рядом с ней, прочистил горло, требуя к себе внимание.

Повернув голову, она посмотрела на него.

— Кто мог сделать это, мисс Алверс? Ваш бывший молодой человек разозлился? Может у вашего нынешнего парня есть бывшая подруга, не желающая отпустить его?

— Нет. — Шеннон поморщилась, глядя на разрушенный диван и наполнитель, разбросанный, словно

снег по всей комнате. — Я ни с кем не встречаюсь.

Коп одарил ее недоверчивым взглядом.

— Послушайте, ложь здесь не выход. Кто-то очень зол на вас. Разгромлена вся мебель, сломаны столы и искромсана одежда. Кто бы это ни был, он опасен. Вам нужно назвать имя. Кто этот парень?

— Нет никакого парня в моей жизни. — Она посмотрела на копа, еще крепче обхватывая себя руками. — Мой последний переехал в Оклахому три года назад. — Она не упомянула, насколько ужасно закончились эти отношения, или как он обвинил ее в том, что она сумасшедшая.

Встречи для нее никогда не перетекали в долгосрочные отношения.

— Последнее, что я слышала, это то, что он женился и обзавёлся ребенка. Парень до него, был где-то пять или шесть лет назад. Он ушел в армию, и я понятия не имею где он сейчас. Мы оба решили, что лучше всего расстаться.

— Вы встречаетесь с женщинами?

— Нет. Неужели так трудно поверить, что я ни с кем не встречаюсь? — ответила она раздражённо.

Коп снова окинул ее взглядом с ног до головы.

— Да, трудно. Вы красивая женщина.

— У меня есть секс-игрушки, подушка для объятий и теплое одеяло, согревающее по ночам. Они не занимают деньги, которые никогда не возвращают, не считают меня странной из-за любой привычки, с которой не согласны, и не спорят со мной.

У офицера отвисла челюсть, и Шеннон вспыхнула, осознавая, что наговорила. Это было еще одной причиной, почему она больше не встречалась.

Еще ребенком она провела так много времени в одиночестве, что так и не научилась держать язык за зубами, когда злилась или расстраивалась. Она просто говорила то, о чём думала. Слова слетали с губ прежде, чем она могла сдержать их.

— Вы спросили, я ответила. — Она отвернулась от копа. — Не знаю, кто мог сделать это. Я бы сказала, если бы имела, хотя бы какие-то догадки. Мне не по карману заменить что-либо из этого, и у меня нет страховки арендатора.

— Подвинься, — громко потребовал мужской голос.

В считанные секунды крупное тело заполнило дверной проем, и Шеннон изумленно уставилась на мужчину, которого, как считала, больше никогда не увидит. Антон был одет в черную кожаную куртку, распахнутую на пару дюймов, выявляя футболку в стиле хеви-метал.

Волосы были забраны в хвост. Взгляд пары яростных темных глаз остановился на Шеннон.

— Что здесь произошло? Я подъехал и увидел полицейскую машину. — Отведя от нее взгляд, он быстро осмотрел комнату. — Черт. — Он принюхался, а затем чихнул. И вернул взгляд обратно к ней. — Ты ранена?

Полицейский неторопливо приблизился к Антону.

— Кто вы?

Антон не сдвинулся с места за исключением того, что упёр руки в боки.

— Я ее друг. Шеннон? Ответь мне сейчас же. Ты была здесь, когда все произошло? Тебе кто-нибудь причинил боль?

— Нет. Мне позвонили соседи, вызвавшие полицию после того, как услышали, что кто-то громит мою квартиру. Я пришла домой и застала вот это.

— Кто вы? — Офицер схватил Антона за руку.

Шеннон напряглась, гадая, что делать, в сложившейся ситуации. Она испугалась, что оборотень нападет на копа.

Покосившись на руку копа, на своей руке, Антон медленно вытащил из заднего кармана, кошелек и, открыв, развернул, показывая свои права.

— Я Антон Харрис. Друг семьи. Я остановился, чтобы вернуть сумочку Шеннон. Она оставила ее в моей машине прошлым вечером, когда я отвозил ее домой. Она не умеет справляться с выпивкой, а я был трезвым водителем.

Полицейский отпустил его, повернулся и сердито посмотрел на Шеннон.

— Это ваш парень?

— Нет. Вы его слышали. Он — друг семьи. Я знакома с ним много лет, — солгала она, продолжая смотреть в глаза копу в надежде, что он ей поверит.

— Ладно, — вздохнул полицейский. — Думаю, я здесь закончил. — Он написал что-то на карточке и протянул ее Шеннон. — Вот номер дела и моя визитка. Свяжитесь со мной, если обнаружите какую-нибудь пропажу. — Потом быстро ушел.

Шеннон посмотрела на Антона, хмуро наблюдая за ним, когда он стал изучать каждый дюйм разрушенной комнаты. Наконец, он повернулся к ней по-прежнему мрачным.

— Оборотень сделал это.

Ее охватило удивление.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствуешь запах отбеливателя? Они пытались заглушить свой.

— Я предположила, что бандиты случайно пролили его из бутылки на кухне.

— Ты ошиблась. Ты связалась с людьми своего отца?

— Нет.

— Тогда это сделали мои. — Он прошел через гостиную и скрылся в спальне Шеннон.

Шеннон помедлила и потом последовала за ним, перешагивая через сломанный кофейный столик. Ее комната была перевернута вверх дном, одежда разбросана, кровать сломана, все ящики вытащены из тумбочек.

Антон стоял посреди ее маленькой спальни. Он обернулся и встретился с Шеннон взглядом.

— Зачем оборотням делать это?

Он пожал широкими, обтянутыми в черную кожаную куртку плечами.

— Некоторые из них, возможно, разозлились, из-за взбучки, которую я им устроил за нападение на тебя. И поскольку у них была твоя сумочка, следовательно, они узнали твой адрес. Думаю, щенки не поверили, когда я предупредил, что ты под моей защитой.

Шеннон заставила себя отвести от него ошеломленный взгляд, наклонилась и вздрогнула, поднимая свой любимый кем-то располосованный пиджак. Сначала она думала, что воспользовались ножом, для этих целей, но присмотревшись, она догадалась, что это могло быть сделано острыми когтями, судя по расстоянию между порезами.

— Мне жаль.

Она подняла подбородок, и увидела искренность в его глазах.

— Я планировала переехать, но мне нужно дождаться следующей зарплаты. Я немного зарабатываю,

чтобы откладывать на счет, так что у меня нет сбережений на случай непредвиденной ситуации.

— Я заплачу за всё.

Он снова ее шокировал.

— Почему?

— Мои щенки, моя ответственность, и поверь мне, они мне расплатятся за каждый цент. — Он вздохнул, оглядывая ее комнату. — Ты не можешь остаться здесь.

— Мне заплатят в понедельник. Уверена, больше никто не вернется. Они все разрушили, больше ничего ни осталось, что можно повредить.

Антон обещал защитить ее, но потерпел неудачу. Он смог почувствовать слабые запахи в спальне, где пары отбеливателя испарились.

А так же запах мужчин остался на одежде Шеннон. По нему Антон определил членов трех стай, побывавших в её квартире. Если бы Шеннон была дома, то напали бы и на нее... Антон подавил рычание, возмущенный тем, что оборотни могли сделать с ней.

Запах мужчин, не принадлежащих его стае, беспокоил больше всего. Он учуял, как минимум два в её комнате.

Некоторые из его стай, очевидно, снюхались с неизвестными оборотнями, пришли за женщиной за его спиной, послушавшись приказа.

Будет непростительно, если он уйдет, а с ней что-нибудь случиться.

— Пошли.

Глаза Шеннон расширились, и пухлые губки приоткрылись.

— Куда?

— В мою берлогу, — сразу же ответил Антон, неуверенный, где еще можно было бы остановиться. — Я найду тех, кто это сделал, и проверю, что бы они оставили тебя в покое, прежде чем позволю тебе исчезнуть из поля зрения. — Мысленно ругаясь, он знал, что это приведет к неприятностям. В настоящее время он жил в квартире над баром битком набитым членами его стай. — Ты можешь занять кровать, я буду спать на диване. Все это займет не больше дня или двух, прежде чем ты снова будешь в безопасности. — Он надеялся.

Шеннон сделала шаг назад и споткнулась о разорванную подушку, Антон бросился к ней и схватил за руку, чтобы удержать от падения на задницу.

Она зашипела на него, напоминая, что не была полностью человеком, а так же волком. Он инстинктивно зарычал в ответ и сжал сильнее, когда увидел, как страх исказил черты ее лица.

— Успокойся, — приказал он, морщась от тона своего голоса, но не в состоянии его изменить. — Полегче, котенок. Я не собираюсь причинять тебе боль, и здесь нет ничего, куда можно было бы взобраться. Не пытайся убежать от меня.

Гнев сменил страх, когда она посмотрела на него.

— Перестань так меня называть. Ты испугал меня. Я не собиралась бежать.

— Хорошо. Я — единственное, что стоит между тобой и стаей волков, которые решили поиграть в кошки-мышки. Очевидно, они настроены серьезно.

"Этого просто не может быть", подумала Шеннон, глядя на огромного мужчину в дюймах от нее. Она вдохнула его мужской аромат, от чего успокоилась, замедля сердечный ритм. "Он не собирается причинять мне боль".

Она продолжала повторять эти слова в голове, пока ее тело не расслабилось. А это было не просто. Инстинкты кричали, что надо бороться и бежать от большого, смертельно опасного оборотня.

— Я не собираюсь оставаться с тобой.

— А я не могу оставить тебя здесь одну. Они вернуться. — Антон ослабил хватку, но не отпускал Шеннон.

— Я не сделала ничего плохого.

— Ты для них враг.

— Я не оборотень.

— Знаю, но их, похоже, не волнует, что ты по другую сторону, поскольку волки чувствуют твой запах, и ты живешь на границе волчьей территории. Ближайший прайд находится в тридцати милях отсюда. Это делает тебя легкой добычей для моего вида.

— Просто скажи им правду обо мне.

— Это не поможет. Зато они узнают, что ты не в состоянии дать отпор. Я нарочно не сказал, насколько ты человек на самом деле, когда приказал им оставить тебя в покое.

— О, это зря. Если бы ты им объяснил...

— Ничего бы не изменилось, — проворчал Антон, отпустил ее и отошел. — Если они не послушались моего приказа, оставить тебя, ты действительно думаешь, что им не насрать, можешь ты обращаться или нет? Я не хочу пугать еще больше, но не все волки, побывавшие здесь, из моей стаи. Это означает, что другая стая знает о тебе, или хуже — они могут быть изгоями. Что означает, не перед кем ни в ответе и жить по собственным законам. Нужно ли повторять, насколько опасно находиться здесь?

— Я уеду. — Шеннон смахнула слезы. — Думаю, переезд на несколько кварталов не остановит их. Моя мама живет в Ридли. Могу поехать к ней. — Она боялась этого.

Её мать вышла во второй раз замуж за человека, которого Шеннон терпеть не могла. Она покрывалась мурашками, когда отчим иногда искоса на нее смотрел, и приходилось тщательно следить за тем, что делаешь во избежание каких-либо намеков на то, что она не совсем обычная.

— У меня нет выбора.

— Ты едешь ко мне домой. Никто не осмелится вторгнуться в мою берлогу, чтобы забрать тебя. Кровь отхлынула от ее лица.

— Берлога, это что-то типа землянки?

— Нет. — Он покачал головой, бросая на нее разочарованный взгляд, и поднимая руку, чтобы расчесать волосы, вытянув несколько прядей из хвоста. — Просто так говорят. Это квартира над баром. Она милая. Волки обычно не живут в настоящих берлогах. Дикае одиночки предпочитают пещеры.

— Приятно слышать.

Он пожал плечами.

— Пошли, котенок.

— Перестань называть меня так.

Он бросил хмурый взгляд на нее, сделал шаг ближе и прищурился.

— Давай договоримся сразу. Я здесь главный. Единственный, кто будет защищать тебя, потому что это необходимо. Не спорь со мной, это выводит меня из себя, а просто делай, что говорю. В

противном случае, я попрошу, чтобы кто-нибудь принес мне большую сумку, запихну в нее тебя и вывезу отсюда, словно дикую кошку.

Шеннон лишилась дара речи на время нескольких неуверенных ударов сердца.

— Я не просила помощи и не хочу этого. Покинь мою квартиру.

Антон быстро сократил расстояние между ними, и Шеннон вскрикнула, испугавшись, когда он схватил ее. Она ударилась спиной об стену — сопротивление бесполезно. Он зажал ее между стеной и своим большим, мощным телом. Шеннон сердито посмотрела на него.

— Хочешь, я расскажу тебе, что эти щенки сделали бы с тобой, будь ты дома, когда они нагрянули? Тебе бы повезло, если бы они разрывали тебя зубами и когтями пока не убили. Они самцы, а ты очень привлекательна. Я чувствую запах, по крайней мере, пятерых. Мне продолжать дальше?

— Нет. — Голос дрогнул, и тело дрожало, от ужаса охватившего ее, представив, то о чём говорил Антон.

— Ладно. — Он выдохнул, отпустил ее так же быстро, как и схватил, и попятился. — Я хочу убедиться, что ничьи руки, зубы или когти не тронут тебя. Я не буду называть тебя котенком, когда ты перестанешь быть такой наивной. Я пытаюсь сделать то, что обещал. Сотрудничай со мной.

— Я тебя не знаю, — заявила девушка честно. — Инстинкты подсказывают не доверять тебе, и меня всю жизнь учили, насколько опасно быть оборотнем.

Антон замялся, и выражение его лица смягчилось.

— Я всегда держу слово, и ты в безопасности со мной. Я не причиню тебе вреда. Я могу рычать и немного ворчать, когда злюсь, но за всю жизнь не убил, ни одну женщину.

Шеннон проглотила ком в горле.

— Я не знаю что делать, — от этого признания она почувствовала себя уязвимой.

Антон медленно поднял руку, и нежно погладил пальцами ее по щеке.

— Понимаю. — Он откинул ее волосы с лица, прежде чем опустил руку и сделал шаг назад, чтобы увеличить расстояние между ними. — Если это поможет, я намерен держать тебя в безопасности позволишь ли ты мне или нет. Ты можешь бороться, но ты не выиграешь. Ты больше не принимаешь решение. Я не смогу смотреться в зеркало, зная, что просто стоял и ничего не делал, когда ты была в опасности. Мои щенки натворили это и теперь ты моя ответственность.

Что-то щелкнуло в разуме Шеннон.

— Ты называл их своими щенками раньше. — Ее язык облизал пересохшие губы. — Ты их альфа? —

Скажи, нет, пожалуйста, подумала она. Альфы были самые жестокие и безжалостные оборотни любого вида.

Он покачал головой.

— Нет.

Шеннон заметно расслабилась, надеясь, что он просто оказался хорошим парнем пусть ещё и оборотнем. А в следующий миг, она почувствовала словно кто-то окатил её холодной водой, от услышанных слов сказанных Антоном.

— Я сын альфы, и первый возглавлю стаю, когда отец уйдет или умрет.

Её колени предательски задрожали и она, боясь рухнуть, боролась с этим.

Они, молча, смотрели друг на друга долгое мгновение, прежде чем Антон окинул взглядом её комнату.

— Пойдем.

— Моя одежда...

— Все уничтожены. — Он остановился у двери. — Хватит тратить время. Чем быстрее я доставлю тебя в безопасное место, тем быстрее смогу выследить тех, кто устроил этот бардак. У меня есть одежда, которую ты смогла бы одолжить, пока не купим тебе новую.

Шеннон заколебалась, но затем шагнула, переступая через разорванную подушку, лежавшую на ее пути. Она попыталась не вздрагивать, когда снова окинула взглядом разрушенную гостиную.

Щенки из стаи Антона оказались весьма методичны в своём разрушении, не оставляя ничего нетронутым.

Когда они выходили, управляющий квартиры стоял и разговаривал с соседями. Шеннон было открыла рот, чтобы заговорить с женщиной, но так и не получила такого шанса.

— Я Антон Харрис, друг семьи Шеннон. — Он направил пугающий угрюмый взгляд на менеджера. — Я отвезу ее в безопасное место, пока они не поймают эту шпану. Надеюсь, вы быстро установите новую дверь и возьмёте дом под охрану, пока Шеннон не будет. Вы лично будете отвечать, если что-нибудь ещё произойдет.

У Шеннон от удивления отвисла челюсть, и только она собралась извиниться, как Антон выбрал именно этот момент, чтобы протянуть руку и, схватив ее онемевшую ладонь, осторожно отвести ото всех в сторону.

Он подвел ее к обочине, где был припаркован большой черный мотоцикл, отпустил ее руку и забрался на байк. Антон завел мотоцикл и приподнял бровь, жестом приглашая девушку.

— Уж я знаю, как ты можешь крепко держаться. — Он немного наклонился, его рука потянулась за чем-то на другой стороне байка, а потом он протянул шлем. — Прикрой рот и забирайся позади меня.

Шеннон подумывала отказаться от поездки. Если устроить сцену, он не посмеет, заставить её силой сесть на своей байк, при таком количестве свидетелей вокруг. Он быстро показал права полицейскому, раскрывая свою личность. Шеннон смотрела Антону в глаза, когда он протянул шлем, и приняла решение. Мужчина пока не причинил ей боли, а кто-то определенно желал этого, о чем свидетельствовала бедная квартира, полная поврежденным имуществом.

— Ладно, но ловлю тебя на слове.

— Хорошо. — Он выдал натянутую улыбку, не коснувшуюся глаз. — Я — единственный для тебя шанс остаться в безопасности. Тебе нечего меня бояться.

Не особо веря сказанному, Шеннон приняла защитный шлем, и осторожно одела. И растерялась, когда Антон, приблизившись, закрепил ремешок под ее подбородком. Встретившись взглядами, они продолжали смотреть друг на друга, пока он не закончил.

— До этого когда-нибудь ездила на мотоцикле?

— Нет.

Удивление промелькнуло на его красивых, мужественных чертах лица.

— Тебе чертовски сильно понравится. Просто обхвати меня руками, не отпускай и доверься мне.

Шеннон колебалась.

— Единственный человек, которому я могла когда-либо доверять, моя мать.

Он отвернулся, глядя куда угодно, но не на нее.

— Жаль это слышать. Садись, котенок.

От произнесенного прозвища вспыхнуло раздражение. Она просила его перестать, но Антон отказался.

Сойдя с обочины тротуара, она подняла ногу, неуклюже забираясь на широкое длинное сидение, благодарная за то, что свободную юбку легко было плотно прижать к ногам. Сидеть верхом на байке оказалось удивительно удобно.

Обернувшись, чтобы посмотреть на Шеннон, Антон поднял второй шлем.

— Перестань так меня называть.

— Я говорил, почему делаю это.

— Что, черт возьми, это значит?

Он замешкался, затягивая ремешок под подбородком, не отрывая от нее взгляда при этом.

— Ты мне нравишься, я считаю тебя милой. Было бы явно глупо, не напоминая я себе об этом каждый раз, когда чувствую, что мое тело реагирует на твое, учитывая то, что по крови мы заклятые враги.

Его жестокая откровенность лишила ее дара речи.

Подмигнув, он отвернулся. Мотоцикл завелся, громкий мотор прервал, какой бы ни было последующий разговор.

Шеннон подалась вперед и, помедлив, обхватила руками Антона за талию. Ей пришлось плотно прижаться к его широкой спине, чтобы скрепить пальцы.

Сильно зажмурившись, она ещё крепче вцепилась в Антона, когда он рванул от тротуара.

Глава 4

Антон припарковал байк на охраняемой парковке для сотрудников за баром. И выключил зажигание, радуясь, что никто из персонала не курил у черного хода.

Обернутые вокруг него руки ослабили хватку и тепло, жавшееся к спине, исчезло.

Он удержался от ругательства, когда понял, что ему абсолютно не понравилось, когда Шеннон прервала контакт их тел.

Потянувшись назад, он предложил свою руку.

— Ноги могут болеть, так что двигайся медленнее, когда встанешь.

Раздражение возросло, когда она полностью проигнорировала его помощь в поддержке, избегая прикосновений с ним, и слезла с байка, хватая юбку и стараясь не сверкнуть нижним бельём перед ним.

Сделав пару шагов, она чуть не упала на задницу от того, что ноги немного подкосились. Антон покачал головой, наблюдая, как она покачнулась, прежде чем достичь равновесия, поворачиваясь к нему лицом.

— Я предупреждал. Ты сказала, что никогда раньше не каталась.

— Тебе обязательно было проехать по каждому ухабу и лежащему полицейскому [1] по дороге сюда? — Ее глаза сверкнули гневом.

Виновен, подумал он, спрятав ухмылку, угрожавшую изогнуть его губы.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — солгал он.

Антон никогда бы не признал, что ему нравится ее сексуальное маленькое тело, вцепившееся в него, или то, насколько чувствовал себя извращенным, когда обнаружил, что руки Шеннон спустились

опасно близко к эрекции, когда он переезжал лежащий полицейский на ее улице. Он переехал, по меньшей мере, с десятков таких, чтобы, наконец, ее хватка расположилась там, где ему хотелось — на его изнашивающем члене. Чувствовать ее трение при встряске байка было пыткой, но Антон наслаждался каждой секундой.

— Клянусь, ты наткнулся на каждый. Я постоянно здесь езжу, но никогда не переезжала такое большое количество.

Антон отвернулся, прежде чем Шеннон смогла увидеть его лицо, обеспокоенный, что она догадается о его скрытых мотивах.

Он вытянул подножку байка, поднял ногу над сиденьем и не стал поправлять член, когда жесткая длина неудобно надавила на молнию.

— Я поехал в объезд, чтобы не торчать в пробках. — Отговорка нашлась легко. Он протянул руку. — Возьми меня за руку Мы идем внутрь, где ты столкнешься с еще большим количеством оборотней из моей стаи.

Страх отразился на ее тонких чертах, и защитные инстинкты Антона проснулись к жизни. Он встревожился от столь быстрой реакции на эмоции Шеннон. Конечно, его воспитали защищать женщин, но здесь что-то не так. Ответом на страх Шеннон был его зверь, рвущийся наружу, чтобы защитить ее.

— Доверься мне.

Он действительно хотел и нуждался, чтобы она доверяла ему, и ощущал это так же ярко, как и волк под его кожей.

Антон смотрел на нее и ждал, когда Шеннон вложит свою маленькую ручку в его. Напряжение между ними росло, пока она не шагнула ближе, все еще нерешительная, но потом легко коснулась ладонью его руки.

Его пальцы решительно переплелись с ее, и Антон попытался проигнорировать мягкость ее кожи.

— Хочешь, чтобы я понес тебя? Последнее, что нам нужно — чтобы ты полезла по стенам. Я бы предпочел, чтобы ты прижималась плотнее ко мне.

— Нет. — Она храбро задрала подбородок, и решимость засияла в ее прекрасных голубых глазах. — Я сделаю это.

Он восхищался ее мужеством, но она признала, что контроль над инстинктами не был самой сильной ее стороной.

У него достаточно крепкая хватка, чтобы Шеннон не смогла сбежать от него. Мужчина направился к черному входу.

Он надеялся, незаметно провести девушку в свою квартиру не вступая ни с кем в контакт.

Шеннон старалась игнорировать захватывающий страх, от которого она испытывала непреодолимое желание бежать.

Ей никогда прежде не приходилось, сталкиваясь с такими сильными инстинктами и Шеннон догадывалась, что ответственность за это непосредственно возложена на широкие плечи сексуального хитреца, который привел ее в свое логово.

Ее кровь, возможно, и была разбавлена геном оборотня, но боязнь собак, вервольфов в особенности, казалось, укоренилась в ее ДНК.

В ту секунду, когда Антон коснулся дверной ручки, ей пришлось побороть панику, которая ударила

достаточно сильно, чтобы дышать стало невозможно.

— Всё хорошо?

— Что со мной не так?

Он развернулся, отпустил руку, и в следующее мгновение Шеннон ахнула, когда большие, сильные руки обхватили её талию, и ноги оторвались от земли.

Ее спина мягко ударилась о стену рядом с дверью, когда он разворачивал их, практически прижав ее к своему телу. Он поднял Шеннон выше к своей груди так, что их глаза оказались на одном уровне.

— Держись за меня, — приказал он.

Она не сопротивлялась, так как ее руки и ноги обвилились вокруг него быстрее, чем она успела подумать. Это помогло, но не сильно.

Широко распахнутыми глазами она уставилась на него, и тихое рычание вырвалось из глубины его горла. Дрожь пробежала по ее позвоночнику, и слабое шипение слетело с ее полураскрытых губ. В то же время, Шеннон поняла, что ее ногти впились в его рубашку, где руки скользнули под куртку.

— Полегче с коготками, котенок. Я держу тебя и то, что ты испытываешь — нормально. Запах стаи здесь очень силен. Ты можешь не понимать, что чувствуешь его, но, разумеется, ты можешь это делать.

Видела бы ты сейчас свои глаза — Он уставился в них. — Черт.

Тревога охватила ее.

— Мои глаза? Что с ними не так?

Антон внимательно вглядывался в ее глаза, а потом мягко зарычал.

— Может твое тело и не может обращаться, но глаза немного меняются. Сейчас у тебя кошачьи глаза, ярко-голубого оттенка с экзотическими желтоватыми крапинками, и они самые прекрасные, которые я когда — либо видел.

Она посмотрела через плечо, ища зеркальную поверхность, но ничего не нашла.

Шеннон вернула взгляд, к его темным впечатляющим глазам оборотня, которые, казалось, стали почти черными.

— Твои глаза, — прошептала Шеннон.

— Да, — прочистил горло, Антон. — Голос тоже изменится на более глубокий.

Она не нуждалась в этом напоминании, потому что уже дрожала от его терпкого, слегка изменившегося голоса.

— Почему?

— Тебе страшно, но для меня это кое-что другое.

— Что?

— Я хочу трахнуть тебя, так сильно, что это причиняет боль. — Тихо прорычал Антон.

Словно онемев, Шеннон изумлённо уставилась на него, не ожидая услышать подобных слов. Антон закрыл глаза, и наклонил голову, обнажая горло для неё. Шеннон вновь обрела голос.

— Ты предлагаешь прелюдию? Помню, ты рассказывал, что произойдет, если понюхать твою шею. Не думаю...

— Если ты потрешь носом о мою шею, то я порву твою одежду в клочья и возьму тебя прямо здесь. Я пытаюсь контролировать своего волка, а ты ни как не помогаешь.

— Поставь меня на землю.

Более громкое рычание завибрировало в груди Антона, прижатой вплотную к ее груди.

— Не борись со мной. Если продолжишь так делать и тебя трахнут в прямом смысле этого слова. Она замерла, затаив дыхание и внимательно наблюдая за его непроницаемым выражением лица. Челюсти Антона сжались, желваки заходили на скулах, а потом его полные губы приоткрылись, когда он сделал глубокий вдох, теснее прижимаясь к груди Шеннон. Шеннон была шокирована, когда её соски затвердели в ответ на прикосновение, и звук, которого она никогда раньше не слышала, вырвался из нее.

Антон резко повернул голову к ней, смотря удивлённым, тлеющим взглядом.

— Ты мурлыкаешь.

— Я нет, — отрицала она, несмотря на мягкий шум, что издавала, напоминающий именно это.

— Ты...

Задняя дверь рядом с ними неожиданно распахнулась, и из бара выскочила высокая женщина, без умолка ругаясь, прерывая Антона на полуслове.

Глаза Шеннон расширились с ошеломляющей тревогой, когда она поняла, что красные пятна на белой рубашке и обтягивающих джинсах, надетых на женщине, не что иное как свежая кровь.

Которой также были покрыты руки женщины.

— Что случилось, Гленда? — прорычал Антон.

Женщина развернулась, вздрогнула, потом нагнулась, потянувшись за шлангом, прикрепленным к стене здания.

— Эти глупые щенки ввязались в драку, пытаюсь строить из себя крутых парней перед сучками. До этих дней еще далеко, но уже набирает обороты сезон спаривания. — Ее темный взгляд переместился на Шеннон и брови взметнулись. — Вау, это та сучка с севера? Я думала, что она не приедет до вечера.

Включилась вода.

— Хм... — замешкался, Антон.

Мускулистая, по меньшей мере, ростом шесть футов, женщина рассмеялась.

— Кого тут с кем скрещивают? Она крошечная. Она из вида Чихуахуа или что-то типа этого? Это оскорбительно, что стая послала это, чтобы проверить тебя. Должно быть, они совсем в отчаянье, что решили соединиться с сильной породой. Ты собираешься сломать ее прежде, чем забава начнется.

— Твою мать, — прорычал Антон. — Внутри кто-нибудь пострадал?

Гленда окатила руки водой из шланга, чтобы смыть кровь.

— Не-а. Мы прервали их до того, как все зашло слишком далеко. Вон заставляет их заплатить за все, что они разрушили. Они сломали пять столов, и оставили довольно-таки большую вмятину на стене, но немного гипсокартона и краски это исправит.

Шеннон уставилась на устрашающего вида женщину. Плотные мышцы перетягивали ее руки, когда она выключила шланг и выпрямилась.

На каждом её плече красовались татуировки, а также их можно было рассмотреть, где глубокий вырез топа опускался между грудей.

Шеннон не сомневалась, что она впервые видит женщину — оборотня и, если они все похожи на эту, то могут оказаться, чертовски порочны.

— Проклятье. Они знают, что я не терплю подобное дерьмо в своем баре.

— Я говорила им, Антон. — Взгляд тёмных глаз вновь остановился на Шеннон, и женщина подошла

ближе. — Хочешь, чтобы я избавилась от этой коротышки? — губы расплылись в холодной улыбке. — Послать сообщение, что мы оскорблены тем, что они считают своим самым лучшим? Тело Антона напряглось.

— Отвали сейчас же, Гленда.

Женщина застыла, а потом сделала странное лицо, ее нос хрустнул, и рычание вырвалось из полураскрытых губ. Чистый гнев изменил черты ее лица.

— Пума. Свежая кровь на мне от драки сначала заглушила ее запах.

Если бы взглядом могли убивать, Шеннон не сомневалась, что умерла бы в тот момент. Женщина рванулась вперед, игнорируя команду Антона.

Он выругался, и одной рукой отпустил Шеннон, чтобы раскрытой ладонью сильно ударить надвигающуюся женщину в грудь. Толчок заставил ее отшатнуться, и она приземлилась на задницу.

— Я сказал, отвали, — проревел Антон.

Сбитая с ног женщина рычала и не отрывала от Шеннон ненавидящего взгляда.

— Позволь мне ее убить. Пожалуйста?

Антон снова схватил Шеннон обеими руками, подобно стальным обручам обвивая вокруг ее талии, рычание низкое и глубокое вырывалось из его груди.

— Она здесь гость. Не трогайте ее. Никто.

Гленда в ярости повернулась к Антону.

— Что?

— Гость. Она под моей защитой.

Рот женщины задвигался, но сначала не донеслось, ни звука. Злость переросла в удивление, затем в замешательство.

— Почему? Она — вонючая кошка. Она явно пришла поиграть на нашей территории, и ты ее поймал. Ты не выносишь, когда обижают женщин, даже если она одна из тех, так ведь? Я буду счастлива, забрать эту задницу.

— Я сказал, она под моей защитой и никто не причинит ей вред.

Гленда осторожно поднялась на ноги, двумя руками отряхивая джинсы, и изумленно уставилась на Антона.

— Что за чертовщина?

Он глубоко вздохнул, его мощная грудь тесно прижалась к меньшей по размеру груди Шеннон, зажатой между его телом и стеной.

— Обрати внимание, какой слабый запах от нее исходит? Она по большей части человек. Некоторые щенки решили поохотиться на нее в лесах, но я встал у них на пути.

— Она — враг. Конечно, они хотели сделать из нее съедобную игрушку.

— Я не разрешаю нападение без всякого повода. — Черты лица Антона потемнели от гнева.

— Она дышит и её кровь пахнет пумой. Это достаточная провокация для меня. — Гленда смирив Шеннон злым взглядом, прежде чем снова встретиться с холодным пристальным взглядом Антона. — Я знаю, у тебя слабость к женщинам, поэтому, передай ее мне. Я не убью ее, но, по крайней мере, вышвырну с нашей территории.

— Нет.

Неверие осветило лицо женщины-оборотня.

— Что ты намерен с ней делать? Вызовешь ее прайд и встретишься с ними, чтобы ее вернуть?

— Нет. Она останется в моей квартире до тех пор, пока я не буду уверен, что на нашей территории она в безопасности. Я разрешаю ей остаться. Она живет на окраине, и я предоставляю ей разрешение остаться там после того, как разберусь с текущими угрозами в ее адрес.

У Гленды вырвалось глубокое злобное рычание, прежде чем она повернулась и направилась к двери.

— Я звоню твоему отцу.

— Твою мать, — вздохнул Антон, повернув голову, чтобы посмотреть на Шеннон, когда за удалявшейся женщиной захлопнулась дверь.

— Тебе лишь нужно было разрешить мне остаться с мамой.

Шеннон изучала его красивые глаза. У нее перехватило дыхание. Он был для нее сексуальным и красивым. Она отметила его сильный мужской аромат, который она вдыхала и ее руки на нём сжались чуть плотнее. Тепло пробежало по ее телу, пока она не изогнулась, ее бедра чуть крепче прижались к его.

Антон тихо зарычал и от этих вибраций грудь Шеннон напряглась. Тепло превратилось в жар, пока ее дыхание не перешло в судорожные вздохи.

Кажется, вечность они смотрели друг на друга, пока он не переместил бедра, плотно упираясь ширинкой джинсов в ее трусики.

Тяжелый, возбужденный мужчина терся о сердцевину ее желания. Тихий стон слетел с ее губ, потрясая Шеннон.

— Черт, — прохрипел Антон. — Я слишком близок к жаре и ты, думаю тоже.

— Ты действительно теплый.

Его взгляд опустился на ее грудь, прижатую к его груди.

— Ты не знаешь, о чем я говорю, правда?

— Температура твоего тела выше обычной, и ты меня прижал. Конечно, мне жарко. Я вот, вот вспотею, если ты меня не опустишь на землю.

Его горячий, сексуальный взгляд обратился к ней.

— Ты не испытываешь горячку? Я говорю о сексе.

Ошеломленная Шеннон сглотнула.

— Нет.

— Тебе не хочется секса иногда больше чем в другое время?

Она тряхнула головой.

— Нет.

— Кошки другие. Вы должны утолять сексуальный жар хотя бы раз в месяц, если моя информация точна.

— Я не собираюсь говорить об этом с тобой. — Она покраснела, смутившись, что он сказал нечто столь личное. — Но нет, я не такая. Я управляю своей кошкой, и со мной этого не случится.

— У оборотней есть время в году, когда наступает сезон спаривания, и он длится несколько дней.

Обычно от десяти до пятнадцати. Все зависит от года.

Это поразило Шеннон.

— Я всегда знала, что собаки сексуально озабоченные. — В мгновение, когда слова слетели с губ, она захотела забрать их обратно, не желая обидеть Антона.

Улыбка расплылась на губах Антона.

— Да, но на самом деле всё гораздо хуже. Природа немного пошутила над нами, дабы убедиться, что мы не прекратим своего существования.

Масса вопросов возникла у неё в голове, но Шеннон не посмела задать их. Вместо этого, прикусила губу и опустила глаза, разглядывая загорелую шею Антона.

— Меня не затрагивает брачный сезон.

— Зато меня затрагивает, и поэтому я собираюсь сейчас оставить тебя в своей квартире. Ты будешь в безопасности, если я оставлю тебя одну. Чем быстрее я смогу справиться с этой неприятностью, тем лучше. Тебе нельзя здесь оставаться, когда начнется сезон спаривания. — Вздохнув, Антон перестал жестко прижимать ее бедрами.

Шеннон не стала спрашивать, но поняла, что он, должно быть, прочитал любопытство на ее лице, пока говорил.

— Желание заняться сексом мучительно, если пытаешься его отрицать. Тебе станет не до сна в моей постели, когда наступит сезон. — Он вскинул брови. — Понимаешь, на что я намекаю?

О да. Шеннон бросило в пот, когда она представила Антона невероятно возбужденным и готовым заняться с ней сексом. Это мысль не ужасала.

Изумление от такого открытия немного охладило ее. Он страшный оборотень, абсолютно меняющий ипостась и скоро станет жестоким Альфой, напомнила она себе.

Другими словами, последний мужчина, с которым стоит связываться. Это было бы самоубийством.

— Ты должен поставить меня на землю.

— Должен, но не буду. Я отнесу тебя в свою квартиру, а потом поохочусь на некоторых своих щенков. Они назовут мне имена друзей, ворвавшихся в твою квартиру. Надеюсь, к концу ночи я все это в корне пресеку.

Антон изнывал от желания трахнуть женщину в своих руках. Он с точностью мог измерить пульс по биениям в члене, болезненно пульсирующем в джинсах.

Оторвавшись от стены, он перераспределил вес девушки и поборол стон, когда ее руки и ноги плотнее обвили его шею и бедра.

Теперь он понял, что значит выражение "как вторая кожа". Будь они еще чуть ближе, Шеннон действительно, могла бы, стать частью него.

Освободив одну руку, Антон распахнул дверь и шагнул в заднюю часть бара. Запах стаи стал сильнее, наряду с запахом пива, сигаретного дыма и еды.

Это помогло заглушить возбуждающий аромат Шеннон. Сделав глубокий вдох, Антон быстро зашагал, держа ее так, чтобы они не терлись друг об друга слишком сильно.

Он поднимался по дальней лестнице в квартиру, переступая сразу через две ступеньки.

Остановившись, он набрал код и дверь распахнулась. Антон усмехнулся, любуясь недавно установленной технологией.

Шагнув в открытую дверь, он захлопнул ее. Быстро оглядел небольшое помещение — это то, что он делал всегда, придя домой — и втянул воздух.

— Что ты делаешь?

Мягкий голос заставил его улыбнуться ее красивому, приподнятому лицу. Антон хотел застонать при виде ее глаз. Экзотической формы, но яркие, сверкающие голубые с желтыми вкраплениями. Он

мог в них потеряться.

От страха желтый выделялся больше, почти вытеснив голубой. Антон находил их очаровательными.

— Убеждаюсь, что никто не приходил, пока меня не было.

— У тебя же есть система безопасности.

— Да, но осторожность не помешает. У меня, как у сына Альфы, много врагов. — Прочистив горло, он добавил. — Отпусти, я спущу тебя на землю. Здесь ты в безопасности.

Он ненавидел, когда руки и ноги Шеннон ослабили хватку, и ему пришлось отпустить ее. Антону слишком сильно нравилось держать ее в своих объятиях.

Шеннон отступила, как только коснулась ногами пола, и отвернулась от Антона, с любопытством беззастенчиво осматривая его квартиру.

Проследив за ее взглядом, он надеялся, что Шеннон испытывала ненависть к его холостяцкому жилищу. Сейчас оно выглядело намного лучше, чем когда он принял его у Грэйди.

— Мой брат жил здесь до этого, но при нем все было довольно стандартно. Я улучшил кухню и установил ванну. Планирую поставить стену, чтобы отделить спальню от остальной площади.

— Милая квартира. Мне на самом деле нравится свободная планировка.

У нее был прекрасный голос. Мягкий, но немного хриловатый. Его член запульсировал сильнее.

Брачный сезон не мог начаться в более неподходящее время.

Антон чувствовал нарастающее желание, и его зверь с силой надавил на кожу, испытывая жажду взять женщину перед ним. Не имело значения, что она враг. Ее запах вызвал к обеим сущностям Антона.

— Угощайся всем, что есть в холодильнике, и что бы ты ни делала, не открывай дверь. Ни у кого кроме меня нет кода доступа.

Шеннон повернулась к нему лицом, и Антон отступил. Он боролся с порывом броситься к ней, схватить и пронестись через комнату к кровати с балдахином и прижать собой.

Взглянув на ее одежду, он отметил, как легко было бы сорвать ее с тела Шеннон, уничтожая помеху на своем пути. Антон желал ощутить ее кожу своей, потереться об ее тело и узнать какова она на вкус. Блядь!

— Не открывай дверь. Мне нужно идти. Чувствуй себя как дома. Пользуйся чем угодно.

Он отвернулся, предположив, что она, вероятно, думает, что он сошел с ума либо просто груб.

Рывком, открыв дверь, Антон вышел и захлопнул её за собой.

Остановившись, Антон коснулся панели и запер Шеннон. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Он сделал несколько глубоких вдохов, пока ее запах больше его не мучил, а затем заставил себя уйти.

Спустившись, он направился в административную часть здания.

Шум и запах стаи заполонили его чувства. Он прошел в бар и кивнул Мисти — официантке за барной стойкой.

Она усмехнулась, приближаясь к нему с приветственной улыбкой. Антон тихо застонал от флюидов, излучаемых ею при взгляде на него. Он ненавидел получать зеленый свет от женщин, желающих привлечь его в сексуальном плане.

— Эй, босс. Хочешь чего-нибудь? — Мисти наклонилась над стойкой достаточно, чтобы сверкнуть перед ним ложбинкой в откровенном декольте.

— Заканчивай, — зарычала Гленда слева от него. — Он не будет с тобой во время брачного сезона. — И добавила, пихнув его в плечо. — Что, черт возьми, ты делаешь?

Антон вздохнул и, повернув голову, встретился с ней взглядом примерно на уровне своих глаз.

— Никто не идет наверх. Ты лично ответственна за ее безопасность. Это понятно?

— Да. Я не звонила твоему отцу.

— Я и не думал, что ты сделаешь это. Тебе слишком сильно нравится управлять баром, и ты знаешь, что я уволил бы тебя в мгновение ока за ябедничество.

— Кто наверху? — Мисти нагнулась еще дальше, открывая взгляду отсутствие белья.

Гленда зарычала.

— Я не хочу видеть твои сиськи, как и Антон.

Взглянув на ее рубашку, он покачал головой.

— Не выйдет. Я не связываюсь с сотрудниками.

— Черт. Тогда что тебе нужно? — Мисти выпрямилась. — Ты точно упускаешь возможность.

— У меня гость на ужин, так что скажи Райану, что я скоро позвоню ему, чтобы он начал готовить стейки для двоих. Вернусь примерно через три часа, так что дай ему знать, чтобы он приберег парочку, если их останется мало. Хочу...

— Ты сошел с ума, — перебила Гленда. — Ты должен позволить мне убрать ее с нашей территории. Антон зарычал на давнего друга.

— Не лезь в это и делай, как я приказал. Не забывай, кто здесь главный. Она под моей защитой.

— Стая с севера уже прислала свое предложение? Я думала, она не приедет до наступления темноты, — фыркнула Мисти. — Даже не знаю, зачем ты позволяешь им посылать лучших женщин и пренебрегаешь ими. Ты никогда не возьмешь одну из них в пару.

На Антона нахлынуло разочарование.

— Этого дерьма мне сейчас не нужно.

Он полез в карман джинс, вытащил мобильный и пролистал номера. Выбрав один из них, он слушал гудки. Брат ответил после четвертого.

— Нужна помощь, Рэйв.

— В чем дело?

— Стая Морделла посылает королеву красоты этого года для меня на сегодняшний день. Хочу, чтобы на этот раз ты прикинулся мной. Мне нужно твое прикрытие.

— О, черт, нет, — с трудом произнес брат глубоким голосом. — Ни за что.

— Ты мне должен. — Антон помолчал. — Прошлым летом я вытащил тебя из подобных неприятностей.

— Черт. Она очень раздражает, или же она настолько горяча, что ты боишься в конце концов сделать ее своей парой? Это только на сегодня?

Поколебавшись, он вздохнул.

— Нет. Я хочу, чтобы ты полностью меня прикрыл. Пришлю тебе по почте свой график. У меня уже есть женщина, которая будет со мной в постели.

— Я ее знаю?

— Нет, и пусть лучше все так и останется. Она вне досягаемости. Ты сделаешь, о чём я прошу?

— Конечно. Я еще ни с кем не договорился. И готов заместить тебя, но ты мне за это будешь должен.

Скоро брачный сезон, а затем, когда он закончится, появится необходимость-в-бандаже-для-спины от злоупотребления сексом. Женщины действительно стараются произвести впечатление на будущего Альфу нашей стаи решительным... обольщением.

— Спасибо. Приходи в бар, чтобы отвлечь ее до того, как она подойдет к лестнице.

— Буду через десять минут.

Антон положил трубку и, проигнорировав ухмылку Гленды в свой адрес, направился на выход.

— Я уйду на охоту. Защищай ее. Никто, именно это я и имею ввиду, не приблизится к ней.

— Ладно. — Гленда пожала плечами. — Ты босс.

Глава 5

Шеннон нервничала от чего её кожа зудела, пока она мерила шагами маленькую квартиру. Запах Антона сохранился в комнате, но становился практически невыносимым возле его постели.

Облизнув губы, Шеннон решила принять душ. Потому что чувствовала аромат Антона на своей одежде и коже. Уже прошло несколько часов с тех пор, как он ушел, и она не имела ни малейшего представления, когда вернется.

В ванной, должно быть, недавно сделали ремонт, поскольку все выглядело новым. Единственным изъяном в дизайне было отсутствие замка на двери.

Что заставило сомневаться раздеваться ли догола, но Шеннон жаждала смыть запах Антона с тела, в надежде, что это в какой-то мере восстановит ощущение нормальной жизни.

Пока Шеннон стояла под струями теплой воды, омывающей тело, в желудке заурчало, напоминая о голоде. Она пропустила обед и знала, что уже, должно быть, давно прошел час ее обычного ужина. Ей необходимо питаться регулярно, списывая это на свою гиперэнергию, преследующую ее всю жизнь.

Шеннон быстро вымыла и высушила волосы.

Прикусив губу, она посмотрела на стопку грязную одежды, но не стала одевать. Прислонившись к двери ухом, она прислушивалась, пока не убедилась в том, что Антон еще не вернулся.

Шеннон с облегчением медленно открыла дверь. Ей казалось, что все чувства обострились с тех пор, как она вступила в контакт с оборотнями.

Шеннон была в расстроенных чувствах, будучи уверенной в том, что не унаследовала многие черты своего отца. Теперь ей стало интересно, дремали ли ее способности, поскольку раньше никогда не были нужны.

В комоде было девять ящиков, на которые она и уставилась, гадая, подойдет ли ей что-нибудь из того, что принадлежит Антону.

Всего пару секунд заняло решение, что она скорее встретится с оборотнем в одежде, чем во влажном полотенце. Шеннон открыла верхний ящик, полный футболок, достала одну и сбросила полотенце.

Она натянула ее, и та опустилась до середины бедер. Антон оказался очень большим, поэтому футболка обернулась платьем на ее маленькой фигуре. Шеннон открыла другой ящик в поисках спортивных брюк.

— Вот дерьмо, — выдохнула она.

От удивления глаза расширились при виде коробочек. Там, вероятно, были сотни презервативов любого цвета и вида.

Захлопнув ящик, она открыла другой. Зачем ему столько? Следующая мысль отдалась

болезненными ощущениями в нижней части живота. Со сколькими женщинами он спит? Мысленный образ Антона с другими вызывал ощущение неудобства и явной злости. Дверь подала звуковой сигнал, и Шеннон резко развернулась, выпрямившись, страх охватил ее, когда дверь открылась.

Антон сделал пару шагов в комнату и внезапно замер, втянув воздух и резко повернувшись в сторону Шеннон.

— Надеюсь, ты не возражаешь, что я приняла душ и теперь пользуюсь твоей одеждой.

Она не упустила напряженное выражение на его красивых чертах лица и то, как все его тело, казалось, застыло, пока он не сжал по бокам руки в кулаки.

Напряженный взгляд Антона опустился вдоль ее тела, цвет глаз потемнел, пока Шеннон наблюдала.

Он молчал, не двигался, но, казалось, сосредоточил все внимание на ее обнаженных ногах.

— Ты нашел людей, которых искал? Для меня уже безопасно вернуться домой?

Прочистив горло, он перевел все внимание на ее лицо.

— Нет. Кажется, кто-то предупредил, что я зол на них, и они ушли в подполье. Я найду их. Им придется появиться на обязательном собрании стаи за завтраком, а я буду ждать. Я... — Он опять опустил взгляд на ее ноги. — Подумал, что ты проголодалась. Я-то точно.

— Умираю от голода.

— Я заказал ужин. Нам принесут его в любое время. Я позвонил с мобильного по пути сюда, и сказал повару приготовить нам еду.

— Спасибо. Что-то не так с моими ногами? Ты пялишься.

Он встретил ее несколько изумленный взгляд.

— Извини.

— Не скажешь, где ты хранишь спортивные брюки?

— Они тебе не понадобятся.

Шеннон скинула брови.

— Понадобятся. Эта футболка всего не скрывает, мне будет удобнее одеть что-то под нее.

Его ноздри раздулись, и мягкий рык сорвался с приоткрытых губ.

— На тебе нет трусиков?

На ее щеках разгорелся румянец.

— Я начинаю осознавать, что у тебя плохая привычка задавать действительно личные вопросы. В каком ящике ты хранишь спортивные брюки? Не хочу больше открывать ни один из них, ища штаны вслепую. — Посмотрев на ящик с презервативами, Шеннон перевела взгляд обратно на Антона. — Боюсь найти что-нибудь еще.

Он усмехнулся, очевидно, несколько не смущенный.

— Во всех остальных ящиках одежда.

— Даже не собираюсь спрашивать, что ты думаешь.

— Продолжай. — Антон стянул куртку, слепо бросив ее на стул, у все еще открытой двери. — Что ты хочешь знать?

Немного сомневаясь, она все же решила, что может так же задать вопрос, поскольку ей действительно было любопытно.

— Почему у тебя пожизненный запас презервативов? Что, нельзя покупать по упаковке за раз, как

делают все?

— Я говорил тебе — приближается брачный сезон. У меня нет в планах обзавестись парой, а если женщина от меня забеременеет, ожидается, что я сойдусь с ней. Пусть лучше будет слишком много, чем мало. На самом деле еще упаковки спрятаны в прикроватной тумбочке.

Шеннон, раскрыв рот, изумленно смотрела на него.

Антон усмехнулся.

— Что?

— Насчет тех больших упаковок и того, что весь ящик ими заполнен.

Он сделал шаг в ее сторону.

— И?

— Тебе действительно нужно так много?

При мысли о количестве секса, который понадобится на их использование, в животе все затрепетало, а его футболка внезапно оказалась слишком мала.

— Сезон спаривания в точности такой, каким звучит. — Он сделал еще один шаг, сокращая дистанцию между ними. — Думаю, это словно полностью сходишь с ума из-за секса.

— Ох. — Она не была уверена, как на это реагировать.

Антон осторожно приближался, пока не стал перед ней, и Шеннон откинула голову, чтобы посмотреть в его пылающие глаза.

Его руки разжались, и Антон потянулся к ней. Шеннон резко отступила назад, чтобы избежать его прикосновения, но забыла про открытый ящик.

Угол впился в заднюю часть ее колена. Она задохнулась от острой боли и потеряла бы равновесие, если бы Антон внезапно не схватил ее за бедра.

Он дернул ее на себя.

— Куда ты собралась? — Голос его углубился, и Антон сильно прижал ее к своему большому телу. — Ты выглядишь взвинченной, словно кошка, пойманная в ловушку внутри собачьей конуры. — Он улыбнулся своей шутке.

— Это не смешно. — Она схватила его обнаженные руки за локти и в секунду, когда ее пальцы прикоснулись к нему, Шеннон задохнулась, словно от удара электрического тока.

— Ты хорошо выглядишь в моей футболке.

— Спасибо. — Шеннон откинулась назад, пока грудью не прижалась к нему, не уверенная, почему Антон держит ее. — Ты не хочешь меня отпустить?

— Нет. — Он сделал паузу. — Но будешь выглядеть лучше без нее.

Ее разум опустел, отвлекаясь на его прикосновение и на то, как близко Антон стоял.

— Без чего?

— Моей футболки. — Пальцы Антона сжались на ее бедрах. — Почему бы тебе ее не снять?

— Этого не произойдет.

— Почему нет? — Изумление вспыхнуло в его сексуальных глазах. Он казался утонченным, заставляющим сердце замирать красавцем, когда выгибал полные губы в шаловливой улыбке. — Я знаю, что буду наслаждаться представлением.

— Я даже не знаю тебя, и я не занимаюсь сексом с незнакомцами.

Это вызвало у него смешок.

— Кто говорит про секс? Это, то о чем ты думаешь?

Шеннон нахмурилась в ответ.

— Ты думаешь, я поверю, что ты не захочешь секса, если я полностью разденусь?

— Я оборотень. Нам комфортно с обнаженной кожей. Если бы ты воспитывалась среди перевертышей, ты бы не думала дважды, прежде чем раздеться в присутствии других. Признаю, мне очень любопытно увидеть каждый дюйм твоего тела. — Он ослабил хватку на ее бедрах, скользнул руками к талии и легонько сжал. — Ты здесь мягкая.

Шеннон нахмурилась сильнее.

— Спасибо, что указал на то, что мне нужно посещать спортзал и скинуть лишний вес. Я начинаю понимать, почему ты одинок. Вот подсказка. Теперь не круто указывать на жир на животе или жировые складки на талии у женщин.

— Большинство из нас сжигают калории быстрее, чем успевает их проглотить. Покажи мне свое тело. Я хочу его увидеть. — Он сжал ее снова, лаская мягкий контур ее бедер и плоский живот. — Сними футболку.

— По большей части я человек, помнишь? Мне неудобно обнаженной, я не раздеваюсь, чтобы показать части своего тела, обычно я ношу мешковатую одежду, чтобы его спрятать. — Шеннон снова попыталась отступить, но Антон решительно удержал ее на месте.

Внезапно он отпустил ее и шагнул назад. Шеннон расслабилась, поверив, что он оставил ее в покое. Ее разум отклонил это предположение, когда Шеннон смотрела в оцепенение, как Антон схватил за край свою футболку, рванул ее из-за пояса джинсов, и снял со своего тела.

Вид мускулистого, подтянутого живота и широкой, внушительной груди заставил ее застыть на месте и просто наблюдать, как он бросил снятый материал на пол.

Антон улыбнулся шире, а потом немного поднял одну ногу, поддел каблук одного ботинка носком другого. И одним движением снял оба ботинка.

— Что ты делаешь? — Она снова обрела голос и способность думать, когда пальцы Антона вцепились в пряжку ремня. Шеннон сделала шаг назад.

— А на что похоже? — Он принялся за пояс брюк, и звук расстегивающейся молнии оказался необычайно громким.

— Перестань раздеваться! — Взгляд Шеннон метнулся к по-прежнему открытой двери. — Кто-то может войти.

— Это единственная причина, по которой ты хочешь меня остановить? — Он расстегнул ширинку, позволяя ей распахнуться, показывая, что носит черное нижнее белье с белой резинкой, украшенной именем известного дизайнера. — Думаю, тебе было бы удобнее снять эту футболку пока мы ещё стоим.

Шеннон не могла не обратить внимания насколько эффектно и привлекательно выглядел большой оборотень. Без усилий он обладал лучшим телом, какое она, когда-либо видела.

Скульптурно — вылепленные мышцы делали его похожим на загорелого, длинноволосого, бога во плоти. Опасного. Шеннон с трудом сглотнула образовавшийся в горле ком.

Прекрати таращиться, приказал разум, но Шеннон не могла оторвать взгляда от его бицепсов, когда Антон повел плечами, как будто хотел немного их растянуть.

— Что-то не так?

— Эм... — Она, наконец, прекратила зачарованно наблюдать за его сокращающимися мышцами и уставилась на него. — Нет. И прекрати ухмыляться. Похоже, тебе нравится заставлять меня чувствовать не комфортно, да?

Его улыбка быстро увяла, а веселье потухло в темных глазах.

— Это то, кто ты есть?

Она проигнорировала вопрос, не зная, как ответить.

— Что ты делаешь?

— Я стараюсь узнать тебя.

— Раздеваясь?

Антон снова мельком улыбнулся.

— Ты можешь придумать лучший способ?

— Можем поговорить, вместо демонстрации частей тел.

Ее взгляд опустился к его груди, и внезапно возникло желание прикоснуться к ней. Вместо этого, Шеннон отодвинулась, не зная, почему хотела быть ближе к нему.

Она сделала глубокий вдох, и его запах ударил по всем ее чувствам. Удивительный мужской аромат, исходящий от него, вызвал странный звук из глубины ее горла.

Соски затвердели, и порыв тепла родился в животе и быстро распространился вниз, создавая ясную пульсирующую боль в сердцевине ее естества. Немедленный и интенсивный отклик ее ошеломил.

— Ты снова мурлычешь. — Голос Антона стал хриплым. — Разве тебе не интересно узнать, что случится, если мы познакомимся друг с другом немного ближе, котенок?

Вопрос заставил ее перестать глазеть на его грудь и стрельнуть неодобрительным взглядом.

— Любопытство кошку сгубило, и не называй меня так.

Нос Антона затрепетал, когда он вдохнул ее запах. Шеннон не могла не заметить как напряглись черты его лицо и низкое рычание, вырвавшееся из него, до того как Антон на нее набросился.

Шеннон задохнулась, когда руки схватили ее бедра, а горячая грудь тесно прижалась к ней. Его запах полностью сокрушил ее, когда она вдохнула полной грудью.

Шеннон хотела оттолкнуть его, но, вместо этого, ногти впились в его кожу, когда она вцепилась в него, удерживая на месте.

— Проклятье. — Антон прижался подбородком к ее макушке, вынуждая Шеннон прижаться к нему лицом. — Ты пахнешь восхитительно.

— Я мокрая. — Она расслабила руки, потом использовала ладони, чтобы толкнуть его в пресс. — Отпусти меня.

Вместо того чтобы позволить ей создать пространство между их телами, Антон жестче прижался к ней.

— Я чувствую запах твоего возбуждения.

— Я имела в виду, что мокрая после душа. — Сердце забилось быстрее, и она задрожала. — Ты...

— Ты меня хочешь, — прервал он, скользнул руками по бедрам, ладонями погладил изгиб ее спины, потом согнул пальцы и твердо обхватил за попку. — Так же, как я хочу тебя.

Шеннон задохнулась и толкнула сильнее, но не смогла сдвинуть стену из плоти, тесно пленившую ее в клетке своих рук.

В то время как она мужественно пыталась сдержать стон, угрожавший сорваться с губ, он опустил

лицо и уткнулся в ее горло.

Горячее дыхание защекотало ее, горячие губы коснулись сверхчувствительной кожи под ухом.

Сначала его губы были мягкими, дразнили, потом он резко укусил ее и зарычал.

Раскаленное добела желание вспыхнуло в ее разуме, лишая возможности мыслить, пока её тело горело для Антона. Колени подогнулись, но мужчина удержал ее, не позволив соскользнуть по его телу.

Он удерживал ее на месте, чтобы снова укусить, только чуть ниже горла, и почти боль заставила Шеннон вскрикнуть.

— Антон? — прервал их громкий мужской голос. — Я принёс ужин.

Зубы, прикусившие кожу, ослабили хватку и Антон отодвинулся.

— Ты не мог выбрать худшего времени, Джон. — Он поставил Шеннон на ноги и развернулся, шагая между ней и дверью.

— Извини, мужик. — Парень больше забавлялся, чем каялся.

Шеннон пошатнулась от физического взаимодействия, которое они только что разделили, и подняла руку, чтобы потереть влажное пятно на шее.

Она уставилась на голую спину Антона, пока он, казалось, пытался скрыть ее от принесшего ужин.

Она подняла взгляд и увидела на плечах Антона красные отметины. Это она оставила их, когда держалась за него. Эти полумесяцы появились от ее острых коготков.

Ранки не кровоточили, но определенно были заметны.

— Оставь поднос за дверью и проваливай. — Антон остановился рядом с Шеннон.

— Так это правда, что она оборотень из семейства кошачьих. — Что-то металлическое и тяжелое звякнуло о стекло. — Мисти болтает направо и налево, что ты решил опробовать одну. Я не поверил.

— У Мисти слишком большой рот. Ты должен напомнить ей, не трепать языком. Или я это сделаю сам.

Тишина в комнате стала звенящей. Шеннон наклонилась вправо и уставилась на белокурого парня размером с гору, который стоял неподалеку.

Он носил джинсы и красную футболку. Руки скрещены на груди, глаза не отрывались от пола, а голова склонена настолько, что подбородок касался груди.

— Понял, — тихо сказал он. — Мне очень жаль. Она моя сестра, но она еще молода.

— Я позволил ей работать здесь, но мне не нужно, чтобы о моей личной жизни распространялся каждый в стае. Черт возьми. — Антон поднял руку, пальцами расчесывая свои черные локоны. — Если из-за этого моя задница пострадает, то я разозлюсь.

— Мне жаль, — пробормотал блондин, а затем глянул вверх, показывая милые карие глаза. — Я постараюсь все исправить. Не думаю, что это будет трудно.

— Ты с моими родителями знаком? — Антон махнул рукой в свою сторону. — Я до сих пор отчитываюсь перед ними.

— Твой отец...

— Он не тот, кого я боюсь, если он узнает. — Антон взглянул через плечо, встретив взгляд, Шеннон и громко вздохнул. — Верь мне, когда я говорю, что мы не хотим встречаться с моей матерью и объяснять, почему ты здесь.

— Ты боишься своей мамочки? — не удержалась Шеннон. Она усмехнулась, забавляясь, что кто-то

его размеров и возраста боится, что мать не одобрит то, что он сделал. — Тебе достанется за то, что встречаешься со мной?

— Я уйду. — Блондин засмеялся. — Ох, мужик, удачи. Я позабочусь о Мисти.

Хлопнула дверь, оставляя их снова один на один.

Глаза Антона опасно сузились и улыбка Шеннона исчезла. Очевидно, она была единственной, кто способен оценить свое чувство юмора.

Когда он повернулся к ней, она отступила, сохраняя между ними расстояние.

— Моя мать сука, — он сделал паузу. — Во всех смыслах этого слова. Она альфа-самка и отвечает за всех самок стаи.

Шеннон позволила себе осознать его слова, за осознанием пришел страх.

— Что она со мной сделает, если появится здесь?

Вопрос заставил его нахмуриться.

— Ничего.

Она ему не поверила. Что-то в его глазах опровергало сказанное, и она озвучила свои сомнения:

— Серьезно, не вешай мне лапшу на уши, Антон. Стоит ли мне опасаться твоей матери?

Он колебался на мгновение дольше положенного.

— Мой отец не позволит ей преследовать того, кто под моей защитой. Если она узнает о том, что я скрываю, кого она считает врагом, я просто поговорю с отцом.

— Мне и, правда, следовало остаться у своей мамы.

Он сократил разделяющее их пространство, руки обвили ее предплечья.

— Нет. Я хочу знать, что ты в безопасности.

— Мне было бы там хорошо. — Она не упоминала отчима или то как ненавидела, когда тот смотрел на нее как на сексуальный объект. Кроме того, она беспокоилась, что он сможет узнать, правду о ней. По какой-то причине она не могла понять, почему ее мать любила идиотов, но Шеннон очень не хотела создавать проблемы в их отношениях. — Я получу зарплату и перееду на новое место. Кроме того, у меня есть работа, и я не могу позволить себе уволиться, а это именно то, что произойдет, если я не выйду на работу завтра.

— Ты позвонишь, и скажешь что заболела, пока все не закончится, и я не позволю тебе уйти из своего логова. Я также найду оборотней, тех, что не из моей стаи и разберусь с ними. Ты можешь не понимать этого, но они знают о тебе. Они объявили охоту.

— Что это значит?

— Это значит, что они не остановятся пока не найдут тебя или пока я не покажу, что достану любого, кто осмелится навредить тебе.

Ошеломленная, она уставилась на него:

— Достанешь?

Его глаза потемнели, становясь почти черными.

— Я убью их, если они причинят тебе боль.

— Ты даже не знаешь меня. Как ты можешь говорить подобное? Ты же не можешь действительно...

— Ты рассуждаешь как человек. — Антон притянул ее к своему телу, глядя на нее сверху вниз с сосредоточенным выражением на красивом лице. — Твой человеческий мир существует одним способом, но тебе нужно смириться с другим образом жизни. Если ты под моей защитой, и кто-то

вредит тебе, это не только мое право, но и долг, отомстить. Тот, кто посмеет нарушать, мои правила знает, что я приду за ним. — Его язык облизнул губы. — Дать чужакам понять, что я сделаю все возможное, чтобы защитить тебя?

Шеннон медленно подняла руки и распластала их на его груди. Взгляд опустился и впился в горячую кожу под ее пальцами.

— Да.

Она почувствовала вибрацию мягкого дыхания. Вспышка похоти захватила ее.

По какой-то причине, когда Антон издавал эти звуки, казалось, возбуждал в ее теле отчаянное желание. Жар его тела проник сквозь надетую на ней футболку, и Шеннон глубоко вдохнула, втягивая мускусный мужской аромат.

Шеннон закрыла глаза, и наклонилась, чтобы потереться носом о его грудь. Мягкий шум вырвался из горла, и понимание потрясло ее, ведь это прозвучало так же, как мурлыканье. Ее глаза распахнулись, и она отпрянула.

— Что со мной происходит? — Она бросила испуганный взгляд на Антона.

Одна его ладонь отпустила ее руку и запуталась в волосах, скрученных на затылке. Он наклонился и ртом накрыл ее губы, прежде чем она успела подумать.

Он не целовал, а скорее метил ее губами. Его язык проникал внутрь, вкушая и захватывая.

Единственной существующей вещью был его рот и палящее желание поцеловать его в ответ. Вторая ладонь отпустила руку Шеннон и обвилась вокруг её талии, тесно прижимая к большому телу.

Шеннон прижалась к нему, когда он приподнял ее выше, ноги оторвались от пола, и она инстинктивно обвила их вокруг талии Антона. Его растёгнутые джинсы упали ниже, пока она не соприкоснулась своими обнаженными бедрами его талии поверх плавок.

Ощущение его настырного языка, сплетающегося с ее, лишило Шеннон здравомыслия, пока Антон не остановился.

Они оба тяжело дышали, раскрыв глаза, она обнаружила себя в опасной близости от его черных страстных глаз. Форма которых, изменилась к более узкой, и экзотической.

— Не борись с этим, — приказал он самым глубоким голосом, который она когда-либо слышала.

Антон отошел на пару шагов, и, склонившись, опустил их обоих на кровать, накрывая Шеннон своим телом. Он оперся на локти, что бы удержать свой вес.

Шеннон поняла, что ее футболка задралась до талии, когда он вытащил, освобождая руку из-под неё, и приподнявшись, опустил между их телами.

Шеннон по-прежнему обхватывала ногами Антона за талию, что делало её бедра раскрытыми для его ищущих пальцев, которые резко двинулись к её лону.

Она была влажная от желания, когда Антон раздвинул ее складочки и потер клитор. Удовольствие захлестнуло её, и Шеннон откинула назад голову, крича.

— Просто почувствуй меня.

Шеннон приподняла бедра, а ногтями впилась в его плечи, когда Антон массировал быстрее, поигрывая с клитором. Стоны и мурлыканье сорвались с ее губ, Шеннон старалась изо всех сил сделать глоток воздуха. Волосы Антона щекотали шею, а язык лизал ей горло, прежде чем он укусил ее в этом месте. Резкая боль заставила её взлететь на вершину опустошающего экстаза.

Шеннон набрала полные легкие воздуха, а затем закричала, когда ее мир взорвался от интенсивной

кульминации.

Бёдра Шеннон взбрыкнули, но Антон удерживал ее, продолжая ласкать клитор.

Шеннон услышала звук рвущейся ткани, но понятия не имела, что стало его причиной. Её это не волновало.

Стенки её лона сотрясались и сокращались от того, как сильно она кончала. Каждый вздох приносил ей удовольствие и облегчение, пока что-то твердое и толстое не коснулось её лона.

Шеннон открыла глаза, посмотрев на красивое, напряженное лицо Антона и проследила за его взглядом вниз своего тела. Его нижнее белье было уничтожено, разорвано, и его тяжелый, толстый член толкнулся в ее лоно снова, медленно скользя по гладкому шёлку её возбуждения.

Рычание вырвалось из груди Антона, когда он прижался к ней снова, но вместо того чтобы войти кончик члена скользнул выше и потерся о ее клитор.

— Блядь — взревел Антон и внезапно отстранился от Шеннон, разрывая контакт с её телом полностью. И спотыкаясь, кинулся прочь от кровати.

Шеннон все еще лежала с распростёртыми бедрами, а Антон отвернулся, сверкая своей потрясающей задницей. Он зарычал вновь, и этот звук пронзил тишину комнаты чистейшей яростью.

Он наклонился, сорвал джинсы и боксёры, болтающиеся вокруг лодыжек, откинул их, и повернулся лицом к Шеннон. Внезапный страх ударил по ней от сильнейшего гнева, исказившего черты его лица.

Глава 6

— Что не так? — Шеннон застыла на месте, где лежала, распластавшись на кровати, уставившись на совершенно обнажённого мужчину.

— Я боюсь причинить тебе боль. — Мышцы рук Антона, и даже косые мышцы живота, выглядели так, словно он много тренировался. — Там у тебя слишком узко и туго.

Шеннон с трудом сглотнула застрявший в пересохшем горле ком, присела оперевшись дрожащими руками на матрас и свела колени вместе.

Сжавшись в комочек, девушка беспокойно посмотрела на Антона. Его губы разомкнулись, обнажая острые клыки, это зрелище ошеломило ее. Почему его лицо внезапно стало столь пугающим?

Антон явно начал терять контроль над собой, постепенно оборачиваясь в волка. Изменилась не только форма его глаз, даже губы стали казаться полнее, подбородок сильнее выступил вперед, а зубы уже явно не были человеческими.

У Шеннон перехватило дыхание.

Они пристально следили друг за другом. Антон приблизился еще на пару шагов и остановился. Его горящий взгляд пробежался по ее телу, задержавшись на ногах, а в следующее мгновение мужчина оказался у края кровати.

— Сними футболку и перевернись.

Шеннон замерла от страха и неуверенности. Тихо выругавшись, Антон наклонился к ней и без предупреждения, вцепившись руками в ее бедра, резко перевернул девушку на живот.

Шеннон испуганно выдохнула, уткнувшись лицом в подушку. Хватка Антона слегка ослабла, и он обхватил пальцами ее бедра.

Он рывком приподнял ее на колени, и зафиксировал в таком положении, ее попка оказалась высоко поднятой, открывая его жаркому взгляду мягкую нежную плоть.

— Когда у тебя в последний раз был секс? — Грубым, жестким басом спросил оборотень.

Шеннон потребовалось несколько секунд, чтобы отреагировать.

Схватившись за простыни, она приподнялась на четвереньки. Тряхнув головой, отбросила мешающие волосы и посмотрела на Антона через плечо.

Она попыталась вырваться, но хватка на ней не ослабла, давая понять, что Антон не собирался ее отпускать.

Он уперся коленом в кровать, прижимаясь возбужденным пахом к тыльной стороне бедер Шеннон, вынуждая ее пошире раздвинуть ножки, освобождая больше места для его маневров.

— Ответь мне, — прорычал он.

— Я...

Мысли путались в ее голове, когда он забрался на кровать, склонился над ней, и заключил в клетку своего тела, упираясь животом ей в спину.

Такая позиция заставила ее склонить голову и прижаться грудью к матрасу.

— Мы будем продвигаться медленно. — Он резко втянул в себя воздух. — Откройся для меня котенок. — Его бедра удобно устроились между ее ножек, широко разводя их в стороны, открывая ее еще шире. — Сейчас же.

Его огромные размеры пугали Шеннон. Должно быть, Антон тяжелее ее фунтов на сто.

Преимущество, который он мог бы использовать против нее, если бы захотел, плюс его аномальная сила и любая попытка сопротивляться заранее обречена на провал, Шеннон осознавала это и боялась.

— Котенок, — проскрипел он, смягчая голос. — Я чувствую запах страха, но причины для этого нет. Шеннон обдумывая его слова поняла. Антон не принуждал её к сексу, фактически, вовсе не пытался войти в нее, ожидая, пока она не раздвинет колени.

— Ты не надел презерватив.

В ту же секунду Шеннон пожалела, что не может взять свои слова обратно. Следовало бы упомянуть о первом беспокойстве — страхе, что будет больно, ведь Антон оказался, от природы исключительно щедро наделен, огромным мужским достоинством. Это и нравилось ей и пугало одновременно.

Ни один из ее прежних любовников и близко не шёл ни в какое сравнение с Антоном в этом смысле.

— Ты права, — его глаза закрылись. — Я не могу мыслить ясно, когда ты рядом.

— Когда мы соприкасаемся, нам обоим трудно сохранить ясный рассудок. — Страх отпустил ее тело, и она обернулась, чтобы лучше видеть лицо Антона.

Антон улыбнулся, его напряженные черты расслабились, он постарался успокоить ее.

— Я не хотел напугать тебя.

— Твои глаза полностью почернели. В них не было даже намека на коричневый.

— Это случается, когда я превращаюсь.

— Не представляю тебя волком. Это так странно по многим причинам. — Внезапно Шеннон улыбнулась, похоже чувство юмора возвращалось к ней. — Кроме того, у тебя может появиться неконтролируемое желание преследовать меня, я ведь частично — кошка.

На мгновение на его лице отразился шок, а потом он рассмеялся.

— Я бы не стал этого делать. Я борюсь со своим внутренним зверем. Мы оба довольно сильно тебя хотим, но я могу сдержаться. Не буду скрывать, когда мы боремся за доминирование, мои глаза темнеют, вырастают клыки и чувствую я себя, так как если бы через меня пропустили электрический

ток, заставляющий каждую мышцу натягиваться.

— Костная структура тоже несколько изменяется.

— Действительно? — Он протянул руку, исследовал лицо кончиками пальцев и вздохнул. Его рука опустилась в низ. — Обычно такого не случается. Настроение испорчено? Прости. Давай поедим, прежде чем все остынет. Не хотел напугать тебя, и уверен, что не причиню тебе боль.

Шеннон колебалась.

— Надень презерватив.

— Думаю, будет лучше, если мы сбавим обороты и немного успокоимся. Мне нужно восстановить самоконтроль, пока я случайно не повредил тебе. Я всегда держу слово, даже если страдаю от состояния, близкого к оргазму.

— Я больше не боюсь тебя.

— А должна. — Его взгляд опустился на ее попку, и мягкое рычание вырвалось из его горла. — Ты бы не сказала такого, если бы знала, как жестко я хотел тебя трахнуть. Так что я почти святой, малышка. Поверь мне. — Антон рукой обвел ее округлое бедро, нежно сжал, прежде чем с сожалением убрать ладонь. — Давай оденемся.

Антон стоял спиной к ней, пока натягивал джинсы. Шеннон, поколебавшись, поднялась с кровати. Ее руки дрожали, когда она потянулась к брошенной рубашке.

Влага между бедер напоминала о том, что он взял бы ее, но отказался. Шеннон наблюдала, как он застегивает джинсы, но не побеспокоился о рубашке и туфлях, а потом повернулся к ней.

— Давай поедим.

Ее взгляд опустился к ширинке его брюк, которая заметно топорщилась.

— Не смотри на меня. — Его голос прозвучал грубо. — Я действительно хочу добиться большего контроля до того, как мы попытаемся снова. Я был бы слишком груб с тобой. Знаю, что ты по большей части человек, но, похоже, моему волку всё равно.

— Прости.

— Не за что. Я рад, что мы остановились. — Он повернулся и направился к еде. — Я чувствовал бы себя как в аду, если бы причинил тебе боль.

Шеннон должна была признать, что его ответ ее смутил. Большинство парней расстроились бы, что секс прервался, но Антон казался почти счастливым.

Она обняла себя за талию и наблюдала, как он поднял большой поднос, отнёс на кухню, поставил на стол и уселся на табурет.

— Иди сюда, малышка, нам надо подкрепиться, — он указал ей на свободный стул рядом с собой.

Шеннон еле передвигая ноги подошла к столу. Антон тихо выругался, мрачно глядя на нее. Потом встал и отвернулся к холодильнику — достать две банки содовой. Остановившись возле его стула, Шеннон окинула его взглядом и села на свободное место рядом с ним.

— Почему то мне кажется, ты рад, что мы остановились?

Он избегал взгляда девушки, когда снимал одну из трех тарелок с подноса, чтобы поставить ее перед Шеннон.

— Нам не следует начинать отношения в сексуальном плане. Это действительно плохая идея, но когда я прикасаюсь к тебе, кажется, забываю об этом.

Шеннон вдохнула чудесные запахи, исходящие от ужина. Кто-то для них приготовил огромный

стейк, фаршированный печеный картофель и салат.

Она изучила две оставшиеся тарелки на подносе, перед Антоном, тоже, что и у неё.

— Ты много ешь?

— Да, оборотни едят чертовски много. Позже, я буду готов к полуночному перекусону. Я так понимаю, ты — нет? — Он полностью сосредоточил свое внимание на ней.

— Нет, я стала бы огромной. И не перестала бы в двери пролазить, если бы дважды ужинала каждый вечер, а потом бы еще раз перед сном. Я всю жизнь борюсь с лишним весом.

— В тебе больше человеческого, другими словами.

— Думаю, да. Я так понимаю, что страдающих ожирением оборотней, не так уж и много?

— Есть некоторые, но разжиреть, оборотню сложно. Наш метаболизм быстро расходует калории. Обращение сжигает их большую часть. Если долго не перекидываться, возможно, и наберешь лишний вес. Я часто обращаюсь.

Шеннон овладело любопытство.

— Это не больно? Выглядит болезненно. Я всегда представляла, каково это.

— Сначала да, но потом привыкаешь. — Антон взял вилку и нож, чтобы приступить к одному из блюд. — Что ты вообще знаешь о нас?

— Только то, что мой отец рассказывал матери, и что она узнала, будучи его женой. Всем, что он рассказывал она, делилась со мной.

— Она человек?

— Да

Антон смотрел на нее разинув рот.

— И твой отец рассказал ей, кем был?

— Он ничего не мог поделать. Он обернулся перед ней. Мама сказала, что это напугало ее до чертиков. Она побежала, но отец преследовал ее.

— Как это случилось? Он не почувствовал ее запах рядом с собой перед тем как перекинуться?

Девушка улыбнулась.

— Он попался в одну из ловушек службы отлова бездомных животных. Они ранили его, когда это произошло. Он упал в обморок и проснулся в офисе ветеринара. Моя мать работала там. Когда отец очнулся, услышал, как доктора говорили, что запланировали кастрировать его через час, вернувшись с обеда. Ему нужно было как можно быстрее выбраться оттуда а, следовательно, нужен был кто-то, чтобы помочь в этом. Один зоопарк предложил забрать его после кастрации. Усложняло всё, то, что отец находился посреди оживленного города, где нельзя не заметить голого парня или животное такого размера. Случилось так, что моя мама оказалась в нужном месте и в нужное время. Отец обернулся внутри клетки, открыл ее и погнался за мамой, когда та, испугавшись, побежала. Потом переодевшись, в халат доктора, заставил мать вывезти его из города.

— Ей повезло, что он не убил ее.

— Он думал, что она самая красивая женщина, которую когда-либо видел, — улыбнулась

Шеннон. — Я слышала эту историю от своей мамы тысячу раз. Мой отец действительно был красивым, очень сексуальным и он очаровал ее, после того, как мать перестала его бояться, поняв, что он не собирается причинять ей вред. Она отвезла отца в домик бабушки, взяла несколько выходных и вылечила его глубокие раны оставленные ловушкой. И там родители влюбились друг в

друга.

— Как он умер? Нас крайне трудно убить, даже полукровок.

Шеннон встретила его удивленный взгляд.

— Пожар. Отец вытащил нас, но в соседней квартире жила пожилая женщина. Он услышал ее крики о помощи. — Шеннон прогнала слезы и переключила свое внимание на еду. — Он пытался спасти ее, крыша рухнула, а они не успели выбраться. Я почти не помню его. Пожар уничтожил всё. У меня даже нет фотографии, которая бы напоминала мне, как он выглядит. Знаю, что он очень сильно нас любил. Моей маме потребовалось почти десять лет, чтобы хотя бы начать встречаться с другими мужчинами. Думаю, что она пережила горе его утраты, только чтобы воспитать меня.

— Мне очень жаль. Похоже, он был хорошим человеком, Шеннон.

Антон назвал ее по имени. Девушка повернулась, чтобы взглянуть на него.

— Он умер героем.

— Да, — улыбнулся Антон. — Ешь.

Она сосредоточилась на еде. Неловкое молчание повисло между ними к концу ужина.

Прикончив содержимое двух тарелок, Антон, убрал грязную посуду с барной стойки. Потом снова вернувшись к своему стулу, встретился с девушкой взглядом.

— Ты похожа на свою мать?

Она кивнула.

— Как ты догадался?

Мужчина усмехнулся.

— Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Могу себе представить, как она его притягивала, и как сильно он хотел быть с ней.

Кровь прилила к ее щекам.

— Спасибо.

Расстояние между ними внезапно исчезло, когда он наклонился к Шеннон.

Антон убрал с ее лица прядь волос. Легкое касание кончиков его пальцев заставило Шеннон, трепетать от желания и в сексуальных глазах оборотня вспыхнула страсть.

Он тихо зарычал, опустив голову и дыша на ее шею. Другой рукой он обвил талию девушки, чтобы притянуть ее к своему телу.

Желание пронзило ее, и Шеннон поняла, что не сможет устоять перед ним. Она хотела Антона. Их влечение друг к другу было слишком велико, чтобы его отрицать. Губы Антона ласкали ее кожу у уха, а затем он отклонился, чтобы посмотреть на Шеннон.

Он открыл рот, но стук в дверь прервал все, что Антон собирался сказать. Пробормотав проклятие, он соскользнул со стула и прошагал к двери.

Шеннон надеялась, что не его мать пришла с визитом. Из того, что она слышала об этой женщине, она догадывалась, что опыт не оказался бы приятным.

— Что за...

Высокая, эффектная женщина с черными, как смоль волосами, заплетенными в косу, ниспадавшую до ее попки, оттолкнула ошеломленного Антона и прошла в квартиру.

Она была во всем кожаном и тем, как наряд плотно облегал тело, напоминала нечто из сексуальных боевиков. Яркие зеленые глаза фактически прожигали Антона.

Она вцепилась руками в бедра и топнула по полу одним из своих высоких каблуков сапожка из черной кожи. Она выпялила грудь, и плотно облегающий верх одежды распахнулся, явив щедрые изгибы загорелой груди.

— Ты оскорбляешь меня, Антон Харрис. Послав младшего брата на встречу со мной. Я не собираюсь довольствоваться каким-то щенком. А ты не проявишь неуважение к стае Морделла таким образом. Антон изумленно уставился на женщину. Повернув голову, она заметила Шеннон и втянула воздух. Её лицо внезапно побледнело, а потом из горла вырвалось рычание. Клыки буквально удлиннились, нос сморщился, и женщина рванулась к Шеннон.

— Нет!

Антон преградил ей путь, широко раскрыв руки, чтобы остановить и удержать.

Страх пронзил Шеннон, она повернулась и, охваченная инстинктами, запрыгнула на барную стойку. И побежала по ней, пока не ударилась о стену.

Шеннон закрутилась, оказавшись в ловушке, отчаянно ища выход. Взгляд сосредоточился на окне, расположенном неподалеку. Они находились на втором этаже.

Она все еще хотела выпрыгнуть в окно, даже зная, что это может ее убить

Ужасающий рык прозвучал снова, привлекая внимание Шеннон

Женщина присела на корточки, балансируя на полу одной рукой, на которой теперь были когти, а не ногти, черты лица изменились достаточно, чтобы черная поросль волос покрыла ее щеки. Ее челюсти вытянулись больше в морду, чем в рот, а очень остро выглядящие белые клыки удлиннились ещё больше. Зеленые глаза женщины сузились, изменив форму, и жуткое рычание исходило от нее.

— Уйди с дороги. — Голос женщины казался больше мужским, чем женским

— Нет, — огрызнулся Антон, его голос был столь же ужасающим. — Она под моей защитой.

Было слышно, как кто-то бегом поднимается по лестнице, а потом мускулистый, здоровенный парень с длинными волосами влетел в комнату.

Он почти споткнулся о наполовину измененную женщину-оборотня на полу приготовившуюся к атаке, но резко остановился как раз вовремя, чтобы избежать столкновения.

Вновь прибывший парень с длинными черными волосами, одетый в джинсы и майку, открывавшую взору татуировки, вдоль его мускулистых рук, выглядел очень похожим на Антона. Шеннон предположила, что они должны быть братьями.

— Я пытался остановить ее, — произнес он, тяжело дыша. — Она плохо восприняла встречу со мной, дала мне пинка под зад и она быстро двигается, когда в бешенстве. Кажется, она откуда-то знает, как мы выглядим.

— Рэйв, убери ее отсюда, — прорычал Антон. — Все равно как. — Его взгляд оставался, прикован к женщине, угрожавшей Шеннон. — Если она попытается обойти меня, то между нашими стаями начнется война, потому как я выброшу ее сам. Она не будет в восторге от полета из окна или вниз с лестницы.

На миг Рэйв перестал дышать и повернул голову. Его темный ищущий взгляд нашел Шеннон.

Замешательство отразилось на его лице, а глаза расширились от шока. Мужчина громко вдохнул.

— Пума? Seriously? О, черт.

Он не огрызнулся на нее и не рычал. Шеннон посчитала это плюсом. Рэйв, отвернувшись от нее, неодобрительно посмотрел на Антона.

— Почему ты держишь ее здесь?

— Она под моей защитой, — снова зарычал Антон женщине на полу. — Ты поняла? Ты набросишься на нее, а я на тебя. Ты никогда не достанешь ее.

Женщина медленно поднялась, ее ужасающее лицо все еще было в полу — измененном состоянии, и вызывающе посмотрела на Антона.

— Ты смеешь оскорблять мою стаю, предпочитая трахнуть одну из них вместо меня?

— Трахнуть? — выдохнул Рэйв. — Кто об этом что-нибудь говорил? Антон сказал, что он по каким-то причинам защищает ее.

— Я чувствую запах, — выпалила женщина. — Секса и желания.

Рэйв снова вдохнул. Несколько раз моргнув, его взгляд переместился с Шеннон на Антона, и вдруг он рассмеялся.

— О, черт. Это... круто!

Антон взглянул на Шеннон.

— Не двигайся, Шеннон. Я иду за тобой. — Бросил предупреждающий взгляд на своего брата. — Не позволяй этой суке напасть. Мне нужно добраться до Шеннон. Она слишком близко к окну. Она не может контролировать свой страх.

Рэйв колебался, затем обошел разгневанную женщину-оборотня и встал между ней и Антоном.

— Ты хочешь рассказать мне, какого черта здесь происходит? Диана, предлагаю тебе успокоиться. Знаю, что ты не очень счастлива, встретить меня вместо моего старшего брата, но ты не можешь напасть на кого-то под его защитой.

— Она — пума, — снова проворчала Диана, зарычала и подняла пальцы, продемонстрировав острые когти. — Они наши враги.

Антон повернулся к Шеннон и расслабился.

— Полегче, котенок. Ты в безопасности. Не двигайся, ладно? Ты вне опасности.

Страх почти одолел Шеннон, когда она снова взглянула на окно. Мягкий звук сорвался с ее губ — хныканье. Антон в ответ тихо ругнулся.

— Шеннон? Посмотри на меня.

Посмотрела. Сделала глубокий вдох, пытаясь побороть сильное желание спрыгнуть. Он бы не обидел ее, она знала это, но еще одно рычание суки оборотня заставило ее повернуться к окну. Желание спрыгнуть стало таким сильным, что ее тело напряглось в ожидании прыжка, чтобы добраться до окна.

Антон рванул вперед. Девушка зашипела, когда он схватил ее за лодыжки. Он резко дернул, и она свалилась с барной стойки.

Когда Антон поймал ее, девушка оказалась в колыбели его сильных рук. Она повернулась к его груди и вцепилась. Он застонал, но потом прижал Шеннон к стене.

— Легче, — промурлыкал он. — Я здесь. Держись за меня.

Девушка тяжело дышала, борясь со своими инстинктами, а потом поняла, что делают кончики ее пальцев. Резко отдернула их от его кожи.

Запах крови заполнил нос, и Шеннон поняла, что это кровь Антона. Потому что девушка мёртвой хваткой держалась, впиваясь при этом ногтями в тело Антона.

Шеннон обвила руками его шею, крепко обняв. Горячие слезы потекли из ее глаз.

— Прости.

— Я исцелюсь, это ничего. Даже шрама не останется. — Он потерся носом о ее лицо. — Я просто счастлив, что у тебя нет когтей.

Его хватка изменилась достаточно, чтобы она могла обхватить ногами его бедра. Она почувствовала себя лучше, плотнее прижимаясь к нему.

— Прости, — снова шмыгнула она. — Я не хотела этого делать.

— Шшш. Все хорошо. — Антон повернул голову. — Убери эту суку отсюда, Рэйв. Сейчас же. Разберись с этим.

— Я не уйду, — голос Дианы все еще звучал по-мужски. — Она уйдет. Если ты, таким образом, оскорбишь мою стаю, я прослежу, чтобы мой отец потребовал возмездия.

Антон повернулся, удерживая Шеннон.

— Я не хочу тебя. Ты предпочитаешь быть с парнем, который бы думал об этом, как о чем-нибудь неприятном? Это не личное. Ты красива, Диана. Так ведь тебя зовут? Любой самец, не связанный с женщиной будет рад возможности быть с тобой, но, как видишь, у меня уже есть кое-кто.

— Она — же кошка, — Диана выплюнула слова, словно ругательство. — Это ужасно.

— Шеннон по большей части человек. Вот почему ее аромат так слаб, что его сразу невозможно определить. Она не может оборачиваться. Она мне не враг. — Он остановился. — Она много значит для меня. Сожалею, что ты не рада предложению быть с моим младшим братом, но я сделал тебе одолжение, не посылая брата, Вона на эту встречу. У тебя не было бы ни единого шанса встретить будущее с ним. Он давно потерял свою истинную пару и никогда не позволяет себе испытывать чувства к другим женщинам. Рэйв же ни с кем не связан. Он — сильный мужчина, главный кандидат в помощники, основной головорез в нашей стае. Ты не найдешь лучшего бойца. Он может показаться мягким, но ты никогда не видела его в ярости.

Шеннон чувствовала себя достаточно защищенной, чтобы повернуть голову и посмотреть на страшную женщину-оборотня. Лицо Дианы изменилось к нормальному виду, но клыки все еще виднелись из человеческого рта.

— Ты — будущий альфа этой стаи. Я — сильнейшая дочь стаи Морделлов. Мы были бы хорошей парой. Я могла быть твоей альфа самкой и помогать тебе, держать стаю, когда ты станешь ее главой. — Она послала Шеннон ненавидящую ухмылку. — Это — обед.

Шеннон затряслась от страха. Она задавалась вопросом, подразумевала ли это женщина всерьез.

Едят ли оборотни друг друга, если они из разных стай?

Руки Антона, обнимающие девушку, напряглись, и он прижался губами к ее щеке, чтобы успокоить.

— Она под моей защитой и ты не обидишь ее. Это мой дом. Я предложил тебе лучшую кандидатуру нашей стаи, из свободных, для встречи с тобой. Займись этим. Я занят.

— Черт, — проскрипел Рэйв. — Мама знает? А отец?

— Заткнись, — потребовал Антон.

— Черт. Ладно. Это то, о чем я подумал. — Рэйв встретился взглядом с Шеннон и натянуто ей улыбнулся. — Приятно познакомиться.

Ее рот открылся, но, ни звука не вырвалось.

Антон вздохнул.

— Она напугана. Она не может оборачиваться, но ее инстинкты присутствуют. Очевидно. Вы

видели, как быстро она может двигаться, когда страх охватывает ее. Ужас заставляет ее карабкаться и пытаться убежать от того, что пугает.

— Вот почему она обернулась вокруг тебя, словно вторая кожа, — засмеялся Рэйв. — Я полагаю, что знакомство с ней означает, что ты собираешься много трахаться. Ты пугаешь каждого, и это означает, что каждый раз, когда ты повышаешь голос, она не сможет уйти от тебя, постоянно оббивая твою талию ногами.

— Черт возьми. Рэйв. Хватить шутить. Разве сейчас время для шуток?

— Наверное, нет, но черт, братан, ты должен признать, что это смешно, — хихикнул он. — Она действительно симпатична. У нее красивые волосы и изумительные глаза.

— Меня не оскорбят таким образом, — угрожала Диана. — Я звоню отцу.

Развернувшись, она быстро выбежала из квартиры. Сапоги на высоком каблуке громко стучали по лестнице, пока она спускалась.

— Блядь, — вздохнул Рэйв, от юмора и след простыл. — Ты знаешь, что это значит. Она собирается позвонить своему папочке, который в свою очередь позвонит и отбреет задницу нашему отцу. Если родители и не были в курсе о твоей маленькой сексуальной киске до этого, скоро они точно узнают. Не хотел, бы оказаться на твоём месте.

Антон зарычал.

— Прекрасно. Я больше по поводу мамы беспокоюсь.

— О, чувак. — Рэйв вздрогнул. — Она придет сюда убедиться в том, что это правда. —

Потянувшись назад, он выдернул связку ключей с ремня. — Отведи ее в мою берлогу, если вам понадобится место, где можно укрыться. — Он снял ключ и бросил.

Антон высвободил руку, чтобы поймать его. А затем, зажав ключ в кулаке, вновь обернул руку вокруг Шеннон.

— Спасибо, но он не понадобится. Это мой дом.

— Может и так, но иногда лучше бежать, чем бороться. Насколько я знаю, родители не в курсе о моем жилище. Последним там был Брэйден, поэтому не уверен в каком состоянии он все оставил, но я бы взял еды. Этот малыш еще тот троглодит.

— Я не хочу скрываться, будто сделал что-то неправильно и меня накажут. Я взрослый. И справлюсь с родителями.

— Лучше иметь запасной план на случай, если он тебе понадобится. Это мой девиз по жизни. Не могу сказать, что расстроился из-за отказа этой суки. Ты видел этот кожаный наряд? — Он вздрогнул. — Не удивился бы, если бы у нее оказались кнуты и цепи, такая ее идея развлечься, сексуальное времяпрепровождение пускания крови и попытки обуздать меня в постели. Не мое. Единственный, кто может быть связан в моем сценарии — это женщины, которые слишком любят ерзать, пока я ими лакомлюсь.

От шока глаза Шеннон распахнулись, и она уставилась на брата Антона. Он взглянул на нее и усмехнулся.

— Я имел ввиду оральный секс, котенок. — Он засмеялся. — Милое имя. Подходящее.

— Не называй ее так. Ей это не нравится.

— Ты сам ее так называл.

Антон тихо зарычал.

— Рэйв, тебе пора уходить.

— Хочешь, чтобы я подержал ее для тебя, пока ты попытаешься отговорить ту суку не звонить отцу? А что, хорошая идея. Ты мог бы избежать многих неприятностей, если родители не узнают, что ты укрываешь того, кого они посчитают врагом.

— Нет. — Антон сделал шаг назад. — Ты не прикоснёшься к Шеннон.

— Я бы не причинил ей боль. Seriously. — Черты лица Рэйва ужесточились, исчез весь юмор. — И не стал бы приставать к ней. Я буду держать язык за зубами, а молнию застегнутой. Ты мог бы рассмотреть вариант догнать ту суку и остановить ее. Родители не будут счастливы, что она здесь с тобой. Даже не знаю, что будет хуже — что она частично пума или в основном человек. Ты — будущий альфа стаи и они устроят истерику, переживая, что ты решишь оставить ее после сезона спаривания. Ее присутствие в твоей постели в течение ближайших нескольких недель — серьезное обязательство. Одно дело побаловаться связью на одну ночь, но ты, очевидно, желаешь разделить с ней эту течку.

— Я сказал нет, — отпирался Антон. — Некоторые наши щенки обнаружили ее и загнали в лес, чтобы поохотиться. Я привез ее домой, после того как спас. Думал, что она будет в безопасности, но эти щенки побывали в ее квартире и разгромили ее. Я привез ее сюда, чтобы защищать, пока не решу все проблемы.

— Сезон спаривания слишком близко. — Рэйв скрестил руки на груди. — Если он настигнет тебя здесь с ней, то ты возьмешь ее, и когда это начнется, ты знаешь, как бывает. Она у тебя дома. Не нужно бежать в лес, чтобы схватить любую самку, предлагающую себя всем и каждому. Ты слишком сильно для волка привязываешь ее запах к себе, чтобы захотеть другую суку, полагаю, в ее случае я должен сказать кошку. Ты не сможешь насытиться ей и, если попробуешь бороться с этим желанием, все может нехорошо обернуться. Отрицание того, что требует твое животное во время спаривания, имеет обыкновение быть поводом неожиданного истинного спаривания. Спроси Грэйди об этом. Он пытался отрицать своего волка с Микой и потерял контроль, пока не стал постоянно заявлять на нее права. С ними это сработало, и статус альфы ему достался. У тебя нет этой возможности.

— Не беспокойся об этом.

— Антон, они никогда не разрешат ей занять позицию альфа самки. Она частично пума. Мама сойдет с ума, и не думаю, что отец тоже хорошо это воспримет. Не забывай и о реакции всей нашей стаи.

— Черт возьми, — прорычал Антон. — Просто уходи. Я защищаю ее, ничего больше.

Рэйв вдохнул.

— Но, что тогда я чувствую? Твой способ защитить ее тело? Сильный запах похоти.

— Просто уходи. — Антон развернулся, двинулся на кухню и вздохнул. — Пожалуйста, закрой дверь, когда будешь уходить.

— Используй коттедж, если будет скандал. Удачи, братишка. Знай, я люблю тебя и поддерживаю вне зависимости от политики стаи. Я всегда за тебя.

Антон остановился, не глядя на брата.

— Спасибо. Я тоже тебя люблю.

— С вас получится миленькая пара.

Хлопнула дверь.

Шеннон пристально смотрела на Антона. Он был зол, когда встретился с ней взглядом.

— Все будет в порядке, мои родители ничего не смогут тебе сделать. Ты в полной безопасности.

Но Шеннон сомневалась в этом.

— Тебе следует отвезти меня к моей маме.

Он покачал головой.

— Этого не произойдёт.

Глава 7

— Кто эта женщина? — Шеннон позволила Антону, посадить себя на барную стойку.

Он отпустил ее, шагнул назад и нахмурился:

— Скоро начнется брачный сезон. Многие стаи хотят объединиться с нами. Некоторые из них направляют своих самок сюда, чтобы проверить, вдруг я с кем-нибудь полажу.

Шеннон молча пялилась на него. Наконец, обрела голос:

— Это что-то типа ты ведешь ее на ужин, и вы узнаете друг друга поближе? Ну, она была не совсем одета, чтобы пойти куда-нибудь помимо стриптиз-бара. Этот наряд немного оставлял места для воображения. Не могу поверить, что она появилась на людях.

Его темная макушка дернулась, и она могла поклясться, что он покраснел.

— Не совсем так. — Он повернулся к ней и скрестил руки на груди.

До нее медленно дошел смысл его слов.

— О, Боже. Ты должен заниматься с ними сексом?

— Да.

Её затопили эмоции, в основном ревность. От мысли об Антоне с другими женщинами ей становилось плохо. Еще хуже стало при воспоминании об опасной королеве красоты, посланной другой стаей.

Эта женщина была горячей порно звездой в облегающем кожаном комбинезоне. Ее внешний вид настолько отличался от внешности Шеннон, насколько это вообще было возможно. Также стало ясно, что этот парень в своей жизни переспал с огромным количеством женщин.

— Каждый год тебе приходится спать с одной из женщин, чтобы проверить, подходит ли она тебе в пару?

Он снова отвел взгляд.

— Не с одной.

Она знала, что все краски схлынули с ее лица.

— И с каким количеством женщин тебе приходится спать в течение этого самого сезона?

— Есть много стай, которым хотелось бы, чтобы их дочь стала парой будущего альфы нашей стаи.

Мы сильнее, чем большинство, и владеем основными территориями. Я каждый день принимаю по одной посланнице из разных стай во время брачного сезона. Они составляют график с моим отцом.

— Как долго, говоришь, это длится?

— От десяти до пятнадцати суток. Это зависит от года. Это трудно предсказать. Секс является эффективным способом проверить, являемся ли мы парой.

Ее шок обернулся узлом боли в желудке.

— Я ухожу. — Она спрыгнула со стойки, приземлилась на ноги и двинулась к двери.

Антон двигался быстрее, чем она, поэтому его тело заблокировало единственный выход, когда

Шеннон остановилась, он нахмурился, глядя на нее.

— Для тебя это не безопасно.

В ней боролись смущение и унижение.

Она отказывалась смотреть ему в глаза, сосредоточившись на губах, еще недавно скользивших по ее телу.

Шеннон считала происходящее между ними чем-то особенным, возможным началом чего-то настоящего, вместо этого он просто занимался сексом с огромным количеством женщин.

Он должен быть действительно серьезным игроком, чтобы так непринужденно заниматься сексом.

Она почти позволила трахнуть себя. И так бы и было, если бы он не остановился.

— Прочь с дороги, Антон. Я ухожу. Неудивительно, что у тебя припасён гигантский запас презервативов.

Он принялся и тихо выругался.

— Вот черт!

— Я не современная. — Она отступила, чтобы оставить пространство между ними, развернулась, и ее взгляд поднялся к окну, через которое она собиралась прыгать раньше. Это снова выглядело заманчивым. Ей просто необходимо уйти от этого мужчины. Она выставила себя полной дурой, позволяя ему прикоснуться к ней. — Мне просто нужно уйти прежде, чем придет следующая претендентка.

— Я точно знаю, что ты чувствуешь. Тебе больно. Я чую это.

Она отказалась смотреть на него.

— Нет, я — нет, — она лгала, не желая позволить ему узнать, что начала становиться слишком к нему привязанной. — Проверь свой нос. Просто я не хочу находиться здесь, когда другая сучка придёт и начнёт угрожать, съесть меня на ужин. — Она попыталась беспечно приблизиться на дюйм к окну. — Ты со своим графиком слишком занят, чтобы нянчиться со мной.

— Черт побери, Шеннон. Взгляни на меня, — прорычал он приказ.

Она повернула голову:

— Что? — Их взгляды встретились, и в его карих глазах она прочла сожаление.

— Это не то, что ты думаешь.

— А о чем я думаю?

— Ад, — выдохнул он. — Не я их приглашаю.

— Но ты спишь с ними. О-о. Бедный малыш. У тебя такая печальная судьба. Должно быть, все те самки вервольфов, приходящие каждый день, чтобы заняться с тобой сексом, сильно травмируют. Ты сказал, что твой отец составляет им графики встреч с тобой, правильно? Что подразумевает, у него есть на это твоё разрешение. Есть ли открытка с выражением соболезнований, которую я могла бы послать тебе для этого?

— Это не... Черт, даже не знаю, что сказать, — он поднял руку, запустив пальцы в копну волос.

Сдернул резинку, удерживающую хвостик и отбросил ее, тряхнул длинными локонами, пока они не рассыпались по плечам и мрачным взглядом посмотрел на Шеннон. — Знаю, звучит хреново, но хочу, чтобы для начала ты выслушала мое объяснение.

— А что тут объяснять? Кроме меня здесь никого не было, потому ты решил развлечься со мной, хотя должен был понимать, что я просто так не тусуюсь с парнями для развлечения. Ты знал, что я не

такая. — Девушка отошла еще на несколько метров. — Возможно для тебя я в новинку. Никогда раньше не встречался с пумой полукровкой? — Она дернула головой в сторону его кровати. — Может, где-то там есть скрытые зарубки, которые я не увидела? Я же низкая. Возможно, ты делаешь их высоко на балках.

Антон зарычал.

— В твоих устах это звучит так... — Он закрыл рот и стрельнул в нее взглядом.

— Грязно? Полагаю, что это так и было. Никогда не была так счастлива, что не пошла с парнем до конца. Ты собираешься меня отсюда выпустить?

— Нет. Одной тебе там не безопасно.

— Что бы я ни сказала, ничто не изменит твоего решения?

— Черт, нет. До тех пор пока, я не узнаю, что тебе не грозит опасность.

— Так и думала. — Ее тело напряглось, когда она глубоко вздохнула. — Предпочитаю рискнуть там, чем быть использованной тобой. По крайней мере, кто бы ни был после тебя, он будет честен в желании причинить мне вред.

Шеннон позволила своим инстинктам взять верх, полностью полагаясь на них, она вдруг бросилась в направлении окна. Слух, что кошки действительно приземляются на лапы, вселил в нее надежду, что она не разобьется.

Она прыгнула, руками прикрывая лицо и горло, но не достигла стекла. Вместо этого две сильные руки схватили ее, и они ударились о стену в дюйме от окна. (2,5 см.)

— Ты спятила? — Бушевал Антон.

Ей следовало бы сказать ему "нет", но она не могла дышать. Он чуть не раздавил ее, когда они ударились. Его большое тело удерживало ее на месте, а затем Антон отстранился. Сделав глубокий вдох, девушка начала бороться.

— Отпусти меня.

Антон отказался, вместо этого сжал ее крепче и направился к кровати.

Он бросил ее так, что девушка приземлилась в середине ложа. Она вскочила, чтобы сесть, а затем перекатилась на другую сторону, большой матрас оказался между ними.

— Я хочу уйти, — Шеннон свирепо посмотрела на него. — Если не разрешишь мне выйти через дверь, я попробую через окно. Единственная опасность для меня исходит от следующей женщины, которая рассердится из-за того, что ты пошлешь к ней на свидание своего брата вместо себя.

Антон зарычал, его глаза потемнели.

— Все что ты говоришь — неправильно.

— Чего я не поняла? Ты спал с множеством женщин, это ничего не значит для тебя, а я не такая, как они!

— Я и не говорил, что ты такая. Ты не представляешь, на что похожа моя жизнь. С тех пор как я начал ходить, мой отец готовит меня к тому, что однажды я встану во главе стаи. У меня до хрена обязанностей и найти пару, одна из них. Есть правила стаи, которым нужно следовать и обязательства, которые должны быть выполнены.

— Тогда я никогда в своей жизни не была счастливее, избежав всех оборотней и живя сама по себе.

— Я не прикасался к тебе со скуки. Ты действительно меня привлекаешь, Шеннон.

— Прости, что не нахожу это достойным внимания. Кажется, что раз у меня есть пульс, то это все,

что тебе нужно, чтобы волочиться за мной.

— Ты нарочно пытаешься разозлить и оскорбить меня.

— Подразумевается, что это можно сделать. Очевидно, у тебя не так много стандартов, если ты позволяешь своему отцу управлять своей сексуальной жизнью. Разве я говорю не правду?

Он зарычал, сверкнув на нее клыками, и сделал угрожающий шаг вперед. Девушка зашипела на него. Она не хотела этого, но звук по-прежнему вырывался из ее приоткрытых губ.

Она подняла руки с согнутыми пальцами, подразумевая, что поцарапает его, если он попытается прикоснуться к ней. Антон остановился.

— Держись от меня подальше. Я имею ввиду именно это. Иди за той сучкой, если хочешь трахаться. Я чертовски уверена, что не позволю тебе прикасаться ко мне теперь, когда знаю, что твой график расписан.

— Черт возьми! — Мужчина сделал шаг назад. — Ты действительно страдаешь. Я чувствую твою боль. Ты не имеешь ввиду то, что говоришь. Ты пытаешься ранить меня своими оскорблениями. Нас притягивает друг к другу. Понимаю, что ты не многим мужчинам разрешаешь быть рядом с собой.

— Я — полностью не твой тип, а ты не мой. Мне следует уйти сейчас. Я буду счастлива с матерью. Дай мне свой номер мобильного телефона, чтобы можно было связаться с тобой, и я позвоню тебе в течение нескольких дней. Скажешь мне, когда будет безопасно вернуться в дом.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я не останусь.

Девушка взглянула на кровать, на которой недавно позволяла ему делать с ней различные вещи, и обняла себя за талию.

От этого воспоминания Шеннон захотелось плакать. Она глупо позволила мужчине пробраться за пределы своей защиты, его прикосновения проникли глубже, чем просто кожа. Шеннон начала влюбляться в него.

— Я должна уйти, — она встретила его взгляд. — Я слышала, что сказал твой брат. Ни в коем случае я не останусь рядом, рискуя застать тебя в жаре. Никогда не позволю тебе прикоснуться ко мне снова.

— Это не... черт. Ты меня не слушаешь. Это был не просто секс, Шеннон. Я хочу, чтобы ты поверила мне. Это правда. Мой старший брат, Грэйди, предупреждал меня, что позволение отцу планировать встречи с потенциальными парами может однажды укусить меня за задницу. Полагаю, это то, что сегодня случилось.

Шеннон наблюдала за ним. Она думала, что он всё тот же красавец мужчина, но теперь она знала, какую жизнь он вел.

Он занимался сексом с кучей разных женщин, и часто. Она знала, что всегда избегала связей на одну ночь и не разрешала парням прикасаться к ней слишком быстро, во избежание подобных болезненных ситуаций.

На этот раз она отказалась от своих правил, потому что была слишком увлечена Антоном. Она думала, что между ними пробежала особая искра, нечто значительное, но, похоже, так считала только она.

Ужасная мысль поразила Шеннон.

— О, нет. Скажи, что ты проверился. Ты спал с таким количеством женщин, что шансы подхватить

какую-то дрянь выше обычного.

— Обратни не восприимчивы к венерическим заболеваниям.

— Хорошо — ее плечи опустились — Хоть одна хорошая новость, но, похоже, все твои знакомые хотят или убить меня или слопать на ужин. А разозлить пару альф станет вообще смертным приговором. Ты повторяешь, что мне грозит опасность, а сам кидаешь из огня да в полымя.

— Ты под моей защитой.

— Тогда просто предай это гласности и позволь мне выйти в эту дверь.

— Мне нужно охранять тебя.

— Ерунда. Если я уеду к матери, то меня не найдут. Я не вернусь на работу, пока все это не закончится. Они выпотрошили мою квартиру, а там были форма и чеки о получении зарплаты, так, что они знают, где я работаю. Но они не знают, где живет моя мать.

— Они могли найти ее адрес в твоей квартире.

— Мы видимся достаточно редко, и не шлем друг другу письма. Я никогда не записывала ее адрес. Я просто приезжаю к ней. Она вышла замуж, и все записано на ее мужа.

Антон покачал головой:

— Я тебе не позволю меня оставить.

Шеннон молча на него уставилась. Она не понимала настойчивого желания оставить ее здесь. Это не имело смысла. Он должен был грезить о ее уходе, что бы вновь спать с толпами женщин, раз уж ему это так нравилось. Как же этот волк поставил ее в тупик.

— Хорошо, я больше к тебе не прикоснусь. Я буду паинькой. Это должно успокоить твои страхи, если думаешь, что мне нужен только секс.

Девушка изучила его взглядом:

— А что с новой девушкой, которая явится с тобой на встречу? Она тоже на меня набросится?

Он щелкнул челюстью:

— Ярость мешает мне выполнить мои обязанности, пока я не буду уверен, что ты в безопасности от других мужчин.

— А если у тебя начнется жара? Что тогда?

Он отвел взгляд.

— У меня есть несколько дней.

— Посмотри на меня.

Их взгляды встретились.

— Что случится, если начнется сезон спаривания, а я буду находиться с тобой в одной квартире?

Скажи мне правду.

Антон облизал губы.

— Тебя будут иметь, котенок. Часто. Это буду я — он опустил, сжатые в кулаки руки — В буквальном смысле.

— Ты говорил, что не трудно предугадать сезон. Что если ты ошибаешься, и он начнется завтра? Или даже хуже, сегодня?

Мужчина заколебался:

— Ты настолько этого не хочешь?

— Да — обозначила она четко — я не еще одна девочка, Антон. Ты почувствовал мою боль. Я

больше не могу связываться с тобой. Я благодарна тебе за все, что ты сделал. Я обязана тебе жизнью, но не хочу, чтобы потом ты разбил мне сердце. Ты спокойно отчаливаешь к другой даме, а мне будет очень больно.

Антон зарычал и отвернулся. Он надел рубашку, ботинки и ремень.

Он не смотрел на нее, пока одевался и потопал к двери.

— Я иду ловить тех мужиков и разберусь с этим сейчас же. Не уходи, Шеннон. Ты же не хочешь, чтобы я выслеживал тебя. Доверься мне в этом. Если ты... — Он остановился в дверях и повернул голову, посмотрев на девушку через плечо. — Я закончу то, что мы начали, только буду слишком зол, чтобы волноваться, сделаю ли я тебе больно, поскольку мой волк будет главным. В гневе я тебе не понравлюсь. Даю слово, что не причиню тебе вреда и буду защищать даже от себя самого. Скоро вернусь.

Антон захлопнул за собой дверь. Девушка услышала сигнал и побежала к двери. Попыталась ее открыть, но дверь не поддавалась. Ему удалось поймать ее в квартире. Взгляд Шеннон метнулся к окну. Это ее последний шанс выбраться отсюда.

— Дерьмо!

Ярость заставила Антона пинать дверь дома, где жили все вместе некоторые щенки. Трое из них, сидя на кушетке, играли в видеоигры. Мужчина зарычал, когда встретил их потрясенные взгляды.

— Где они скрываются?

Белокурый подросток побледнел.

— Они не сказали.

Антону не нужно было упоминать имена. Он изучил белокурого Кайла и обнажил клыки.

— Что ты знаешь?

— Они решили побегать за какой-то кошкой, и я знаю, что ты по этой причине здесь. — Парень нервно взглянул на двух своих соседей. — Они связались с какими-то жуликами, которые думали, что будет забавно последовать за ней.

— Черт, — ругнулся один из самцов помоложе. — Я не знал. — Он с ужасом покосился на Антона. — Клянусь. Я бы сообщил об этом, если бы знал, что кто-то связался с негодями.

Антон подошел к Кайлу, склонился над испуганным подростком и прорычал:

— Где они встречаются? У них должно быть место для встречи в этой части, чтобы их никто не увидел.

— В лесу, в северной части, клянусь, это все, что я знаю. Я сказал им не злить тебя. Предупредил, что произойдет, если они нарушат твой приказ. Я же не сделал ничего плохого этой пуме. Ты же ясно дал понять, что придешь в ярость, если ее не оставят в покое. Я ни в чем не виноват.

Антон посмотрел на щенков.

— Идите, найдите их и приведите сюда. И я хочу, чтобы те мерзавцы, с которыми они связались, тоже пришли с ними. Позвони мне на мобильный, как только они соберутся здесь, — сказал Антон, обращаясь к белобрысому подростку.

Они кивнули с нетерпением и направились к двери.

Антон вышел из дома, все еще желая поколотить кого-нибудь, и попытаться успокоиться. То, что щенки не послушались его приказа и, что они связались с подонками чужаками, и так было достаточно плохо, и сильно разозлило его.

Щенки, в конце концов, научиться выполнять приказы, это и раньше было частью его работы, обучить их, и вышколить. Так что в этом не было ничего нового.

Что беспокоило Антона больше всего, просто сводило его с ума, так это реакция Шеннон, когда она узнала о его сексуальной жизни.

Антон чувствовал импульс взаимного влечения, что проскакивал между ними всякий раз, стоило ему прикоснуться к ней. Но он не мог выбросить слова Шеннон из своей головы. Ее обвинения эхом отдавались в его мозгу снова и снова. Это раздражало его, тихо зарычал себе под нос его волк.

Печально то, и он признавал это, что слова его дикой кошечки были, не так уж далеки от истины. Он позволил парад суку прогуливаться по своей жизни, чтобы выполнить свой долг, найти себе пару к тому времени как должен будет занять место вожака в стае.

Запах ее боли и чувство предательства в прекрасных глазах Шеннон преследовали его. Антон не хотел лгать, когда она стала задавать вопросы, но его ответы ударили по ней так сильно, как будто он физически отвесил ей пощечину.

Она сразу же закрылась от него, ад и небеса, да она пыталась выпрыгнуть из окна второго этажа только, чтобы сбежать от него. Их прикосновения были невероятными, но теперь она считает их бессмысленными и грязными.

Она спросила о венерических заболеваниях.

— Черт, — Он зарычал, завыл в ярости, оседлал мотоцикл и подавил желание броситься обратно к ней. Он хотел Шеннон, хотел до чертиков, до звона в ушах, хотел так сильно, как еще ни одной другой женщины в своей жизни.

Это не имело смысла. Он знал, что не мог быть с ней, из-за их крови, из-за того что их виды многие века были врагами, но он не задумывался о логике или тех шансах что у них были как у пары. Выбор за него сделал его волк. Жажда прикоснуться к ней граничила с болью, и к черту всю логику и доводы рассудка.

Я должен был добиться ее, когда у меня был шанс. Теперь она никогда не позволит мне прикоснуться к себе снова, мрачно подумал Антон. Одна идея пришла ему в голову. "Если только она не испугается и опять не запрыгнет на меня", — усмехнулся про себя Антон. Медленная улыбка растеклась по его губам. Замысел неплох, ну немного коварный и неправильный, но, гори оно все синим пламенем, он хотел ее до боли, и он ее получит, даже если будет действовать не совсем честно.

— Блять! — Он стартанул вниз по улице на своем байке, и направился в сторону дома, — Я не могу сделать это с ней. Я не животное. По крайней мере, не полностью, — бормотал он себе под нос.

Он припарковался на стоянке позади бара и вошел в заднюю дверь. Шум из бара привлек его внутрь. Зал был переполнен оборотнями.

Запах стаи захлестнул его и частично переключил внимание на сегодняшних посетителей. Антон просканировал лица, и не смог опознать около сорока процентов из них, потом нашел взглядом Гленду. Она передела окровавленную белую рубашку на голубой топик и обтягивающие черные джинсы.

Мужчины изучали Гленду издали, но мало кто отважился бы подойти к ней поближе. Она запугала большинство местных оборотней. Стерва, так сказал бы любой оборотень, имевший несчастье хоть раз столкнуться с Глендой. Девушка остановилась по пути поговорить с несколькими сучками, судя

по всему чужачки, не из их стаи, и двинулась в сторону бара.

Она выглядела очень сердитой, и когда их взгляды встретились, Гленда развернулась, направляясь к Антону, перекрывая дорогу к лестнице на второй этаж.

— У тебя есть охлаждающее, чтобы остудить несколько горячих голов? Они хотят встретиться с мальчиком Харрис, — Она закатила глаза, — Я сказала им, что ты уже в паре. Жалкие поклонницы. Они даже не альфа-самки. Пытались начать драку, — усмехнулась Гленда, — Они чертовски хорошо знают, что брачный сезон это единственное время в году, когда у них есть шанс обратить на себя твое внимание. И, что все женщины, которые приходят сюда, будут драться даже за попытку построить тебе глазки.

Он вздохнул. Казалось, каждый год, был похож на предыдущий. Всё больше женщин объявлялось в городе, надеясь поймать на крючок Антона или его братьев. Они пытались обойти соглашения, которые их отец заключил с другими стаями по поводу свиданий в брачный период.

— Великий Боже, — устало пробормотал Антон себе под нос.

— Да. Я солгала и сказала что вы ребята, все уже в паре. Тебя это шокирует? — Она указала большим пальцем в дальний угол, — Видишь тех двоих рыжеволосых красавчиков вон в том углу? Никогда не догадаешься, откуда они.

— Я не в настроении, чтобы отгадывать загадки, Гленда.

— У них ирландский акцент. Они приехали, чтобы оттянутся здесь, потрахаться с американскими волчицами. И я не знаю, кого мне больше жаль, этих грубых мужланов или наших женщин, которые слишком изнежены для них. Один из них попытался за мной приударить, — Она усмехнулась, — Что ты об этом думаешь? Должна ли я ответить на ухаживания?

Антон усмехнулся, посмотрел на двух здоровенных мужиков, и изучил их внимательно.

— Тот, что в синей рубашке. Смотрит с интересом, этого достаточно для тебя, чтобы слегка его напугать и не помять при этом?

— Я собиралась покувыркаться с обоими, — облизнулась Гленда.

Антон усмехнулся.

— Волки, как известно не делятся тем что принадлежит им. Они могут подраться за тебя друг с другом.

— Они братья. Я полагаю, и думаю что из одного помета, по-моему, за что бы они ни брались, то делают это вместе. Они поведали мне, что делили женщин между собой и не раз, — Она подмигнула, — И могут сделать это снова.

— Это так неправильно, — Антон засмеялся, — Хотя ты большая девочка, и мне их жаль. Удачи. И не делайте ничего внутри бара. Если эти громилы начнут разборки между собой из-за тебя, с целью произвести впечатление, будет много ущерба моему имуществу, а мне бы этого не хотелось.

— Ну, выбор то у меня не богатый. Кроме этих двоих, потенциальные партнеры, что то не выстраиваются в очередь ко мне.

— А как насчет Бориса? — Антон вспомнил русского, с которым она провела несколько последних и весьма горячих сезонов спаривания.

— Он вернулся домой. Его отец заболел, — Депрессняк накатил на Гленду волнами, — Я буду скучать по нему. С ним было очень весело. Я уже молчу о том, что он классный любовник.

— Он не просил тебя поехать с ним?

Она отмахнулась.

— Просил, говорил, что любит меня, хотел меня себе в пару. Ты видишь меня, его альфа-сукой? — Она фыркнула, — Да я бы всех щенков в его стае напугала бы до чертиков, они бы от страха штаны обмочили.

Сочувствие к ней шевельнулось внутри Антона.

— Из тебя бы вышла бы хорошая альфа-сука.

— Я уже была там, и больше не хочу, — Она встретила глазами с его взглядом, — Никогда.

Любовь может высосать всю жизнь, я рада, что вы приняли меня, когда я очутилась здесь. Это то место, которому я принадлежу.

Он позволил ей уйти. Гленда никогда не говорила о своем прошлом, но когда она пришла к ним, то была в очень ужасном состоянии. Кто-то, очевидно, хорошо поиздевался над ней.

Она была полумертвой, когда один из членов стаи нашел ее, прячущуюся в номере мотеля, почти без сознания. Харрисы выходили ее, вылечили, приняли в стаю, и Антон лично обучил ее навыкам самообороны. С тех пор они были верными друзьями, почти семьей.

— Как там у тебя дела с твоей кошечкой? Кстати, думаю, что у тебя поехала крыша, если решил связаться с пумой

— Она расстроена, — печально выдал Антон.

— Я бы тоже расстроилась, если бы оказалась кошкой.

Он бросил на нее раздраженный взгляд.

— Она узнала о том, сколько женщин проходит через мою кровать, и как я их использую, ах да, и еще ее взбесило, что я позволяю своему отцу устраивать мою сексуальную жизнь.

— Ох. Да если бы она в тебя не влюбилась, ей было бы определенно насрать, сколько женщин тебя ублажают. Некоторые не любят делиться.

— Я просто хочу ее, — Его голос упал, — С ней я ощущаю то, чего у меня не было ни с одной другой женщиной.

Он не успел заблокировать удар, внезапно врезавшийся ему в живот. Он хмыкнул и сверкнул на Гленду глазами, потирая место ушиба.

— Что, черт возьми, это было?

— Чувствуешь? Это ничто по сравнению с тем, что сделают с тобой твои родители, когда узнают, что ты снюхался с врагом. Может, мне стоит треснуть тебя по голове, чтобы выбить оттуда всякую дурь. И прочистить тебе мозги. Ты не ясно мыслишь.

— Она особенная, и отличается от всех других женщин, кого я когда-либо знал.

— Это не новость. Она же кошка.

— Шеннон, в основном человек.

— Наполовину человек и на другую пума. Это уже не проблемы, это уже, мать твою, катастрофа.

Почему бы тебе не позволить мне увезти ее в безопасное место? Два зайцев одним выстрелом. Она не будет постоянно крутиться перед твоим членом, искушая на необдуманные и опасные поступки, и будет в безопасности от щенков. Я не причиню ей боль. Обещаю.

Он знал, Гленда сдержит свое слово. Это был бы идеальный способ избавиться от Шеннон, пока он разыщет щенков, угрожавших ей. Он просто не хотел отпускать ее, пока еще не хотел.

— Нет, — отрезал Антон голосом, не допускающим возражений.

— О, черт, Антон. Знаешь ли ты, что делаешь?

— Понятия не имею, — он вздохнул. — Но пожелай мне удачи. Я собираюсь подняться наверх, и чувствую, что она не скажет мне добро пожаловать.

— Погладил своего котенка против шерстки, да? — она засмеялась. — И ей должно быть не очень понравилось? Боишься, что она наплюет на тебя и бросит?

Он игриво щелкнул на нее клыками, сверкая глазами.

— Милая, ты само очарование. Не я один лишился ума в этом танце. Мою киску тоже терзают запретные страсти. Меня радует, что я все же способен думать не только членом, но и головой на плечах. Хотя думаю что член рано или поздно все равно победит.

Антон застонал от каламбура и вышел из бара. Он понятия не имел, как реагировать на обиду Шеннон, как делать так, чтобы она поняла, что он в любом случае не хотел сделать ей больно.

Глава 8

Шеннон беспокойно мерила шагами квартиру Антона. Он оставил ее одну, нервной и возбужденной, а сам куда-то свалил, сразу после того как ушла эта секс-бомба, которую ему прислали в подарок на время брачного периода.

Шеннон изучила вид, открывавшийся из окна, и не была уверена, что сможет воспользоваться им для побега. До тротуара было не менее пятнадцати футов, а прыгать с такой высоты, не зная, сможет ли она приземлиться на обе ноги как кошка, было глупо.

Вероятно, было бы больно при приземлении, если бы она решилась сбежать.

Запиликала входная сигнализация, и девушка в страхе обернулась и отчаянно осмотрелась вокруг в поисках оружия. Антон шагнул в комнату, когда дверь распахнулась. Он нахмурился, глядя на Шеннон, приостановился, а потом тихо прикрыл дверь, раздался щелчок замка, и в комнате воцарилось молчание.

— Ты нашел их? Решил проблему? Я могу теперь вернуться домой? — с надеждой задала она вопрос.

— Нет — на все твои вопросы, — Он посмотрел на нее своим сексуальным взглядом, — Нам надо поговорить.

— Мы уже сказали друг другу все что можно, и разговаривать нам больше не о чем. Я должна уехать, немедленно, — и она взглянула на него, сверкая упрямыми глазами.

— Этого не произойдет в ближайшее время. Смирись. Я нашел нескольких щенков, они знают тех, кто учинил разгром в твоей квартире, — Антон вытащил мобильник и положил его на полку рядом с дверью, — Я приказал им найти ублюдков, как только обнаружат их логово, они мне позвонят.

— И почему ты упертый как баран, а?

— Ну, я мог бы, и солгать, но не хочу. У меня есть и личные причины держать тебя в своей берлоге. Я просто не могу тебя отпустить.

Сердце Шеннон начало выкручивать финтеля.

— Почему нет?

— Ты знаешь почему, — Он схватил в горсть подол своей футболки, дернул, и вытащил из-под пояса брюк, обнажая свой живот с идеальной мускулатурой, покрытый ровным загаром. — Нас тянет к друг другу, — он сорвал хлопок через голову, бросил его на пол и потянулся к ремню, медленно расстегивая его.

— Ты ошибаешься, — она солгала. Шеннон не могла оторвать от него жадного взгляда, скользя глазами по его широким плечам и мускулистым рукам. У Антона просто обалденное тело, потрясенно пронеслось в ее голове. Самое лучшее, что она когда-либо видела. Несомненно, то, что он является оборотнем, и временами покрывался мехом, нисколько его не портило.

Мысленно она окатила свое либидо холодной водой, напомнив себе о том, какими разными они были.

Антон наклонился, снял сапоги и стянул с себя джинсы.

— Я думал, мы могли бы поговорить и лучше узнать друг друга.

— Я не буду трахаться с тобой.

Он посмотрел на нее.

— Я принуждаю тебя?

— Нет, но ты смотрел на меня, как на бифштекс, пока снимал одежду. Ты смотрел на меня так, будто хотел съесть всю целиком, в твоем взгляде был чистый голод.

Его губы изогнулись в улыбке, и он чувственно облизал их.

— Ты очень вкусная, поверь мне, — Его фокус с облизыванием прострелил ее электрическим разрядом прямо до бедер. — Но ты больше, как десерт для меня, а не ужин. Сладкий и греховно заманчивый десерт.

Щёки Шеннон пылали.

— Ты сам напомнил мне об этом. Думаю, ты кобель, трахающий все, что шевелится в радиусе десяти миль.

Всё веселье исчезло с выражения его лица.

— Ты действительно думаешь, что я такой?

— А что разве нет? Давай, посмотрим. Твой отец устраивает тебе свиданки, поставляя сучек в твою постель, что бы тебе было кого трахать каждый день. Ты меняешь женщин как перчатки, Антон.

— Не дразни меня, котенок.

— Не называй меня так.

Они смотрели друг на друга до тех пор, пока он не вздохнул устало.

— Я не хочу бороться с тобой.

— Хорошо. Прекрасно. Позволь мне выйти уйти отсюда и нам не придется когда-либо снова дразнить друг друга.

— Это мой долг как будущего альфы, найти себе пару. Единственный способ сделать это, знакомиться и трахаться с женщинами. Я всю свою жизнь знал, что у меня нет другого пути. Нет выбора. А вот у моего старшего брата от другой матери, выбор был, но он полукровка, на нем не лежит такая ответственность как на мне. Он отказался занять лидирующее положение, когда наш отец начал сдавать. Я же никогда не имел такой роскоши.

— Слышишь? — Она наклонил голову. — Это скрипка?

Он зарычал.

— Нет, это тяжелый металл, из бара под нами. И не пытайся сменить тему разговора.

— На самом деле я не слышу музыку, что там играет, видишь я фрик. Я чувствую не полноценной себя рядом с тобой. Ты делишь свою кровать слишком со многими, и хочешь еще и меня добавить в список своих побед. Думаю, нам всем там будет слишком тесно. Так вот со мной этот номер не

прокатит. Если хочешь уложить, кого-то в свою постель, найди себе шлюшку согласную на все. А я не такая. Я не твой тип, — Она замолчала, — И я не готова боли такого рода, я открою тебе сердце, а ты завтра просто уйдешь и оставишь меня собирать его осколки. В твоей кровати уже будет новая сучка, и ты обо мне и не вспомнишь.

— Этого не будет.

— Правильно. Я не могу заниматься сексом с кем-то, не чувствуя большего, чем прикосновение рук, — она заколебалась, — Буду честна, так что слушай внимательно. Я начала чувствовать к тебе что-то. — Ей было ненавистно говорить ему правду, но было бы хуже, если бы она не сказала, потому что он может продолжать пытаться соблазнить ее. — Ты мне действительно нравишься.

— Я понял это в ту секунду, когда почувал твою боль. Иначе тебе не было бы больно, когда ты узнала о других женщинах, — он приблизился на несколько шагов. — Сделать тебе больно — не то, чего я хотел.

— Тогда верни рубашку на место и держись подальше.

— Я не могу. — Черты его лица смягчились. — Я хочу тебя слишком сильно.

— Ты трахаешь женщин, чтобы посмотреть, сможешь ли спариться с ними. Что, несомненно, снимает меня с дистанции, — Она отступала, пока не попала в угол комнаты, — Прекрати это. — Прошипела Шеннон, когда Антон не спеша приближался.

Он сделал паузу.

— Я признаю, всех бы шокировало, окажись мы парой. Моя семья, не могла предвидеть подобное. Черт, родители пришли бы в ужас, если бы знали, что я хочу тебя, котенок. Твоя кровь пумы, даже такая слабая, была бы для них кошмаром, если бы между нами завязалось что-то серьезное. — Он усмехнулся. — Тем не менее, провести остаток жизни с тобой звучит не так уж плохо.

— Ты даже не знаешь меня.

— Это эмоции и химия вместе взятые. Мы можем это сделать

Ее сердце помчалось вскачь, а дыхание участилось. Слезы наполнили глаза, и она ненавидела это.

— Пожалуйста, не поступай так со мной.

Все следы веселья оставили его.

— Не надо. Не плачь.

— Тогда не делай мне больно.

— Ты думаешь, я собираюсь заставить тебя?

— Я... — Она облизала губы. — Я не знаю, но когда мы соприкасаемся, со мной происходят странные вещи. Просто отойди.

— Что происходит? — Он смотрел на нее, но не подходил ближе.

— Разные вещи. — Она старалась не расплакаться.

Антон почувствовал, как все его внутренности размягчаются от ее слов, и нежность отразилась его глазах.

— Котенок, — пробормотал он.

— Остановись, немедленно! — в панике прошептала Шеннон.

Антон тихо зарычал, и вдруг упал на колени перед нею. Только несколько шагов отделил их друг друга, и он уставился на нее.

— Подойди ко мне. По крайней мере, позволь мне прикоснуться к тебе. Ты поставила меня на

колени. Ни одна женщина никогда не имела надо мной такой власти. Я чувствую твою боль снова, и я не могу вынести этого.

Она сжалась в комочек, в углу, уперевшись спиной в прохладную стену, ее трясло как осиновый лист.

— Этот номер снова со мной не прокатит. Держи свои руки при себе.

— Поговори со мной. Я же не угрожаю тебе отсюда? — Он сел и положил большие руки на колени, стараясь своим поведением успокоить ее. — Что происходит с тобой, когда мы прикасаемся друг к другу? Начнем с этого, — мягко промолвил Антон.

Шеннон отрицательно покачала головой, отказываясь говорить.

— Тогда начну я. Сначала я чувствовал, огромную потребность защитить тебя, она волной накрыла меня с головой, когда я держал тебя в своих объятиях. А потом я понял, что ты пума, и я боролся со своим волком, который хотел отшвырнуть тебя от меня, но после нескольких глубоких вдохов мой волк принял тебя. И с тех пор мы оба хотим тебя Шеннон, твой аромат для нас как сильнейший афродизиак. Ты заставляешь меня чувствовать боль от желания, какого я не испытывал никогда в жизни. Я хочу вдыхать твой запах, твои прикосновения влияют на меня так сильно, что это пугает. Я никогда не отказывался от женщины раньше, но я боюсь, что сделаю тебе больно. Поэтому я пойду на все, чтобы избежать этого. Я даже готов защищать тебя от самого себя.

— Это ничего не меняет, — она взглянула, смущенно опуская взгляд на колени и нервно теребя край футболки. — Ты слишком огромный для меня.

— У меня было много времени, чтобы остыть, и теперь я знаю, чего ожидать на этот раз. Я буду терпелив и очень осторожен. Я никогда не поступлю с тобой как последняя скотина. Мы пройдем этот путь вместе детка. Для меня ты, как нежный и драгоценный цветок, который я буду холить и лелеять.

Драгоценный? Ее брови взлетели вверх.

Антон покраснел.

— Да. Я сказал это. Я никогда не чувствовал ничего подобного, ни к одной женщине раньше. Это что-то важное. Я запутался, но черт меня подери, я здесь и пытаюсь понять, что происходит. И когда что-то пугает меня, я не убегаю от этого, — он послал ей выразительный взгляд.

— Ты думаешь, я съежилась в углу от страха?

Он вздохнул.

— Да ты прилипла к этой стене, как вторая кожа, еще чуть, чуть и пройдешь сквозь нее.

— Я в замешательстве, и чувствую свою уязвимость. И отказалась от каких бы то ни было отношений, Антон. Они никогда не работали, независимо от того, как сильно я старалась. После нескольких попыток, я просто отказалась от свиданок. Они не стоят душевных мук.

— Да не собираюсь я разбивать твое сердце, и я знаю правду о тебе. Думаю, ты красивая, умная, смешная, мне нравится с тобой общаться. А то, что ты на четверть пума, меня очень возбуждает.

— Это все только усложняет, — призналась она. — У нас даже не было еще ни одного свидания, да и так ясно, что у нас нет будущего. Ты волк, а я частично кошка. Мы слишком разные.

— Не могу согласиться с этим утверждением. Нас тянет друг к другу, и очень сильно, и не смей этого отрицать. Мысли о тебе стали для меня навязчивой идеей, и ты ревнуешь, стоит тебе представить меня с кем-то еще. Согласись что это так?

— Это ничего не меняет.

— О нет, котенок, это меняет все, — прохрипел он. — У меня есть чувства к тебе и у тебя, похоже, тоже. Мы не ходили на свидание, в этом ты права, наоборот мы продвинулись дальше всех. Ты хочешь сбежать, потому что тебя трясет от страха. Идея остаться здесь со мной и позволить мне прикоснуться к тебе в любом случае пугает тебя до чертиков. И ты отрицаешь тот факт, что между нами возможно не только физическое влечение.

Она заколебалась, прикусила губу, и тут ей пришла в голову одна мысль.

— Что ты знаешь о пумах?

— Не очень много.

— Что если у меня овуляция, — Она с надеждой взглянул на него. — Это многое объясняет, например то, как я реагирую на тебя. Я же человек, хоть и на четверть. Может в этом причина. Или все дело просто в жаре, которая заставляет меня ощущать все быстрее и острее чем обычно.

— То есть когда мы дотрагиваемся друг до друга, это причиняет тебе боль?

— Да, — призналась она. — Это сильнее, чем все, что я когда-либо испытывала. Особенно, если я ощущаю твой запах, или когда ты прикасаешься ко мне. Это действительно делает меня безумной. А когда ты меня кусаешь, это заставляет терять контроль над собой.

— Насколько сильно? Если оценить по шкале от одного до десяти между мной и прикосновениями человека, теми, кто когда-либо прикасался к тебе?

Шеннон помолчала.

— Может быть, четыре из десяти.

Он сверкнул на нее белозубой ухмылкой.

— Мы говорим о дюймах? — он опустил взгляд на колени и затем подмигнул ей.

— Прекрати паясничать. Я пытаюсь быть серьезной.

— Извини. Мою шутку не оценили. Я думал, ты посмеешься. Я рад, что ты не плачешь больше. Я действительно не могу видеть твои слезы. Они разрывают меня изнутри, и мне хочется сделать так, что бы ты больше никогда не плакала. Я хочу любить тебя, Шеннон.

— Не хочу быть еще на одной зарубкой на столбике твоей кровати, я привяжусь к тебе. Похоже, я одна из тех женщин, которые считают, что секс и любовь являются одним и тем же. Мне сложно это признать, и вероятно это прозвучит жалко, но ты не можешь просто потрахаться со мной, не навредив мне, — Она опустила взгляд на свои колени, а затем взглянула на его лицо. — И я говорю не о том, что ты большой и толстый там. Ты спросил меня, когда у меня последний раз был секс, так вот это было годы назад, Антон. С момента, когда у меня закончились последние отношения. Я не занимаюсь случайным сексом.

Шок отразился на лице Антона, когда он услышал ее признание, который быстро сменился на гнев, его темные глаза ее поджаривали на медленном огне.

— Он что-то сделал с тобой? Причинил Боль? Это должно быть что-то ужасное, раз ты вообще отказалась от секса и вычеркнула мужчин из своей жизни. Дай мне его имя, и я заставлю его заплатить за все, что он сделал с тобой.

— Это не то, что ты думаешь. Он не бил и не унижал меня. Просто я другая. Я должна была скрывать определенные вещи от тех парней, с которыми встречалась. И они чувствовали, что со мной, что-то не так. Я жила в постоянном страхе, что случайно покажу им, что я не совсем

нормальная. В конце концов, отношения распались. Мне было больно наблюдать за тем как они уходят, но это всегда происходило. Они думали, что я либо изменяю им, или не люблю достаточно. Это неправда. А я просто не могла открыть им правду о себе, о том, что я есть на самом деле.

— Что ты скрывала помимо своей родословной?

— Мое сексуальное влечение, мне было мало того что обычный парень мог мне предложить, — Она покраснела. — И не смотри на меня таким голодным взглядом. Ты спросил, я ответила. И обычно я не встречалась больше чем с одним парнем за раз, и мне пришлось воздерживаться от царапин и укусов. А еще я до ужаса боюсь пауков. Попробуй объяснить парню, почему и как ты оказалась на стене под потолком, потому что тебя напугал, чертов паук. Как такое объяснить? Ну, я и наплела ему, что залезла стряхнуть пыль с карниза. Это лучше, чем заявить, дорогой меня закинули сюда мои инстинкты. Он тогда подумал, что я рехнулась, так как слышал мое шипение и вбежал в комнату, прежде чем я могла успокоиться достаточно, чтобы спуститься вниз.

Антон усмехнулся.

— Сожалею.

— Во сне я издавала странные звуки, — Она пожала плечами. — Один парень сказал, что я должна обратиться к психоаналитику, только потому что мурлыкала во сне, он подумал, что должно быть в прошлой жизни я была кошкой.

— Что заставило его так подумать?

— Мне нравится обхватывать руками подушку и мять ее как кошка лапами.

— Ты можешь кусать и царапать меня, я только за. Можешь мять вещи во сне, я не пошлю тебя к психоаналитику. — Он подарил ей самый искренний взгляд, на какой был способен. — Ты ничего не должна скрывать от меня. Может нам стоит рискнуть? Я понятия не имею, куда нас все это приведет, но я готов попробовать. И будь что будет. Да и вообще, какое это имеет значение?

— Ты думаешь, я не хочу, но это не стоит душевной боли. А я уверена, что буду страдать даже из-за одной ночи проведенной вместе.

Боль, отражаемая на лице Шеннон, скрутила в узел все его внутренности. Он принял решение немедленно.

— Я предлагаю тебе больше, чем секс на одну ночь. Останься здесь, со мной, на весь брачный период. Это обязательство я не давал ни одной женщине до тебя. Я и так хочу только тебя, а в брачный период это влечение только усилится. Даже без метки. А когда я тебя отмечу, боюсь, дорогая я совсем рехнусь.

— Я не знаю, что это означает.

Нахлынуло разочарование. Ее отец должен был найти способ обеспечить выживание своей дочери лучше, прежде чем умереть.

Он должен был найти стаи, которые принимали смешанные породы, чтобы не допустить ее воспитания без какой-либо поддержки, или он должен был, по крайней мере, найти источник получения информации о ее наследии.

Тот факт, что она прожила так долго, перед тем как стала скрываться от врагов, ошеломило Антона. Она ничего не знала об оборотнях и их образе жизни.

— Метка говорит о том, что я укушу тебя и попробую твою кровь. Таким способом я отмечаю тебя, и мой волк знает, как знают и другие, что у меня серьезные намерения к тебе. Это не спаривание, но

ты будешь ходить с моим ароматом, и ты будешь всем, кого мой волк будет желать.

— Как я узнаю, что твой волк не захочет меня убить?

— Доверься мне в этом. Это не то, чего вторая половина меня хочет. Мы в полном взаимопонимании на счет тебя. Прием пищи, который будет иметь место, это только по части удовольствия.

Ему нравилось, когда она краснела. У него еще никогда не было никого столь невинного, и хотя это его немного пугало, но возбуждало еще больше.

Антон мысленно сделал пометку: что следует постараться не слишком спешить, если он уговорит ее остаться, он не желал шокировать ее, делая что-либо слишком поспешно.

Он решил относиться к ней так, словно она полностью человек.

— Я не знаю, какое будущее ждет нас, Шеннон. То же самое и в любых других отношениях, но я никогда не знакомился с женщиной в течение периода спаривания. Я также никогда не отмечал кто-либо до этого. Потому что отношусь очень серьезно ко всему этому. Тут нет ничего случайного, в том, что предполагаю или как я отношусь к тебе.

Антон наблюдал, как эмоции играют на ее прекрасном лице.

Сердце бешено колотилось, а его волк плотно прижимался к коже. Волк безумно хотел ее, что Антону пришлось бороться, чтобы затолкнуть его обратно.

Он не отступал.

— Я не обманываю тебя. Ты будешь единственной для меня во время брачной горячки. Ты нужна мне как воздух и еда. И я сойду с ума, если ты меня оставишь. Стану совершенно невменяемым. Чёрт возьми, поверь же мне. Я никогда так не хотел принадлежать одной женщине, только тебе. Я говорю серьезно, Шеннон, — он решил не говорить ей, что случится, если она сбежит после того, как Антон отметит её, и что в любом случае пойдет за ней. Он планировал убедить ее, что ничего страшного не случится, после его укуса. — Согласна?

Нерешительность и тоска боролись в Шеннон. Мужчина предложил ей, по крайней мере, две недели, чтобы побыть самой собой.

Не надо ничего скрывать. Нет необходимости сдерживать ту ее сторону, которую она всегда прятала, когда была связана с другими мужчинами.

Стоило ли это риска остаться с разбитым сердцем, когда все закончится, что будет, когда у ее оборотня пройдет брачная горячка? Ей необходимо было учесть все последствия.

Свирепый оборотень сидел перед ней, прося ее остаться с ним. Антон не причинит ей вреда, если он дал слово, то во что бы то ни стало, сдержит его.

Шеннон не сомневалась, что он никогда раньше не предлагал таких обязательств другой женщине. Это должно было означать многое. Она отчаянно хотела ему доверять.

Она смотрела в его красивые глаза и увидела там искренность. Девушка кивнула, прежде чем струсил.

— Я боюсь, но ты убедил меня. И я не хочу потом жалеть, что не дала нам шанса.

Антон улыбнулся, продолжая стоять на коленях. Протянул к ней руки, отчаянно желая поскорее сжать ее в своих объятиях, и страхась того что она передумает.

— Подойди ко мне, котенок.

Она колебалась и посмотрела на кровать.

— Я не могу спать с тобой там. Не желаю, чтобы ты сравнивал меня со своими многочисленными

победами.

Он тихо выругался и поднялся на ноги.

— Я бы никогда так не поступил, но я понимаю тебя. У меня есть раскладной диван. Он новый, никогда не был использован, есть новое постельное белье. — Он почти побежал к дивану, скинул подушки и разобрал его, получилось, не хилое королевское ложе. Подошел к шкафу, схватил подушки и бледно бледно-голубые простыни и бросил все это на кровать. Достал синее теплое одеяло и добавил к кучке белья. — Видишь? Никто здесь никогда не спал. Оно только наше. Как мило.

— Серьезно?

— Понюхай и ты сама скажешь, что они новые. Я же тебе говорю, я недавно переделывал квартиру. Новый диван, новые простыни, подушки и даже одеяло. Моя кровать огромного размера. Иначе бы мои причиндалы не поместились бы на меньшем матрасе.

Она подошла ближе к нему.

— Я нервничаю.

— Не надо. Мы сделаем это медленно. — Он потянулся к застёжке на джинсах, а затем остановился. — Я останусь в них пока. Да. Это хорошая идея. Сними свою одежду.

— Презервативы.

Он кивнул.

— Конечно, — Антон бросился в сторону комода и сорвал ящик, открыв его так быстро, что тот полностью вышел из отсека, который держал его. Коробки презервативов упали на пол. Он тихо выругался и отбросил ненужную деревяшку в сторону.

Шеннон усмехнулась.

— Рада, что я не единственная, кто сейчас нервничает.

Он посмотрел на нее через плечо и одарил глуповатой улыбкой.

— Мне хочется сделать это правильно, и не напугать тебя при этом. И я также обеспокоен тем, что собираюсь пометить тебя.

— Это будет больно?

Он помедлил с ответом.

— Нет, если я сделаю всё правильно. Не волнуйся. Я слышал рассказы о том, как правильно пометить женщину, — Он выпустил ручку и положил ящик комода. Наклонившись, и подхватив с полу большую коробку презервативов, он повернулся к ней и ласково улыбнулся.

— Такая большая коробка, — девушка покраснела.

— Я очень хочу тебя, малышка.

Ей пришлось отвести от него взгляд, снимая свою одежду. Ее щеки зарделись алым цветом, она чувствовала, как они горят, " — Вот черт, покраснела, надеюсь, ему понравилось, то что он увидел", — взволнованно подумала девушка. Оставшись совершенно обнажённой, она, наконец, отважилась взглянуть на Антона.

Антон впился зубами в нижнюю губу и смял коробку, зажатую в кулаке. Приковавшись к ее обнаженной груди, его темный взгляд излучал дикий голод. Мягкий рык вырвался из горла возбужденного до предела оборотня, когда он поднял на нее взгляд.

— Боже, детка, ты смерти моей хочешь.

— Я не специально.

— Поверь мне. Я горю на медленном огне... И сомневаюсь, что смогу выжить. Если бы ты только знала, что я хочу с тобой сделать, — рыкнул он хриплым голосом.

— И что ты хочешь со мной сделать?

Он сделал глубокий вдох.

— Схватить тебя, поставить на четвереньки перед собой, разорвать свои джинсы и вонзаться в тебя свой член до тех пор, пока не потеряю сознание, — Он покачал головой. — Но я сдержу свои желания, на первый раз. Ложись на спину, Шеннон.

Простыни были прохладными на ощупь, когда она забралась на кровать. Девушка повернулась и легла. Запах, исходящий от простыней подтвердил слова Антона, что на этой кровати действительно никто не спал.

Она ожидала учуять от простыней и наволочек приятный запах кондиционера для белья, но вместо этого до нее донесся запах новизны. Это не удивляло, что парень не постирал бельё перед использованием.

Раньше она жила с мужчинами, которые даже пыль стирали с табурета, прежде чем сесть на него. Улыбка изогнула ее губы.

Антон застонал, разорвал коробку, и Шеннон увидела, как дрожат его руки, когда он оторвал несколько презерватив. Мужчина сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться.

— Я должен надеть его, — потом усмехнулся. — Нет, лучше подождать с этим. Если я сейчас сниму свои джинсы, то не думаю, что смогу застегнуть их обратно.

Шеннон сосредоточила взгляд на ширинки его джинсов — жесткой, толстой выпуклости, в его паху, очевидное доказательство того, что он хотел ее. Ее взгляд вернулся к его лицу, и она хихикнула.

— Ты выглядишь более встревоженным, чем я.

На его губах мелькнула усмешка.

— Вероятно. Я твое первое приключение за много лет, но это и мой первый раз, я впервые отмечу женщину как свою, так что естественно, что я волнуюсь, хочу сделать это незабываемым для тебя.

— Сделай глубокий вдох, — Она протянула руку за коробкой. — И давай я подержу презервативы. Он передал их ей.

— Держи.

— Ты думаешь, нам они все понадобятся?

— Да. — Антон уронил коробку на пол рядом с кроватью и встав на колени на краю матраса. — Я набирался сил к периоду спаривания, поэтому мои гормоны, немного сходят с ума.

Его теплая рука скользнула по ее бедру.

— Раскройся шире для меня, котенок.

Она колебалась, а затем сделала это. Зная, что ее щеки загорелись, когда она выставила своё лоно, ему на обозрение, но его низкое рычание заверило ее, что он наслаждался видом.

Антон облизнул губы, его нос вспыхнул, когда он почувствовал ее запах, и, поставив другое колено на кровать, он посмотрел на нее.

Шеннон наблюдала, как он скользнул по кровати, растянувшись на животе, пока не уперся лицом в колыбели ее бедер.

— Ты не имеешь понятия, что делаешь со мной. Я мог бы стать зависимым тобой.

Она вздрогнула от его изменившегося голоса, ставшего жестче, и грубее.

— Даже слышать, как ты говоришь со мной в таком тоне, причиняет мне боль.

— Говори со мной. Скажи, если я двигаюсь слишком быстро, пугаю тебя или если тебе будет неудобно.

— Хорошо. Что на счет метки?

Он заколебался.

— Я не стану предупреждать тебя, но надеюсь, что подберу подходящее время, и ты это едва заметишь. Поверь мне.

— Я лежу обнаженная перед тобой, на твоей кровати. И если это не доверие, то я не знаю, что это.

Он усмехнулся:

— Хорошо. Расслабься, котенок. Это будет приятно.

Он просунул руки под ее попку, его широкие плечи опустились меж ее бедер и она раздвинула ножки еще пошире, давая ему полный доступ к своему лону, и он полностью сосредоточился на открывшейся его взору картине — сладкие, влажные складки в дюйме от его рта. Антон втянул носом пьянящий аромат ее возбуждения.

Шеннон закрыла глаза и сжала пальцы в кулак. Шуршание обертки напомнило ей о лежащих в ее руке презервативах, помяв их, она положила квадратики фольги на подушку рядом с собой, а затем Антон раздвинул шире ладонями ее бедра, и она ощутила, как горячий, твердый язык скользнул по ее клитору.

От накативших ощущений блаженства и восторга у нее перехватило дыхание, стон застрял в горле, а потом довольное рычание вырвалось из глотки Антона. Она тряхнула головой, млея от этого порочного звука, а он запечатал свои губы вокруг ее чувствительной плоти, яростно посасывая и облизывая ее нежную сочную плоть.

Шеннон выгнулась в экстазе, пытаясь оторвать свои бедра от рта Антона, ей и хотелось прекратить эту сладкую муку, и в тоже время она желала, что бы это продолжалось вечно, его руки пресекли попытку бунта, сжимая ее попку и удерживая на месте. Антон продолжал безжалостно терзать ее клитор.

Шеннон стонала и мурлыкала, нежные вибрирующие звуки рвались из ее горла, в тоже время она вцепилась пальцами в подушку.

Она поняла, что кульминация наступит ошеломляюще быстро, но Антон, казалось, почувствовал это, отстранился от ее лона и приподнял ее задницу немного.

Она задохнулась, когда его язык проник в неё. Он подался вперед, вошел в нее, и снова зарычал, работая им все интенсивнее и вводя его все глубже внутрь ее тела.

— Антон, — прохрипела Шеннон.

Он на мгновение отстранился и снова толкнулся языком вперед, она чувствовала, как длинный и толстый язык исследовал внутренние стеночки, медленно трахая ее.

Нос Антона упирался в пульсирующий клитор каждый раз, когда язык погружался в нее, а лицо плотно прижималось к её складкам.

Шеннон напряглась, ее глаза распахнулись, и невидящим взором уставилась в потолок, мощная кульминация накрыла ее с головой, доводя почти до потери сознания, и она выкрикивала его имя, когда кончала в экстазе.

Антон издал приглушенный стон, продолжая двигать языком внутри нее, слизывая сладкий крем, казалось, он получал еще больше удовольствия от ее кульминации, а затем он потихоньку отстранился.

Он потерся щекой по внутренней стороне ее бедра, слегка царапая легкой щетиной. Она почувствовала его губы в области бедренной артерии, Антон прижался губами к бешено колотящемуся пульсу, а затем, интуитивно нащупав нужное место, резко вонзил клыки в ее бедро, прокусывая нежную кожу до крови, смакуя ее на вкус. Шеннон сначала почувствовала легкую боль, а потом волна небывалого экстаза накрыла ее с головой и новый еще, более сильный оргазм прокатился по ее телу.

Антон немного сдвинулся, зализывая языком место укуса, покрывая поцелуями изгиб нижней части ее живота, и поднимаясь к вершине ее бедра.

Последовал еще один быстрый удар клыков, ее тело вновь начало содрогаться от интенсивного удовольствия, которое он ей подарил, чувствуя, как клыки погрузились в мясистую часть ее бедра, прокусывая почти до кости.

Шеннон задышалась, ее руки выпустили подушку, чтобы схватить Антона за густые, шелковистые волосы, и она притянула его к себе за голову. Боль и удовольствие от острого укуса захлестнули ее, пронзая тело жаркими электрическими разрядами, взрывая все ее чувства.

Его язык нежно зализывал область укуса, и из горла вырвался еще один глубокий приглушенный стон, отражаясь на ее коже.

Антон осторожно сжимал челюстями нежную кожу, зажатую в зубах.

Шеннон сосредоточила взгляд на потолке. Боль исчезла, но она чувствовала, что волчьи зубы все еще сжимают кусочек ее плоти. Он укусил ее.

Она знала, что он хотел отметить ее, и все равно это произошло неожиданно. Антон разжал зубы и принялся нежно зализывать поврежденный кусочек ее кожи. Боль полностью исчезла.

Антон несколько раз поцеловал укус, прежде чем поднять голову, и взглянуть на девушку. Его глаза приобрели несколько экзотический вид, наполовину волчьи, наполовину человечески. Они были самые красивые и невероятно темные. Страсть огнем горела в пристальном взгляде, и он облизнул губы, привлекая ее внимание к его сексуальному рту.

Пухлые губы были покрыты ее кровью. Она разжала кулачки и выпустила на волю его волосы.

Антон низко зарычал на нее, удаляя все следы крови с губ, с удовольствием слизывая остатки языком, и затем встал на колени.

— Ты отмечена и ты моя в течение следующих нескольких недель, — его голос стал еще более жестким, еще и менее человеческим. — Подай мне презерватив. Пока я еще себя контролирую.

Шеннон попыталась вспомнить, о чем он ее просит. Она повернула голову и нашла квадратики фольги на подушке рядом со своей головой. Ее пальцы оторвали один из рулончика и передали ему.

Он порвал упаковку зубами, вытаскивая резинку одной рукой, другой расстегнул молнию на джинсах. Освободил свою возбужденную плоть и, встретившись с ней взглядом, раскатал презерватив по всей горячей длине.

— Можешь закрыть глаза. Я не хочу, чтобы ты боялась. Просто чувствуй.

Она заколебалась.

— Хочешь, чтобы я встала на колени?

— Нет. Я пока не доверяю себе, чтобы взять тебя таким образом. Мой волк станет неуправляемым и перевозбужденным, и боюсь, что не смогу его контролировать тогда.

— Почему не доверишь? Боишься быть слишком грубым?

Он встретил ее беспокойный взгляд.

— Презерватив не даст мне связать нас как пару. Если я буду внутри тебя и укушу в тоже время как кончу, наполнив тебя своим семенем, ты окажешься связанной со мной на всегда. Это тоже самое, что и брак у людей.

Ее челюсть отвисла.

Он мягко зарычал.

— Я могу укусить тебя Шеннон, пока трахаю. Презерватив помешал бы мне, если бы я кончил в тебя в тоже время что и укусил. Я просто стараюсь быть осторожным. А от твоего вкуса у меня сносит крышу.

— А это плохо, что ты хочешь меня трахнуть?

Антон сверкнул улыбкой.

— Нет, но я до звона в ушах, хочу трахнуть тебя как животное, и послать все последствия в далекий путь. И пока я себя контролирую. Закрой глаза и доверься мне.

Шеннон закрыла глаза. Она услышала шелест джинсовой ткани спускаемой вниз по его ногам, матрас прогнулся под его весом, когда он сдернул с ног штанины, и ей показалось, что слышит, как его рука скользит по члену затынутому в презерватив.

Шеннон хотела, посмотреть вниз, между их телами, чтобы получить представление о его размерах, но Антон уже опустился на нее, и возможность пропала, а их тела крепко прижались друг к другу.

— Посмотри на меня, — потребовал он.

От его хриплого голоса и прижавшейся к ее лону горячей твердой плоти странная теплота разлилась ураганом по ее внутренностям. Она вдохнула его запах, и ее желудок сжался от желания.

Не колеблясь, девушка обернула ногами его бедра, подняв их достаточно высоко, чтобы обхватить талию Антона. Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд.

— Ты такая красивая, — прохрипел оборотень. — Я давно хотел тебе сказать об этом.

Шеннон только собралась сказать ему, что он самый красивый мужчина, которого она когда-либо встречала, даже с его экзотическими, волчьими глазами, но его губы быстро накрыли ее своим жаром и остатки мыслей вылетели у нее из головы.

В его поцелуе не было нежных прикосновений. А только чистый голод, особенный возбуждающий до предела аромат Антона и даже вкус собственной крови не мог помешать ей, отвечать на поцелуй. Безумное желание, прострелило ее молниеносно от макушки очаровательной головки до кончиков пальцев на ногах.

Его рычание вибрировало против ее набухших сосков, его бедра приподняли ее достаточно, чтобы она еще шире раскрылась для него. Шеннон почувствовала его жесткость напротив своего нежного лона, и его затынутый в презерватив толстый член толкнулся в ее пропитанные влагой мягкие складочки.

Он не использовал руки, его головка сама нашла вход в ее мокрые недра, войдя лишь слегка, потом, он на мгновение остановился и с силой толкнулся вперед.

Она задохнулась, когда его толстый член медленно проник в ее сердцевину. Антон перестал

целовать девушку, но не отстранился совсем, ласково покусывая пухлые губки.

Они оба затаили ненадолго дыхание, он застонал, и вошёл еще глубже, медленно толкаясь в нее головкой, растягивая ее под свой размер.

Шеннон схватилась за его плечи, ее ногти впились ему в кожу, и она попыталась ослабить хватку. Она никогда не забывала, что нельзя выпускать когти во время секса, а такое желание у нее было, если она испытывала удовольствие, и Антон дарил ей это удовольствие, а ее тело раскрылось для него, плотно обхватывая жаркий член.

Он вошел глубже и она снова застонала.

Когда Антон начал отстраняться, Шеннон покрепче сжала ноги, мешая ему оставить ее тело, но потом он снова толкнулся вперед, входя еще глубже. Антон размеренно двигался вперед и назад, расширяя ее, и лоно подстраивалось под его длину и толщину, принимая в себя все больше и больше. Никогда Шеннон не чувствовала себя настолько наполненной, ей было все приятней и приятней, удовольствие возрастало с каждым новым толчком.

Он замедлил движения, замирая над ней, и она встретила с его взглядом.

— Не стоит сдерживаться. Ты не можешь сделать мне больно. Если не будешь кусать меня до крови своими зубами. Я не уверена как пумы спариваются, так что лучше не рисковать.

Она остановилась, борясь с желанием зарыться ногтями в его кожу. Он задышался, а затем зарычал на нее, его сексуальные глаза сузились, и помощи ей Боги, он возбуждал ее до боли одной только своей улыбкой. Шеннон замерла.

— Мне так хорошо здесь, — заверил он ее. — Ты такая тугая. Я делаю тебе больно котенок?

— Нет.

— Держитесь за меня детка. Мой самоконтроль начинает сдавать. Я и так был святым до сих пор.

Она не была уверена, что это значит, пока он не уткнулся лицом в ее горло и начал двигаться, снова входя в неё резкими толчками.

Его бедра прижались к внутренней поверхности ее бедер, когда он двинулся вперед, давая ей всего себя, и Шеннон задохнулась от ощущения, того как глубоко и плотно он ее наполнял.

Непреодолимый позыв желания укусь его завладел ею, но вместо этого девушка отвернула голову, и стиснула зубы, а потом Антон начал просто трахать ее быстро и жестко.

Его член вонзавшийся в нее с нечеловеческой скоростью обострил и так, высоко чувствительные её нервные окончания, раздирая ее лоно почти непереносимой сладкой болью удовольствия, но эта боль того стоила, и наслаждение почти затмевало ее.

Шеннон задышалась, мурлыкала, а потом закричала и забилась под мужчиной в судорогах оргазма. Взрывы экстаза каскадом проносились от ее лона прямо к мозгу, и Антон прорычал слова, которые она не разобрала, он откинул голову, и заорал, из его горла вырывался наполовину вой, наполовину крик.

Внутри нее, его член, казалось, набух и пульсировал, увеличиваясь в размерах, сжимаемый содрогающимися в оргазме мышцами ее влагалища.

Шеннон тяжело дышала, постепенно приходя в себя, из их счастливого небытия, благодаря Всевышнего за этого крупного самца, что он послал ей.

Она повернула голову, и поняла, что Антон частично рухнул на нее, падая с вершины своего оргазма, он пошевелился, приподнялся и упал рядом с ней, что позволило Шеннон вздохнуть,

прижимаясь к его потному скользкому телу.

Антон поднял голову с подушки и встретился с Шеннон взглядом. Экзотический взгляд волчих глаз исчез, они стали полностью нормальными. Он улыбнулся ей, сверкая ровными, белыми, человеческими зубами.

— Я сделал тебе больно?

— Нет.

— Отлично. Я дам тебе около двух минут, а затем мы продолжим. Я разрешаю тебе выбрать позу. Есть какие-нибудь предпочтения?

Она взглянула на него в шоке:

— Ты серьезно?

— Я не человек. Да и ты тоже. Скажи мне, что ты не хочешь меня, и я остановлюсь. — Он вдруг опустил лицо, потерся носом о ее плечо, и издал внутриутробное рычание.

Желание пронзило ее от его легкого касания, и звука, который он издал.

Он усмехнулся.

— Это то, о чем я подумал.

Глава 9

Шеннон рассмеялась и бросила мочалку в Антона, пытаясь нырнуть под его руку.

Он схватил ее за талию, приподнял, и прижал спиной к холодной плитке на стене душа.

Антон улыбнулся, удерживая ее в объятиях, его бедра прижались между ее скользкими бедрами, и она инстинктивно обернула ноги вокруг его задницы.

Девушка скользила по его мыльному телу, и он удержал ее на месте за попку большими ладонями.

— Лучше помой свою задницу.

Он усмехнулся.

— Предполагается, ты должна меня мыть.

— Я? Это что новые правила нашего приключения?

— Нет, но ты должна признать, что после проведенной вместе ночи, и всего того удовольствия которое мы разделили, ты думаешь, что я Бог.

— В самом деле? С чего бы это? По-моему твоя задница слишком эгоистичная.

— Возможно, так было всегда, а когда ты крикнула, «О Боже», — Он поцеловал ей подбородок, и приподнял. — Разве ты не меня имела ввиду?

Шеннон рассмеялась. Она ничего не могла с собой поделать. Ночь, проведенная с Антоном, лучшая в ее жизни. Это было больше, чем просто секс. Он занимался с ней любовью.

Каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждая ласка связывала их воедино, она никогда раньше такого не испытывала. Ее улыбка слегка померкла.

— Что не так? — Он отстранился.

— Ничего.

Мягкое предупредительное рычание, послышалось от него.

— Не ври мне.

Шеннон посмотрела ему в глаза.

— Я не вру.

— Ты думала, я не почувствую? Мы связаны. Я могу чувствовать, как ты эмоционально

отстранилась от меня, как если бы ты сделала это физически.

Заявление Антона ошеломило её.

— Серьёзно?

Он не ответил, продолжая, молча смотреть.

— Хорошо. Я просто... — ее взгляд зацепился за его плечи, где виднелись едва различимые следы от ее ногтей.

— Просто что?

— Да глупо это.

— Не согласен. Почему ты отстраняешься от меня? Я что-то сказал не так? Я пошутил про Бога. Не надо мыть мне задницу и боготворить.

Она подняла взгляд на встречу его.

— Я знаю, что ты шутишь. Просто может прошлой ночью, было слишком интенсивно.

— Тебе больно. Прости — он опустил ее на ноги. — Я забываю о твоей человечности.

— Я в порядке. Немного мышцы болят, но это ничего — она пробежалась руками по его груди, что бы смыть мыло водой. — Я имею в виду эмоционально. Ты прикасаешься ко мне так, как прикасались парни, с которыми я серьезно встречалась. Я просто не знаю, как сказать.

— Мы вместе.

Расстройство поднялось в ней, лишь она подняла на Антона взгляд.

— Наверное, это у оборотней так. Такие прикосновения меня смущают.

Отсутствующее выражение на его прекрасном лице убедило ее, что он потерян.

— Черт — пробормотала Шеннон, уставившись на его грудь, — ты прикасаешься ко мне не как парень на одну ночь.

— Ты значишь для меня больше, — он обхватил ее подбородок и заставил встретиться с ним взглядом. — Ты — моя.

На несколько недель, пронеслось в голове.

— Ты отметил меня. Я не уверена, что это значит.

— Другие мужчины ощущают, что ты моя, и я сделаю все, что бы защитить тебя. На тебе мой запах. Также мой волк знает, что мы вместе, а связь все крепче.

— На мне твой запах?

— Слюна с моих клыков попала в твою кровь, когда я тебя укусил.

— Сколько это продлится?

— Несколько недель. — Он отступил, но продолжал удерживать ее за подбородок. — Тебя это беспокоит?

— Нет. — Она не понимала, каким он стал напряженным, пока он не расслабился

— Ты капризная по утрам перед завтраком, правда? — Он отпустил ее, чтобы отвернуться под полный напор душа и ополоснуться. — Пока ты моешься, я закажу, чтобы нам подняли еду.

Поспеш. Это не займет много времени. Я умираю от голода, и держу пари, ты тоже.

Ее живот захохотал, как по команде. Антон усмехнулся, наклонил голову под воду, чтобы смыть кондиционер, а потом тряхнул головой.

Вода обрызгала девушку. Он открыл дверь душевой и вышел прежде, чем Шеннон смогла вытереть с лица воду, чтобы принять ответные меры.

Она видела его силуэт, когда он вытирался полотенцем рядом с дверью из матового стекла. Шеннон заколебалась, а потом потянулась за шампунем.

Эмоции смутили ее. У нее было дурное предчувствие, что если следующие несколько недель будут чем-то, сравнимым с последними двенадцатью часами, то она уйдет от Антона с разбитым сердцем. Его было легко полюбить, и секс... Мгновенное желание встряхнуло ее тело от одних только воспоминаний

Ее соски затвердели, несмотря на теплую воду, льющуюся каскадом по телу, и Шеннон знала, что никогда не сможет насытиться этим мужчиной.

Должно быть, все дело в кошачьей течке подумала девушка. Это многое бы объяснило. Во-первых, как она так быстро прыгнула в сексуальную связь с оборотнем и, как ее тело болело, просто думая о нем, прикасающемся к ней снова.

Пять минут спустя она вышла из ванной одетая в одно полотенце.

Антон сидел за стойкой, одетый в пару черных тренировочных штанов, его длинные волосы были еще влажными, и когда она подошла ближе, он повернулся и уставился на нее.

— Не возражаешь, если я позаимствую какую-нибудь одежду?

— Возражаю, потому что ты нравишься мне голой, но я не хочу, чтобы тот, кто принесет нам завтрак, видел на тебе так мало. — Он кивнул головой на комод. — Выбирай.

— Спасибо.

Она старалась избегать ящик с презервативами, который Антону удалось вернуть на место, и он убрал с пола все рассыпанные коробки.

В одном из ящиков комода девушка нашла огромные шорты на шнуровке и большую, черную футболку в стиле хеви метал.

Шеннон чувствовала на себе взгляд мужчины, он буквально прожигал ей спину, когда она, уронив полотенце, прикрывавшее ее не хуже платья, пыталась дрожащими руками натянуть на себя то что нашла в его комод, и упорно отказывалась встретиться с ним взглядом.

— Я должен идти, через полчаса начнется встреча стаи, — Он посмотрел на часы, висевшие на стене кухни. — Я постараюсь не задерживаться дольше, чем необходимо. Потом мы поужинаем вместе.

Кто-то постучал в дверь. Антон поднялся на ноги и направился открывать.

— А вот и завтрак принесли.

Шеннон попыталась не потерять самообладания. Она надеялась, что другие сучки оборотни больше не появятся здесь, чтобы угрожать ей. "Это было бы совсем хреново", — мрачно пронеслось в ее голове.

Дверь открылась, и белокурый парень вошел с подносом. Кивнул Антону, потом медленно скользнул масляным взглядом по телу Шеннон.

Гневное рычание Антона мгновенно отвлекло внимание наглеца от девушки.

— Советую не смотреть так на нее, Йон, если конечно не хочешь потерять свои яйца, — с угрозой прорычал Антон.

Парень побледнел.

— Чёрт.

— Дай мне поднос и выметайся отсюда, пока я не потерял терпение.

— Я же не нападаю на нее. Почему ты так реагируешь?

Антон схватил поднос.

— Выметайся к чертовой матери, — гневное рычание усилилось, отчего приказ прозвучал еще суровее и страшнее.

Мускулистый блондин отшатнулся, врезался в дверной косяк, и тихо выругался.

— Ты отметил ее, не так ли? Ты ведешь себя сейчас как хренов собственник. А еще вчера совсем не возражал, когда я находился рядом с ней.

— Держи свой рот на замке, все, что от тебя требуется, только доставлять ей еду. Она мое дело, и больше ничье. Тебе все ясно? — в голосе Антона все еще звучала явная угроза.

— Абсолютно, — Йон развернулся и выбежал из квартиры.

Брови Шеннон в недоумении взлетели вверх. Антон пинком закрыл дверь, повернулся к ней с подносом в руках, и нахмурился.

— Что?

— Ничего.

— Извини. Я ворчливый волк. Мне не понравилось, то, как он смотрит на тебя.

— Мне угрожала опасность?

— Нет, — Он подошел к столу. — Я и раньше чувствовал очень сильное притяжение к тебе. А после того как отметил тебя оно еще больше усилилось, — глухо сказал Антон и поставил поднос на стол. — Думаю, от этого у меня немного едет крыша. У меня было большое желание надрать его щенячьей задницу просто за то, что он осмелился взглянуть на тебя.

— Ничего себе, — у девушки буквально отвисла челюсть от его признания.

Он обернулся к ней лицом.

— Что?

— У тебя опять клыки вместо зубов.

— Извини. Черт.

Рука поднялась, чтобы потрогать его острые кончики выступающих волчьих клыков, а затем опустилась ладонью на стол.

— Метка страшная вещь. Я слышал, что от неё может слегка срывать крышу, и я действительно хотел дать ему пинка, спустить вниз по лестнице. Ты ему понравилась, как женщина. И меня это взбесило.

— Он ничего не сказал и не сделал.

— Ему и не нужно. Его нос учуял твой запах, и его глаза потемнели. Поверь мне. Он считает тебя сексуальной и ему очень хочется прикоснуться к тебе. — Он сделал паузу, и прорычал. — И мне это не нравится. Чертов щенок легко отделался.

— Я не хочу его. Это поможет тебе успокоиться? Блондины не в моем вкусе, — усмехнулась девушка.

— А оборотни?

— Ну, нет. До тебя я не встречалась с оборотнями.

— Хорошо. — Клыки исчезли, и казалось Антон, успокоился. — Давай поедим. Жаль, что я должен оставить тебя одну сейчас. Но как только начнется брачная горячка, скажем так, работа отпустит меня в отпуск, и у нас будет куча свободного времени. В этот период работа уходит на задний план, по сравнению с потребностями плоти.

Она села рядом с ним за стойку.

— Праздник плоти да? — Весело спросила Шеннон.

Смешок вырвался и у него.

— По крайней мере, для оборотней.

— Значит, бар внизу будет закрыт?

— В этом году закроем. В том году мой брат держал его открытым, в результате потратил целое состояние на ремонт.

Шеннон окинула его любопытным взглядом.

— Мы становимся довольно агрессивными по время горячки. И это не очень хорошая смесь, у нас куча оборотней мужчин и мало оборотней женщин, да и на тех трудно произвести должное впечатление, чтобы они разрешили мужчине трахать себя. Еще приезжают много иногородних посетителей из глубинки, которые хотят подцепить себе самку для спаривания на время горячки. Обычно бывает много драк. Поэтому мы и закрываем бар на время сезона спаривания. Вместо того чтобы драться внутри, пусть выбивают из себя дурь в лесу.

— А люди не замечают ничего странного? И даже не подозревают о вашем существовании?

— Это происходит ежегодно. Они просто списывают все на оживленный туристический сезон. И не возражают против потока денег, которые этот сезон приносит. Мы чертовски много едим и заполняем мотель вниз по улице. Так что все довольны. И не задают лишних вопросов.

— Хм, просто шумный туристический сезон.

— Ну да, — усмехнулся он. — Но мы все, же держимся подальше от людей, по большей части. Мне придется работать несколько ночей во время жары, но я не буду пропадать надолго.

— У тебя есть еще работа, помимо управления баром?

— Я Харрис и это наша стая и территория. Мы патрулируем ночью, для поддержания порядка, чтобы убедиться, что наши мужчины не нападают на местных человеческих женщин. Это все же происходит, несмотря на наши законы. Которые запрещают нападать на человека по любой причине. Мы никогда не подвергнем стаю риску, не позволяя людям обнаружить нас. Мои братья и я с несколькими силовиками из стаи по очереди следим за порядком. И конечно мы имеем обширные земельные владения, это закрытая частная собственность, куда имеют доступ только члены стаи. Доступ для людей на наши земли закрыт, чтобы не наткнулись случайно на то, что им знать не положено.

— О чем ты говоришь?

Он заколебался.

— Я не думаю, что тебе надо это знать, я не собираюсь бегать в этот сезон, так что тебе не о чем беспокоиться.

— Но мне действительно любопытно узнать.

Он взял вилку, переключив свое внимание на еду, подцепил кусочек бекона и откусил. Шеннон ждала ответа, и не притрагивалась к еде. Она заворожено смотрела, как он прожевал и проглотил пищу.

— Это нехорошо, да?

Он, наконец, посмотрел на нее.

— Это касается только оборотней. Ночью мы идем в наши леса обращаемся и бегаем.

— Разве это плохо? — удивилась девушка.

— Чтобы трахаться.

— О-о. — Щеки Шеннон очаровательно покраснели. — Поняла. Вроде как преследуете женщину.

— Вроде того. Да. Погони, драки и прочие будни обратной в горячке.

— И почему у меня такое ощущение, что ты мне чего-то не договариваешь? Ладно, Антон, начал, так рассказывай до конца, я уже взрослая девочка.

— Мы очень страстные, сексуальные создания и ограничения людей, для нас не имеют особого значения, понимаешь? — Он, наконец, встретился с ней взглядом. — В общем, оборотни устраивают там оргии, — смущенно добавил он.

Избегая его взгляда, она взяла вилку и сделав вид что сосредоточилась на еде, как бы невзначай спросила.

— А ты когда-нибудь присутствовал на них?

Антон, наконец, нарушил неловкое молчание.

— Я принимал участие в нескольких, прежде чем начал искать себе пару и началось это дерьмо с моим отцом и графиком, который он составил для меня, чтобы я встречался с женщинами из других стай.

— Понимаю. — Хотя, в самом деле, это было не так. Мысль заставила сердце сжаться от тоски, что он участвовал в подобных оргиях. Для ее мышления это звучало немного примитивно.

— Это хороший способ для мужчин и женщин найти себе пару, испытать друг друга, чтобы увидеть, возможна ли между ними связь. У людей для этого есть весенние каникулы. Только не говори мне, что во время отдыха люди не развлекаются и не занимаются сексом.

— Ну, ты прав.

— Устраивала себе весенние каникулы?

— Нет.

Они ели, молча до тех пор, пока Антон не встал.

— Я должен пойти на собрание стаи, потом у меня есть несколько дел, которые не терпят отлагательств, я постараюсь освободиться побыстрее. Йон принесет тебе обед через несколько часов, если я не вернусь к тому времени. Я дам ему код от входной двери. Ему можно доверять, но ты не должна с ним разговаривать. Ты поняла меня Шеннон?

Она изумленно уставилась на него.

— Я не имел в виду, то, как это прозвучало. Он входит в брачный сезон, и у него никого нет.

Конечно, он знает, что ты моя, но гормоны делают любого мужчину глупым. Я просто не хочу, чтобы ты нежничала с ним и позволила думать, что будешь рада какому-то прогрессу. Мы не люди. Помни об этом.

— Обещаю просто смотреть на него. — Она улыбнулась. — Как тебе это?

Антон удивил ее, наклонился и легко поцеловал в лоб.

— Идеально. Здесь ты в безопасности. Чувствуй себя как дома. У меня есть кабельное и любой канал. Просто не уходи.

— Не буду.

Он попятился назад, внимательно изучая ее, а потом, казалось, поверил, что она не шутит. Антон повернулся и направился к шкафу. Она наблюдала как он надел майку и носки.

Он сел на край своей кровати и всунул ноги в ботинки. Антон улыбнулся прежде, чем вышел за дверь. Когда он ушел, плечи Шеннон опустились.

Она закрыла глаза, пытаясь определить, чувствует ли себя иначе, поскольку ее отметили. Что определенно затронуло Антона, но она не чувствовала никаких изменений.

Антон зарычал на Карла, понимая, что удерживает щенка над полом, а все в комнате смотрят на него в оглушающей тишине.

— Я сказал тебе, оставить ее в покое.

Щенок побледнел.

— Она просто...

— Под моей защитой, — зарычал Антон, тряхнул щенка и бросил его об стену. — Вижу, здесь нет твоих друзей. Слишком испугались, чтобы посмотреть мне в лицо?

Щенок отчаянно кивнул, его глаза расширились от ужаса.

— Они должны прийти. Я желаю видеть тебя и их, и тех чужаков, которые были с вами тогда в лесу. Если вы заставите меня отслеживать вас, я действительно разозлюсь. И поверьте, мне вы этого не захотите. Сейчас я бы просто покричал и насовал бы вам кучу приказов с угрозами. Заставьте меня отслеживать вас, и прольется кровь. Я ясно выразился? — прорычал Антон в ярости.

— Да, — заскулил щенок.

Антон опустил его.

— Беги. Найди их и приведи сюда.

Элрой Харрис подошел поближе к сыну, угроза блеснула в его темном взгляде, когда Антон посмотрел на него, но любопытство взяло верх, и альфа слегка смягчился.

— О чем это ты, сынок?

— Мы можем поговорить наедине?

Элрой нахмурился.

— Нет, ты угрожал кровавой расплатой щенку в комнате, битком набитой членами стаи. Если он сделал что-то нехорошее, то мы все должны услышать об этом.

— Блять, — прошипел Антон, — Это мое личное дело и всем не обязательно знать.

— Уже нет. Ты сделал это общим делом, угрожая ему при всех.

— Прекрасно. Щенки похитили девушку и привезли ее в лес, а потом начали на нее охоту, — Антон скрестил руки на груди и обвел взглядом комнату. — Я наткнулся на них после того как ее загнали на дерево.

Вздохи и удивление отразились на лицах присутствующих. Элрой смачно выругался.

— Она в порядке?

— Она в порядке. Девушка хороший альпинист и я очутился там вовремя. Я предупредил их, чтобы держаться от нее подальше. А потом обнаружил, что Карл и несколько щенков ослушались меня, вместе с чужаками наведавшись к ней домой. И полностью уничтожили ее квартиру.

— Квартиру? Обычно мы не живем среди людей, скрывая свою частную жизнь. Почему женщина жила одна? Из какой она стаи? Мы должны связаться с ее альфой, заключить мир. Когда это случилось? Почему не ты сказал мне? — Гневный рык Элроя эхом разлетелся по гостиной.

Антон колебался, не хотелось говорить отцу всего, не зная, как он отреагирует.

— Она не оборотень, — он сомневался, что этого объяснения будет достаточно. Его отец всегда

тщательно изучал каждую деталь, в особенности, когда замешан член стаи. — Так что у нее нет альфы, чтобы связаться с ним.

— Черт! — Элрой развернулся и заметался по комнате. — Наши щенки теперь что нападают на людей? — Его гнев волной прокатился по комнате, накрывая всех, кто там находился. — Кто из нас не научил свой молодежь не делать этого? — Он выстрелил особенно холодным взглядом в сторону дяди, трясущегося от ужаса Карла. — Нужно ли мне поговорить по этому поводу с твоим братом, Эд?

Парень побледнел.

— Мы учили наш молодежь следовать правилам. Я не знаю, почему Карл нарушил их, но это больше не повторится, — парень выскочил из кресла, — Я поговорю с ним после собрания.

Элрой беспокойно шагал по комнате.

— Как она себя чувствует? Что она знает? Что она видела? Она собирается обратиться в полицию? Или же ее придется убить, для обеспечения нашей безопасности?

Дерьмо! Антон сделал глубокий вздох.

— Она человек лишь на четверть.

— Что это значит? Она частично оборотень? Где ее семьи?

— Ее отец оборотень, а мать человек. Отец умер, когда Шеннон была ребенком, а воспитывала её мать, как человека. Она не может обращаться. Но от нее исходит еле уловимый аромат оборотня. Вот почему щенки напали на нее, похитили и охотились на неё.

— Я собираюсь надрать им задницы. Мы не принуждаем женщин заниматься сексом даже во время брачной горячки. Это правило стаи.

Антон знал, что не мог больше оттягивать неизбежного и умалчивать правду. И еще, было удивительно, что его отец еще не разговаривал с альфой Морделлом. И до него еще не дошли слухи о том, как он отверг его дочь из-за Шеннон.

— Они хотели не трахнуть ее. Они собирались ее убить, — Шокированный взгляд отца заставил его говорить дальше. — Она частично пума и... под моей защитой, — добавил он быстро.

Ну вот. Я сказал это, подумал Антон. И стал ждать, когда его отец взорвется в гневных речах.

Элрою потребовалось всего несколько секунд, чтобы оправиться от шока.

— Что? — Закричал он.

— Она в большей части человек, папа. Беспомощный. Она не может обращаться. Она одна, и ее некому защищать. Кажется, кошки убивают полукровок, так что ее отец был вынужден бежать из своей стаи. Она не искала встречи с волками. Наши щенки подошли к ней на парковке продуктового магазина, похитили, и хотели убить. Она совсем крошечная, сладкая как ад, и, черт возьми, ничего не сделала, чтобы заслужить все это дерьмо.

Элрой замедлил темп, ярость выпустила на волю его сущность, когти появились на кончиках пальцев. Он остановился и мрачно кивнул Антону.

— Я понимаю. Так щенки пошли против твоего приказа оставить ее в покое? Они навредили ей, когда они появились в ее квартире?

— Она в порядке. Ее не было дома, когда они заявили в гости.

— Ты сказал, что с ними были чужаки?

— По-крайней мере двое чужих были в ее квартире с нашими щенками. Кажется, что они зависают с

несколькими из них.

— Это недопустимо! — Элрой яростно посмотрел на собравшихся членов стаи, — Разбойники которые сеют беззаконие. Какого черта нашим щенкам гулять с ними? В чем причина этой беды? Они бросили прямой вызов своему будущему альфе, нарушив его прямой приказ, — Он оглянулся на Антона, — Дай мне ее адрес и я отправлю пару старших волков к ней домой, присмотреть за ней, пока мы не разберемся с этой ситуацией. И надо выяснить угрожает ли ей опасность от чужаков. Возможно, они рассказали другим. Я предполагаю, что она скрывается в окрестностях нашей территории, и так как я знаю о ее присутствии, она неприкосновенна, в противном случае тот, кто ее тронет, будет иметь дело лично со мной. Я ясно выразился? — сила альфы окатила горячей волной волков, и они склонили головы.

— Да, альфа.

— Спасибо за заботу, отец, — Антон замялся, раздумывая сколько еще правды выдержит его папа. — Она в безопасности.

— Кто ее охраняет? Он должен быть достаточно стар, чтобы его не затронул брачный сезон. Черт. Застонал Антон про себя.

— Я этого не сделаю. Она останется со мной.

Темно-коричневые глаза Элроя расширились, и слышно было, как стукнулась об пол отвалившаяся челюсть удивленного альфы.

— Что?!

Антон расправил плечи.

— Ты меня слышал. Она останется со мной. Она под моей защитой, в моем доме. — Если уж бросаться в прорубь, то по самую макушку, мрачно подумал Антон, понимая, что рискует привести своего отца в ярость, и он хотел чтобы все знали что она принадлежит ему. — Я отметил ее. Она будет жить у меня весь брачный сезон.

Элрой кинулся к сыну. Антон напрягся, но отец не собирался атаковать его. Вместо этого он схватил своего сына за грудки и сунул нос к его горлу, глубоко вздохнул, а затем, прорывав, отскочил назад, освободив его.

Чистая ярость накрыла его отца с головой, его волк вырывался наружу. Клыки вытянулись, глаза сузились достаточно, чтобы показался волк.

Его коричневые зрачки стали совершенно черными.

— Я чувствую на тебе ее запах. Даже этот проклятый одеколон не может замаскировать его. Ты действительно отметил пуму? Что, черт возьми, с тобой такое? Это просто..., — он, очевидно, не мог подобрать слов.

— Больной, — зашипели остальные члены стаи.

— Сумасшедший, — добавил другой.

— Она должна быть очень горячей киской, — фыркнул кто-то.

Прозвучали несколько смешков. Элрой зарычал и предупреждающим сердитым взглядом зыркнул по комнате, прежде чем посмотреть на Антона.

— Зачем ты это сделал? Объясни мне, как ты мог так поступить?

Гнев забурлил внутри Антона. И он угрожающе шагнул к мужчине, который оскорбил Шеннон замечанием про киску.

Он сверкнул острыми клыками, позволив когтям выскользнуть. Его лицо изменилось настолько, что страх появился на лице того несчастного.

— Антон! — зарычал Элрой предупреждающе.

Он остановился в нескольких шагах от мужчины и тихо зарычал на своего отца.

— Вы не должны одобрять или не одобрять мои поступки. Мне не нужно ваше разрешение, чтобы найти себе женщину для брачной горячки. И не надо составлять для меня расписание, по которому мне встречаться с женщинами из других стай. У меня уже есть женщина. Если кто-то придет за Шеннон, будет угрожать ей или оскорблять, тот ответит передо мной, — Он послал всем убийственный взгляд, — И тогда поверьте мне, тот полоумный хлопот не оберется. Она под моей защитой, и я убью любого, кто будет представлять для нее опасность, — он встретился взглядом с ошеломленным отцом, — Любого.

Элрой напрягся.

— Я твой альфа и твой отец. И ты мне угрожаешь?

— Она под моей защитой, — Антон не стал пытаться скрыть гнев в своем голосе. — Она моя. И я хочу, чтобы все это знали. Любой, кто попытается причинить ей вред, будет иметь дело со мной, — он выдержал паузу, встречаясь взглядом с каждым оборотнем в комнате. — Я убью за нее.

— Похоже, Элрой, ты был небрежен в воспитании сына. И не сказал ему, что трахать врага нехорошо, — ехидно пробормотал один из членов стаи.

Элрой отреагировал на замечание мгновенно, никто даже не успел среагировать. Через секунду он вцепился в говорившего, повалил его на пол, и полоснул болтуна когтями, тот взвыл от пронзившей его боли, даже не пытаясь сопротивляться. Элрой склонил голову и зарычал в нескольких дюймах от испуганного лица, сжавшегося от страха перевертыша.

— Что ты сказал?

— Ничего, — раненный оборотень скулил на полу. — Мне очень жаль, Альфа Элрой. Это был просто шок. — Мужчина повернул голову, и оголил горло, единственный знак подчинения который он мог предложить, лежа на спине. — Мои искренние извинения.

Элрой отпустил его и встал на ноги, вытирая кровь с когтей об джинсы. Он держался в стороне от Антона.

— Ладно. Мы обсудим это позже. И я уверен, что твоей матери тоже будет, что сказать по этому поводу. И я тебе не завидую, сын.

Антон вздрогнул. Его мать была страшной в гневе. И она вила с отца веревки, с ней рядом он казался милым покладистым щенком.

Он сбежал из родительского дома, подальше от еще больших неприятностей, а как только его мать узнает все, неприятностей будет много, мрачно подумал Антон, и отправился на встречу щенков в лесу. Если они не придут, он выследит их и разорвет в клочья

Желание порвать мерзавцев бурлило в его венах. Горячка нарастала внутри него, делая таким агрессивным, что он даже угрожал отцу. Хвала небесам, отец кажется все понял.

Образ Шеннон промелькнул в его голове, когда он сел на свой мотоцикл. Она проникла к нему под кожу, в его кровь, стала его навязчивой идеей.

И он не был уверен, что все дело в его метке. Было в ней что-то, ощущение, что она часть его.

Готов ли я действительно убить, если бы дело дошло до ее защиты? Вопрос сформировался в его

мыслях и, так же как и ответ. С большим удовольствием. Он застонал, отъезжая от обочины.

Кажется, я влюбляюсь, черт побери.

Глава 10

Блондинистый оборотень, Йон, избегал взгляда Шеннон, когда вошел с подносом в квартиру Антона, принеся девушке обед,

— Куда мне его поставить?

Шеннон подошла к нему поближе.

— Я возьму его.

Он отшатнулся, стараясь избегать ее.

— Нет! Отойди, — в панике вскричал блондин.

Она замерла, а потом отступила.

— Ты в порядке?

— Не буду, если мой запах попадет на тебя, — он взглянул на девушку, — Антон угрожал кожу с меня живьем содрать, если я, хотя бы подойду к тебе, и он это сделает. Я никогда не видел его таким, если речь заходила о женщине, но он никогда и никого не метил раньше. Просто скажи мне, куда это поставить и я уйду.

Она указала на барную стойку, которая отделяла гостиную от кухни. Парень быстро поставил поднос и убежал. Дверь за ним захлопнулась.

Удивление застыло на лице Шеннон. По крайней мере, она больше не боялась. И это прогресс, она немного беспокоилась о том, как останется наедине с другим оборотнем.

Запах еды привлек ее ближе. В баре внизу был превосходный повар. Она села и начала есть гамбургер и картошку фри, которые ей прислали.

Шеннон понюхала темный напиток, узнала в нем малиновый чай со льдом и сделала глоток. Она почти закончила обед, когда что-то ударилось о дверь.

Ее позвоночник напрягся, внимание зафиксировалось на этом, и сердце заколотилось.

Дверь внезапно распахнулась, и Антон ввалился внутрь. Вид его порванной рубашки, кровь на щеке, а больше на руках, встревожили и ужаснули Шеннон.

Она вскочила на ноги так быстро, что табурет рухнул на пол. Когда ее ошеломленный взгляд пропутешествовал вниз по его телу, она заметила еще больше крови.

Темно-красные пятна покрывали его джинсы, на бедрах, ногах и внизу на одной лодыжке. Волосы были в беспорядке. Он встретил ее взгляд глазами волка.

— Все нормально. Не беспокойся. Мне нужно принять душ.

— Что произошло?

— Встретил двоих из тех придурков, которые взломали твою квартиру. — Он пожал широкими плечами. — Они не захотели меня слушать, и теперь больше не угроза.

Шеннон уставилась на окровавленного мужчину.

— Ты... — У нее буквально пропал дар речи.

— Бились насмерть? Да, — ответил он тихо. — Я же сказал, что убью любого, кто посмеет угрожать тебе. Мне надо в душ, — Он похромал в сторону ванной.

— Тебе больно?

— Не переживай, на мне все быстро заживет, завтра буду в порядке.

Он отвел взгляд в сторону, прошел в ванную, плотно закрыл за собой дверь, и меньше чем через минуту был в душе.

Антон убил кто-то ради нее. При этой мысли обед, что она съела, едва не вышел обратно. Тот факт, что ублюдков было несколько, только ухудшал ее самочувствие.

Возможно, он должен был убить более одного оборотня. Она отправилась проверить все ли с ним в порядке, Антон, через закрытую дверь ванной комнаты заверил ее, что смерть от потери крови ему не угрожает, и что вообще он чувствует себя отлично.

Девушка осталась стоять за закрытыми дверями, чувствуя себя беспомощной.

Парадная дверь вдруг распахнулась вновь, но на сей раз это была женщина, и она ворвалась подобно фурии. Остановилась посреди гостиной, когда заметила Шеннон, ее щека нервно подергивалась и явно от ярости.

Они посмотрели друг на друга. Женщине, казалось, было около тридцати лет, длинные темные волосы каскадом спускались до талии и карие глаза сверкали от ярости. Ее губы приоткрылись, в свете сверкнули клыки, и гневное рычание вырвалось из ее рта.

— Ты!

Страх охватил Шеннон.

— Кто ты?

— Я Ева. — Лицо женщины поменялось достаточно, чтобы Шеннон поняла — перед ней оборотень, и в чертах ее лица было слишком много сходства с тем, кто сейчас находился по другую сторону двери душевой. — И я собираюсь убить тебя. — Женщина бросилась на сжавшуюся от страха Шеннон.

Инстинкты опять взяли верх, и паника охватила Шеннон. В голове пронеслась мысль, что Антон не включил систему безопасности, иначе как эта фурия сюда ворвалась.

Шеннон ударила дверь ванной с достаточной силой, чтобы сломать хлипкую дверную ручку, удерживающую ее в стене и, не задумываясь, схватилась за дверь душевой, стремительно открыла ее и запрыгнула.

Антон развернулся к ней и едва поймал, очевидно, шокированный.

Злобное рычание, вырвавшееся из Евы, снова заставило его повернуться, чтобы удержать тело Шеннон у стены и выставить одну руку для удара в грудь наступающей женщине. Он толкнул ее и отбросил к дверному проему ванной комнаты.

Шеннон плотнее обернулась вокруг Антона, ее тело промокло как от воды, льющейся на них, так и от его гладкого, мокрого тела.

Она зарылась носом в его шею и дрожала от страха. Она не могла думать ни о чем, кроме своей потребности цепляться за него, ее инстинкты взяли верх над рациональным мышлением.

Одной сильной рукой мужчина плотнее обнял ее за талию.

— Какого черта здесь происходит? — заорал Антон. — Черт, я только что ударил свою мать. — Он неуклюже наклонился, выключил воду и вышел из кабинки для душа, свирепо смотря на женщину, распростертую на полу. — Мам? Что ты здесь делаешь?

Шеннон повернула лицо как раз, чтобы понаблюдать, как высокая женщина неуклюже поднимается с пола. Пошатываясь, она встала и взглянула на своего сына.

— Я пришла убить ее.

Антон отреагировал мгновенно. Он зарычал, его клыки удлинились, а руки метнулись к Шеннон, и успокаивающе прижали к себе.

Девушка посмотрела вниз на острые когти на пальцах Антона. Он попытался осторожно отцепить от себя Шеннон, но она обернулась вокруг него еще сильнее, в поисках безопасности прилипла к нему как вторая кожа.

— Чёрт. Ты напугала ее до чертиков. — Из его горла вырвалось гневное рычание. — Ты не имела никакого права врываться в мой дом, и нападать на того, кто находится под моей защитой. — Его другая рука поднялась, и он успокаивающе погладил Шеннон ладонью по спине, пытаясь прогнать страх. — И то, что ты моя мать тебя не оправдывает.

Его мать хотела ее смерти. Переваривала Шеннон, ее сознание потихоньку начало освобождаться от паники. Ее пульс замедлился, и она ослабила хватку, но еще не готова была отпустить Антона полностью.

Шеннон ненавидела то, как теряла контроль в обществе оборотней. Это ее смущало. Она вцепилась в мокрого, голого парня на глазах у его матери, как будто она испуганный ребенок, а Антон — большой плюшевый мишка.

Сексуальный и мокрый. И все равно я смотрюсь жалко рядом с ним, — печальная мысль пронеслась в голове перепуганной хоть и наполовину, но пумы.

— Ты что, и вправду решил провести брачный сезон с ней? — Ева в отвращении скривила губы. — Посмотри, как она слаба.

— На самом деле, она очень сильная. И зажала меня бедрами как клещами, поверь мне на слово, — Его гнев ослаб. — Она в большей степени человек, но, когда напугана инстинкты пумы, берут верх над разумом. Ты сильно напугала ее. И это не смешно, мама.

— Ты унизил меня перед всей нашей стаей, и еще смеешь порицать меня? — Глаза Евы потемнели до черного. — Они только и говорят о моем сыне и его кошке.

Антон повернулся, схватил полотенце, а потом вздохнул.

— Все хорошо, котенок. Не хочешь отпустить меня? Встань позади меня, а то я чувствую себя странно, разговаривая с моей мамой обнаженным. Так что я должен одеться. Мы не можем продолжать нашу дискуссию пока я голый.

Шеннон кивнула и сделала глубокий вдох. Она заставляла свое тело подчиниться, и переборов страх ослабила хватку.

Она скользнула по его скользкому телу на ноги, и спряталась за его спиной. Антон сразу же взял полотенце и обернул его вокруг своей талии.

Шеннон прижалась к его спине, как только он прикрыл себя полотенцем, и взглянула из-за его плеча на высокую женщину оборотня.

Ева зарычала на нее низким голосом. Антон зарычал громче.

— Хватит, мама. Я только что успокоил ее. Посмотри на меня.

Ева отвела взгляд от Шеннон, чтобы гневно посмотреть на сына.

— Я этого не потерплю. Или ты сам избавишься от нее или это сделаю я.

— Ты не можешь приказывать мне в моем собственном доме.

— Я альфа-сука и твоя мать.

— Я люблю и уважаю и тебя и отца, но уйду с ней, если вы вынудите ее покинуть нашу территорию.

— Это неприемлемо. Ты мой сын. Я воспитала тебя не для этого. — Ева приблизилась. — Ты убьешь ее или это сделаю я. Но мы положим конец этим слухам немедленно. Мы скажем, что ты просто использовал ее, чтобы выследить и уничтожить чужаков. Я постараюсь утрясти весь этот кошмар, чтобы сохранить репутацию.

Антон скрестил руки на груди, наблюдая за матерью прищуренными глазами.

— Нет. Никто не причинит Шеннон вреда и мне наплевать, что думает стая. Я понимаю, тебя такое решение не устраивает, но это не моя проблема. А теперь уходи.

Ева побледнела.

— Я тебе приказываю. Убей кошку или это сделаю я.

— Нет, — он протянул руки за спину и подтолкнул Шеннон чуть дальше за себя. — Не заставляй меня выставить тебя отсюда мама. Как бы это выглядело в глазах стаи? Тебе здесь не рады, пока Шеннон со мной. Если ты когда-нибудь снова будешь угрожать ей, ты не обрадуешься ответной реакции с моей стороны.

— Антон, — прорычала женщина. — Я не позволю, чтобы это безобразие продолжалось. Ты не можешь так поступить со мной.

— Я тебе ничего не сделал. — Он подошел ближе, его тело стало напряженным, а голос глубоким. — Ты вторглась в мой дом, и угрожаешь женщине, которую я отметил.

Ева в ужасе отшатнулась, ее темные глаза расширились.

— Что?

— Она помечена мной. Она моя. — Он сделал шаг вперед. — Я был в ней, мои зубы были в ней, я поделился с ней своим ароматом, кроватью и домом. Я буду о ней заботиться, даже если твои суки подружки будут хихикать над этим. Я не позволю ее трахать другим, убью любого, кто посмеет тронуть ее хоть пальцем. — Он все время шел вперед, заставляя свою мать отступать в гостиную. — Шеннон значит для меня гораздо больше, стаи и их гребаного мнения. А теперь оставьте нас в покое! — Последние слова Антон уже просто проорал во все горло.

Ева сбежала, у дверей она оглянулась и послала Шеннон убийственный взгляд "еще-ничего-не-кончено-ты-труп". Девушка вздрогнула, стоя у дверей ванной и наблюдая за происходящим.

Мать Антона выбежала вон и хлопнула дверью. Он смотрел на дверь, пока Шеннон не подошла к нему сзади и не положила ладонь на середину его спины.

— Прости меня.

Антон развернулся и уставился на нее.

— За что?

— Ты поругался со своей матерью из-за меня.

Он глубоко вздохнул, его гнев начал остывать.

— Она сама пришла сюда, напрашиваясь на неприятности. Это то, что она умеет делать лучше всего. Ты не виновата. Я должен был запереть дверь.

— И все-таки мне жаль.

Его голос смягчился.

— Не надо. Я не злюсь на тебя. Это был вопрос времени, когда-нибудь мы всё равно столкнулись бы с ней лбами.

— Что я могу сделать?

Черные брови иронически выгнулись.

— Как насчет, пошалить голыми? Думаю это улучшило бы тебе настроение, — его глаза засверкали страстью.

— Тебе больно. — Шеннон видела следы на его груди, один на спине, другой на бедре, когда он стоял обнажённый перед ней. — И ты по-прежнему хромаешь. У тебя есть аптечка первой помощи?

— Секс это сейчас лучшее лекарство для меня. У меня мигом все заживет.

— Но...

— Это начинается. — Рыкнул он, слегка смягчив тон. — Стресс и драка, нападки моей матери, это все ускорило процесс. Возбудило меня. И брачный сезон, похоже начался сегодня. Ты мне нужна котенок.

Она заметила, что его полотенце оттопырилось в самом интересном месте. Шеннон смотрела на жесткую длину его члена, прижимающегося к влажной тонкой материи.

— Охх...

— Мое состояние может выйти из-под контроля, если я не возьму тебя сейчас. — Он пригладил пальцами свои влажные непокорные пряди, и, волнуясь, слегка прикусил нижнюю губу. — Я очень боюсь, что сделаю тебе больно. Не хочу, чтобы ты страдала, — красивые черты лица Антона напряглись.

Руки Шеннон потянулись к рубашке.

— Я не буду.

— Ты понимаешь, как сильно я буду нуждаться в тебе? Я всегда был с оборотнями в этот период.

Они страдают от того же. Я не хочу тебя пугать, но секс, это все о чем я буду думать и хотеть, когда сезон вцепится в меня.

Она сорвала рубашку через голову.

— Ладно.

Его взгляд опустился к ее обнаженной груди, и он сорвал с себя полотенце.

— Нам понадобится много презервативов.

— Я знаю. Ты объяснил. И получишь все что хочешь, но сначала может, снимешь с меня остальную одежду, — девушка выразительно приподняла бровь, соблазнительно, усмехнувшись.

Он бросился к ящику комода. У Шеннон перехватило дыхание, когда он схватил две коробки сразу.

Она ничего не сказала, и направилась к выдвижной, все еще разобранной кровати, забралась на середину матраса, и растянулась на спине.

Глаза Антона светились чистым, неприкрытым, сексуальным голодом, тело скрутила судорога желания, он с восхищением ласкал взглядом каждый дюйм ее тела. Его член увеличился до внушительных размеров.

Она улыбнулась и поманила его пальчиком, согнула ноги и раздвинула их как можно шире.

Дважды приглашать его не пришлось. Антон бросил коробку на кровать, рядом с ней, и накрыл девушку своим телом.

Он удобно растянулся на животе между ее раздвинутыми ногами и зарылся лицом в ее влажном лоне.

Шок от его рта накрывшего ее щечку длился всего секунду. Антон отчаянно уткнулся в нее носом, с наслаждением вдыхая аромат, его язык мгновенно нашел клитор, а руки толкнули бедра еще шире,

освобождая для него больше места.

Шеннон откинула голову назад, удовольствие от сильных, быстрых щелчков его прикосновений к ее чувствительному бугорочку электрическими разрядами разливалось по всему ее телу. Антон довольно заурчал.

Вибрации его голоса разгорячили ее еще больше, и она знала, что долго не продержится. Ее живот задрожал, соски затвердели, волны блаженства прокатились по телу, когда Антон, осмелев, плотнее прижал свои горячие губы к влажным складочкам.

Его мягкое урчание превратилось в грозный рык, как будто он был на грани потери контроля над собой. И она понимала его, так как ее собственная потребность в нем возросла в разы.

Шеннон нащупала рукой коробку с презервативами, рванула ее, и разорвала зубами один из серебряных пакетиков.

— Хочу тебя в себе, сейчас! — ее голос больше напоминал нетерпеливое рычание кошки. Антон прекратил мучить ее своими ласками и посмотрел на нее уже почерневшими глазами.

Один взгляд на его лицо должно было привести Шеннон в ужас. Губы Антона скривились в волчьем оскале, с клыков капала слюна и ее соки, а глаза потемнели. Но девушка не испугалась, все ее эмоции можно было выразить в нескольких словах — страсть, похоть, желание обладать им почти свело ее с ума. Она бросила ему презерватив.

— Надень его!

Он показал ей свои руки, где вместо ногтей выросли острые когти.

— Боюсь, что тебе придется самой упаковать меня детка, — его глубокий нетерпеливый рык заставил ее поторопиться. Она никогда не надевала раньше презервативы на мужчину. Насколько трудно это может быть?

Шеннон обхватила его одной рукой у основания члена, зафиксировала, натянула резинку на толстую головку и нежными движениями раскатала вниз по всей длине.

Антон зарычал на нее. Она надеялась, что все сделала правильно. Девушка отпустила его, и возбужденный до предела оборотень опрокинул ее тело обратно на кровать. Шеннон потянулась к нему, раскрывая свои объятия.

— Я хочу тебя. — И она знала, что тоже его хотела, ее лоно истекало соками. Влага стекала по бедрам. Шеннон до боли во всем теле желала, чтобы он вошел, в нее своим невероятно твердым горячим членом.

Антон осторожно лег на нее, устраиваясь между бедер, стараясь не поранить когтями, его член шлепнул ее по попке. Она обернула свои ноги вокруг его талии, придвигаясь к нему бедрами и лоном еще ближе, и ощутила, его плоть своим лоном.

Он скользнул вдоль ее мокрой щелочки, и страсть искривила черты его лица.

Антон немного приподнял бедра, она протянула между ними руку, обхватила ладошкой его твердость и направила головку в истосковавшуюся по ласке скользкую от смазки дырочку. Ощувив членом ее стенок, Антон двинул бедрами и вошел в нее по самые яйца.

Шеннон вскрикнула и обхватила его за бедра. Прижимая к себе еще ближе. Девушка смаковала чудесные ощущения, разлившиеся по ее телу, когда он натянул ее на всю свою длину, заполняя до краев.

— Да.

Он обхватил ее руками, приподнял повыше, прижал к своей груди, а затем начал двигаться глубокими, сильными толчками.

Шеннон выкрикивала его имя снова и снова, ее бедра вторили его безумным движениям, она плотнее обвила ноги вокруг его талии и встречала толчки, поддерживая установленный им темп.

Пот бисером рассыпался по их телам, помогая им двигаться в унисон, они касались и скользили друг по другу там, где их кожа соприкасалась, добавляя остроты ощущениям.

Экстаз постепенно нарастал внутри Шеннон. Ее тугие ножны сжались вокруг его плоти... И он, твою мать, снова кончил, когда услышал, как она выкрикивает в экстазе его имя.

Антон запрокинул голову и громко застонал, чувствуя, что отправился в нирвану следом за ней. Она ощущала, как его член пульсировал внутри ее тела, его бедра замедлились, и он кончиком головки зацепил точку где-то глубоко в ней, от чего вторая волна оргазма прокатилась по Шеннон.

Антон кричал и стонал от интенсивного освобождения. Когда сильнейшие спазмы слегка утихли, мужчина в изнеможении рухнул на девушку. Они оба тяжело дышали.

Он навалился на нее, прижав внушительным весом, но девушка не жаловалась. Она улыбалась.

Секс с Антоном казалось, становился все лучше и лучше.

Она не протестовала, пока не почувствовала недостаток кислорода. Выпустила его бедра, и ткнула его в грудь кулачком. Он немного приподнялся.

— Я сделал тебе больно?

— Нет, — Шеннон встретила с его обеспокоенным взглядом, улыбаясь. — Это было восхитительно.

Беспокойство исчезло из его глаз.

— Хорошо, потому, что это только начало. — Он пошевелил бедрами и вышел из ее тела, потом снял и отбросил подальше использованный презерватив.

Шеннон ужасно не нравилось, когда он покидал её тело. Она чувствовала связь с ним, будто они были одним целым.

— Передай мне презерватив и перевернись.

— Снова? Сейчас? — она не прятала своего удивления, передавая ему презерватив.

Антон встал на колени позади нее, упираясь членом в упругую попку, вынуждая ее еще сильнее раздвинуть бедра, разорвал обертку и теперь уже нормальными руками раскатал резинку по все еще напряженному пенису. И погладил Шеннон по попке ладонью. Она повернула голову и взглянула на его вновь твердый член.

— Это все сезон спаривания. Привыкай к этому виду, потому что в таком состоянии я буду весь брачный период. — Он встретился с ней взглядом. — Мне надо около минуты чтобы восстановить силы, малышка.

— Хорошо. Надеюсь, что смогу ходить, когда все это закончится,

— усмехнулась девушка.

Он тоже усмехнулся.

— Если не сможешь, я буду тебя носить, у меня достаточно силы для нас обоих.

Она засмеялась, и снова улеглась на кровать, перевернулась, встала на колени, нагнулась вперед, выпятив попку вверх, и разведя ножки в стороны, открывая ему на обозрение всю себя.

Шеннон посмотрела через плечо, он снова начал ласкать ее попку, ее нежные влажные складочки,

открывая ее еще больше, и прижался к ее влажности членом.

— Это ты так хочешь меня?

— Ты не имеешь ни малейшего представления, насколько сильно детка.

Она подмигнула ему.

— Так чего же ты ждешь? Нужно особое приглашение?

Его рука изогнулась вокруг ее бедра, скользнула по животу, и нежные пальцы нащупали ее клитор, одаривая нежный бугорок лаской, от которой по ее телу пронеслись искры желания.

— Уверена, что у тебя ничего не болит? Я был груб.

— Нет. Я хочу тебя, Антон. Я никогда никого так не хотела. И тебе не нужно беспокоиться обо мне, ладно? Когда ты прикасаешься ко мне, и еще урчишь при этом. Это сводит меня с ума, заставляет плавиться от желания обладать тобой.

Он сжал член в руке, направляя головку к её входу, медленно проталкиваясь вперёд, лишь на несколько сантиметров и потом замер.

Шеннон подавила стон и, не сопротивляясь, закрыла глаза, просто наслаждаясь ощущением его члена внутри себя. Что бы он ни делал, она не хотела, его останавливать.

— Что ты делаешь?

— Ощущать тебя это райское наслаждение, оно доводит меня до безумия. Мои соски затвердели так, что причиняют сладкую боль. У меня внутри полыхает огонь, сжигающий заживо, в животе как будто порхают бабочки, это смешно я понимаю. Но ты сжигаешь меня на медленном огне.

Свободной рукой он погладил изгиб ее попки.

— Ты уверена, что не подвержена брачному сезону?

Она слегка повела плечами.

— Я не знаю.

Продолжая играть с её клитором, он осторожно сжал его, одновременно двинув бедрами и войдя в нее немного глубже, а затем вышел почти полностью, оставив в ней только головку члена. Шеннон блаженно прикрыла глаза, выпуская коготки, перебирая ими простынь, ее голова опустилась еще ниже.

Ее согнутые локти вдавились в кровать, и она просто дала ощущениям разлиться внутри. Из ее горла вырвался, странный, поразивший ее звук, умелые пальцы Антона вытеснили из ее головы все мысли, она чувствовала себя слишком хорошо, и не стала обращать внимание на издаваемые ей звуки.

Он начал двигаться быстрее, хлопая бедрами об её задницу, издавая неподражаемые звуки, что ещё больше заводило Шеннон.

Яростная страсть охватила Антона, страсть на грани боли. Его член и яйца никогда еще не испытывали такого, они горели огнем, и никогда еще он так отчаянно не нуждался в ее тугой щелочке.

Шеннон вибрировала вокруг его члена, запах ее возбуждения действовал на него сильнее, чем все, что он когда-либо испытывал с другими женщинами, и этот запах сводил его с ума. Он хотел трахать ее, пока мог двигаться и дышать.

— Ты мурлыкаешь для меня, котенок, — прохрипел он. — Это так возбуждает. Прошу не останавливайся.

Ее лоно, казалось, хотело выжать из него все что возможно, еще никогда его член не был так

возбужден, прилив крови буквально разрывал его на части.

Гладкие теплые стеночки сжались вокруг него, и как бы он не хотел быть внутри нее подольше, сил бороться больше не было, и он ускорил амплитуду движения, его яйца сжались, в преддверии приближения оргазма.

Его палец жестче надавил на ее клитор, полируя пальцем, желая, чтобы она достигла финала одновременно с ним. Антон знал, что не мог дольше сдерживать себя.

Шеннон выкрикивала его имя, ее мышцы обхватили его так крепко, что он кончил. Удовольствие почти разорвало его яйца, выплескивая сперму в презерватив. Антон яростно рычал, разрываясь на части от охватившего его освобождения.

Он склонился над девушкой, покусывая клыками и облизывая шею девушки, он сосредоточился на метке в изгибе ее плеча. У него потекли слюнки, а его волк выл внутри него, и прежде, чем он осознал это, клыки пронзили изгиб ее плеча, хлынула кровь, покрывая его язык и горло. И ещё один оргазм сотряс их обоих.

Тело Шеннон дернулось под ним, стеночки ее влагалища дрожали и сокращались в оргазме, дымка восторга затопила его сильнее.

Возбуждая до предела, его бедра яростно дернулись, и он не мог остановиться ни за что, продолжая трахать ее, впившись зубами еще глубже, заверяя его волка, что она не уйдет от него.

Приглушенный всхлип, наконец, проник в его разум и его охватил ужас от того, что он сделал.

Антон заставил челюсти разжаться, отпустил плечо девушки, и попытался отстраниться от нее.

Он чуть не упал с края кровати, спеша увеличить расстояние между ними. Когда увидел следы своих зубов и ярко-алую кровь в изгибе её шеи.

По телу Шеннон пробежала дрожь, но она не двигалась и не отвечала.

— Шеннон, — прохрипел он, все еще чувствуя ее кровь на своих губах, испытывая ужас от того что натворил, он потянулся к ней. Прикасаясь к спине, девушка рухнула на бок, тяжело дыша. Он замер. — Мне очень жаль. Я не хотел, тебя кусать.

Она не ответила.

Антон не мог видеть прикрытого волосами лица Шеннон, лежавшую, свернувшись калачиком на боку, пачкая кровью простынь, и он не знал, что черт подери ему делать. То, что секс перешел в насилие, потрясло его.

Он коснулся ее снова, но она не отреагировала. Он увидел, что ее грудная клетка поднималась и опускалась, и девушка перестала всхлипывать.

Антон подполз к ней, чтобы убрать волосы с ее лица, и увидел, что ее глаза закрыты.

— Шеннон? — обеспокоенно позвал он еще раз.

Она не ответила. Паника охватила его. А если ей больно или плохо?

— Шеннон. — Он в панике прокричал ее имя.

Она дернулась, открыла глаза, и сделала то, чего он совсем не ожидал. Она ему улыбнулась.

— Ничего себе. Это первый раз, когда я свалилась в обморок от оргазма.

Он уставился на нее изумленно, и хрипло прошептал.

— Ты плакала.

Она вытянула ноги, перевернулась на спину и потянулась к нему. Ее пальцы коснулись его щеки.

— Нет. Я не знаю, что за звуки я издавала, но абсолютно уверена, что никакой боли не было. Можем

ли мы повторить?

— Нет. Я укусил тебя.

Другой рукой Шеннон прикоснулась к ране на плече и поморщилась.

— Ой. — Она посмотрела на руку, увидела кровь, и побледнела. — Я просто думала, что ты меня снова пометил. Я не знала, что пошла кровь. Разве это плохо?

— Не знаю. Не двигайся.

Антон вскочил с кровати, бросился в ванную и вернулся с влажной тканью. Вернувшись, нашел ее сидящей на середине кровати с выражением любопытства на лице. Это ошеломило его, она совсем не боялась его после такого нападения.

— Укус беспокоит только когда, я к нему прикасаюсь. И еще он теплый. Не надо так расстраиваться. Я в порядке, — успокаивала его девушка.

Она пыталась утешить его, и это заставляло его чувствовать себя еще хуже, Антон обошел кровать и сел позади нее. Её рыжие волосы касались крови, которая стекала по спине от укуса.

Он действительно хорошо отметил ее. Парень осторожно убрал ее волосы в сторону, и прижал влажную ткань к нежной коже её шеи. Шеннон вздрогнула, и он почувствовал себя еще хуже.

— Мне очень жаль, — прохрипел Антон.

— Все в порядке, правда.

— Нет. Это не так. Я действительно хорошо тебя отметил.

— Зачем ты это сделал? — Она посмотрела на него чистым невинным взглядом.

Антон откашлялся.

— Я потерял контроль. — Он не мог встретиться с ней взглядом и упорно смотрел на ее укус.

— Наверно тебе понадобится намордник, когда мы будем, занимаемся сексом?

Он бросил удивленный взгляд на девушку, и когда она улыбнулась ему, и понял, что его маленькая кошечка просто шутит.

Но он был не в настроении шутить.

— Нет. Я пытался спариться с тобой, котенок. Мой волк пытался, так или иначе, и я не остановил его. — Он посмотрел вниз на свои колени, осмотрел презерватив, и выдохнул. — Он не порвался. Так что мы в порядке.

— Ох. — Ее взгляд скользнул, что то, рассматривая слева от него. Потом опять вернулся к его лицу. — Что ты имеешь в виду, говоря, что твой волк хотел спариться со мной?

— Мой волк хотел, связать тебя со мной навсегда. Мне очень жаль. Я не думал.

— Да ладно. Я просто думала, что ты меня снова пометил.

— Я это и сделал.

Он пытался скрыть свои эмоции. Теперь он был уверен, что привязал ее к себе еще крепче, и она пахла им сильнее, чем раньше.

А ведь Антон хотел отказаться от нее, после того что натворил. Он боялся причинить ей еще больше вреда. Но сейчас поздно соглашаться на любую другую самку, чтобы заменить Шеннон в сезон спаривания. Если она уйдет от него сейчас, его волк сойдет с ума, и будет искать ее до конца жизни, а найдя, мог причинить ей еще больше боли.

Он не хотел делиться с ней этими фактами, боясь, напугать свою кошечку, и теперь он действительно нуждался в ней, хотел, чтобы она осталась. И что еще хуже, его потребность в ней

будет длиться намного дольше, чем брачный сезон.

Он чувствовал, что ее кровь уже меняется, образуя с ним более глубокую связь, и ощущал удовлетворение его внутреннего зверя этим фактом.

— Никто не пострадал. — Она подарила ему храбрую улыбку. — Я в порядке.

— Мне очень жаль, — продолжал извиняться Антон.

— Мне действительно не больно, — заверила она его.

Он поднял влажную ткань от ее плеча и вздрогнул. Это был не просто какой-то укус любви, чтобы отметить ее. Нет, он травмировал ее так, что отпечатки его зубов на ее бледной коже останутся на ней навсегда.

Он, возможно, также начал влюбляться в Шеннон. Такие глубокие укусы подразумевают спаривание, только в этот момент оборотень может так травмировать женщину своим укусом. А это был верный признак влюбленности и желания сделать ее своей парой навсегда.

Успокойся, приказал он своему волку, прижимая к коже Шеннон влажное полотенце и в тоже время желая ее снова. Он пытался остановить кровотечение и сдержать своего волка, в результате прикусил свой язык до крови.

Антон склонился к её плечу и лизнул рану. Шеннон испуганно вздрогнула, и тут же расслабилась, открывая ему еще больший доступ к слегка саднящему укусу.

— Это быстрее залечит ранку, — пробормотал он между облизываниями.

— Ты меняешь меня, — прошептала девушка. — Я не знаю, что ты делаешь со мной и как делаешь, но я хочу тебя снова. И мне почти больно от этой потребности.

Из его горла вырвался приглушенный стон. Казалось, что его сексуальный маленький котенок отправилась в горячку вместе с ним. Как он хотел бы сделать это по окончании брачного сезона, привязать ее к себе навсегда, и ему было наплевать на все последствия. А то, что их будет куча, он не сомневался. Как не сомневался и в том, что их связь после его укуса стала крепче, и будет усиливаться в дальнейшем, пока он не свяжет себя с ней навсегда.

Ему просто нужно держать себя под контролем. Ну да, удачи с этим, — усмехнулся Антон. Его член болезненно напрягся. Он снял использованный презерватив и потянулся за другим.

Глава 11

Я действительно мурлыкаю, подумала Шеннон, постепенно просыпаясь, переваривая эту новость, в то время как ее горло гудело, грудь вибрировала, и Антон продолжал поглаживать ее по спине.

Шеннон проснулась окончательно, растянулась на его большом теле и прислушалась к странному шуму исходящему от нее, пытаясь свыкнуться с происходящими изменениями, пока ее затуманенный мозг приходил в сознание.

— Мне нравится этот звук, котенок, и твоя реакция на меня, на мои ласки, — прошептал нежный голос ей на ушко.

Она подняла голову и шум прекратился. Антон улыбнулся ей. Она не могла не улыбнуться в ответ.

— Доброе утро, — прошептала девушка.

— Болит?

Она ощупала свое тело.

— Нет. Я..., — румянец окрасил ее щеки. — Я хочу тебя снова, — и девушка стыдливо спрятала лицо у него на груди.

— Ты определенно тоже в горячке милая.

— Я не понимаю. Со мной раньше никогда такого не было.

Антон продолжал поглаживать ее спину, играя пальцами и ладонями на изгибах ее попки, а затем вновь возвращаясь к спине.

— Я думал об этом. И мне кажется, что знаю, в чем причина.

— Хорошо. Просвети, потому что все это пугает меня немного. — Она не хотела лгать, и действительно хотела объяснений. — Мне немного страшновато. Такое ощущение, что я больше не знаю свое тело.

— Ты жила среди людей, с той поры как твой отец погиб. И твои инстинкты притупились. А после встречи со мной все спящие инстинкты в тебе пробудились разом.

— Понятно. И это унижительно.

Антон нахмурился и его рука замерла.

— Почему?

— Всегда думала, что я не из трусливых. А теперь запрыгиваю на тебя или на ближайшее дерево всякий раз, когда мне становится действительно страшно. Подумай об этом. Твоя мать, скорее всего, думает, что я жалкая. Будь я полностью оборотнем, рыкнула бы на нее, хоть как то попыталась бы защитить себя. Но я оборотень лишь на четверть. Я побежала в душ и запрыгнула на тебя, чуть не сбив с ног.

Его тело мгновенно отреагировало, и Антон усмехнулся.

— Думаю, это восхитительно.

— Ты ничего не боишься, тебе меня не понять. Это как срабатывает переключатель внутри меня, мой мозг отключается, и следующее что я осознаю, как отрываюсь от земли, и запрыгиваю на тебя или на то, что повыше. Я говорю себе, остановиться, спуститься вниз и быть смелой, но мое тело меня не слушает.

— Ты частично пума, а я волк. Мой вид обычно убивает твой. Это естественно для тебя, убегать и забираться повыше. Это сильный инстинкт, прочно укоренившийся в твоих генах, — Его рука поглаживала ее попку. — Черт, иногда я вижу, кроликов и делаю несколько шагов в их сторону, прежде чем прихожу в себя и останавливаюсь. Меня разрывает желание преследовать их и съесть. Я имею с этим дело всю жизнь, и до сих пор борюсь с такими импульсами.

— В самом деле?

— Да. Я мог бы рассказать тебе о многих неловких ситуациях, в которые попадал, пока брал под контроль своего зверя.

— Например? Расскажи мне.

— В средней школе мне понравилась одна девочка. Мне казалось, я влюбился, она была такой горячей цыпочкой. А я пятнадцатилетний подросток на пике гормонального взрыва. И я пригласил ее на свидание, купил цветы, и очень нервничал, потому что не знал как ведут себя на свиданиях люди. Девушка открыла дверь, держа на руках свою любимую кошку. Увидев меня, ее коша сошла с ума, зашипела и выскочила за дверь. И я побежал за ней, прежде чем понял что делаю. Загнал бедную кошку на дерево, а сам стоял под ним и все о чем думал, как ее оттуда достать и убить. Когда Салли прибежала посмотреть, что происходит, я отвернулся, скрывая свое лицо, так как начал меняться. Не мог говорить, потому что мой голос стал глубже и грубее. Она подумала, что я урод и

каким-то образом напугал ее кошку. А я просто ушел, напоследок сильно пнув дерево. В последствии Салли избегала меня и враждебно смотрела каждый раз, когда наши пути пересекались в коридорах, пока не уехала из города два года спустя.

Шеннон печально улыбнулась.

— Мне жаль.

— Пришло время моего первого забега со стаей, первый на который меня допустили, понимаешь, половое созревание, и мысли о сексе были, в то время как навязчивая идея. Просто ядерный взрыв гормонов, как человека, так и моего волка. — Он сделал паузу. — Вероятно, ты не захочешь услышать всю историю.

— Рассказывай дальше.

Антон покраснел.

— Представь себе гормонально — неустойчивого подростка на его первом забеге со стаей. Мы раздевались под деревьями, там были все эти обнажённые женщины. И я адски возбуждился, и понял, что это заметил каждый член стаи. Я не мог снять свои трусы. Реагировать, таким образом, вне брачного сезона считается грубостью. Это был обычный забег стаи, который мы проводим ежемесячно, празднуя полнолуние. Это своего рода наша версия праздника и способ для стаи сделать что-то вместе. Мой отец понял, почему я стоял, не снимая трусов, и приказал мне вернуться домой. Когда я уходил, отец прокричал мне вслед, чтобы я подрошил как следует, когда доберусь до дома. Я хотел умереть от стыда на месте.

У Шеннон от удивления отвисла челюсть.

— Он не мог так сказать!

— Он это сделал. Я никогда не забуду смех и шутки, за своей спиной, пока бежал всю дорогу домой. Я не говорил с ним два дня. Это смутило меня достаточно, и я никогда после этого не участвовал в других забегах стаи.

— Твой отец повел себя, как осёл! — в ее голосе звучал гнев.

— Отец считает, что подобная жестокость сделает нас крепче и жестче. — Антон вздохнул. — Так что нет никакого позора в твоём страхе и инстинктах оборотня, Шеннон. В пищевой цепочке, нас все бояться, — Он вдруг усмехнулся. — Бьюсь об заклад, ты никогда не имела такой проблемы с мышью.

— Нет. — Она вдруг рассмеялась. — Я никогда не думала об этом, но в моей первой квартире соседи постоянно жаловались на полевых мышей всё лето, но я никогда не видела, ни одной в своём доме.

Антон усмехнулся.

— От тебя исходит слабый аромат пумы. У мышей хороший нюх, так что они избегали бы тебя в любом случае.

— Так ты думаешь, быть рядом с тобой помогает моей крови меняться, вытаскивает наружу все инстинкты моего вида?

— Да.

Шеннон закрыла глаза пытаясь представить большую кошку. С когтями и хвостом.

— Что ты делаешь?

Она вздохнула и открыла глаза.

— Я попыталась измениться. Но не смогла.

— Ты знаешь, как это делается?

— Мама спрашивала моего отца, как он это делает. И она рассказала мне. Надо представить себе изменения, что я большая кошка, лапы, хвост, и это произойдет, так делал мой отец. Но, похоже, со мной это не сработало.

— Сладенькая, если бы ты могла обращаться, ты бы сделала это когда была напугана. А просто потому, что ты представила себе кошку и ее черты, не означает, что ты сможешь перевернуться. И тот факт, что ты только на четверть пума, гарантирует, что ты не сможешь перекинуться. Мне жаль милая.

— Ох. — Шеннон не была уверена, должна ли она чувствовать разочарование или нет.

— Это не имеет значения, и черт, я вроде счастлив, что ты не можешь перекидываться. Если бы ты имела когти и превратилась бы в кошку, когда запрыгнула на меня, боюсь даже представить, что бы со мной тогда было, — Он усмехнулся. — Вероятно, ты царапала бы меня каждый раз, когда другой оборотень пугал тебя.

— Я не боюсь тебя.

Антон неожиданно перевернулся, подминая девушку под себя.

— Твой аромат сводит меня с ума. — Он стремглав спустился вниз и опустил голову, чтобы накрыть ртом ее вершинку груди.

Шеннон выгнулась дугой, подставляя его рту розовый кончик нежной плоти, прижимая его лицо еще крепче к себе. Когда он начал сосать и ласкать ее сосок, она застонала. Ее живот трепетал, и она знала, влага мгновенно смочила ее нежные лепестки и уже стекала на бедра, которые она пыталась развести как можно дальше, чтобы освободить место для тела Антона.

— Пожалуйста, не дразни меня. Я хочу тебя до боли.

Он отпустил ее сосок, прикусывая его зубами.

— Ты такая отзывчивая, котенок.

— Ты убиваешь меня, — стонала девушка.

Антон пошарил рукой по краю кровати, ища один из презервативов, которые были свалены там, в течение ночи, но ничего не нашел.

— Где эта чертова резинка?

— Думаю, мы их столкнули с кровати, прежде чем свалиться без сил, прошлой ночью.

Он перекатился с нее и заглянул за край дивана.

— Вот они, нашел!

— Поторопись, — Шеннон перевернулась и встала на четвереньки, выставляя попку и раздвигая ножки. — Возьми меня таким образом. Ты понятия не имеешь, насколько мне хорошо, когда ты берешь меня сзади.

— Знаю, — его голос, углубился, когда он достал несколько пакетов и повернулся к ней лицом. Рычание вырвалось из его рта при виде представшей его взгляду картины. — Я...

Кто-то постучал в дверь.

— Антон! Давай быстрее! Твой отец ранен!

Антон бросил презервативы и спрыгнул с кровати, метнувшись к двери. Шеннон схватилась за края простыни и еле успела прикрыть себя, когда он распахнул дверь. В проеме показался высокий мужчина, которого она никогда раньше не видела.

Незнакомец запыхался, казалось, он пробежал немалое расстояние на предельной скорости.

— Что случилось?

— Я не знаю. — Парень прислонился, к дверному косяку, тяжело дыша.

— Твоя мать прислала меня, сказала, что ты не отвечаешь на ее звонки, просила позвать тебя. Твой отец был серьезно ранен. Они в их доме.

Антон обернулся, и посмотрел на Шеннон, страх мелькнул на его лице.

— Я должен идти. Я вернусь.

— Конечно. — Она кивнула. — Иди.

Он просто накинулся на одежду, даже не побеспокоился обуться, и выбежал за дверь с другим мужчиной. Та хлопнула позади него, но Шеннон услышала гудок, уверивший ее, что Антон, по крайней мере, не забыл замкнуть дверь.

Тело Шеннон болело от неудовлетворенного желания, оно буквально горело огнем, и чувство вины терзало ее за это. Его отец ранен, а она все еще хотела заняться с Антоном сексом.

Шеннон сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоить разбушевавшиеся гормоны, но это не помогало, ее тело все равно продолжало требовать секса. Так, думаю, холодный душ немного остудит мое вредное либидо, подумала девушка. И взбудораженная и беспокойная отправилась в ванную комнату.

Она молилась о том, чтобы его отец остался жив, и что бы Антону ни грозила опасность.

Беспокойство съедало ее заживо, что-то или кто-то пытался серьезно навредить его отцу.

Она немного знала об оборотнях или о том, что могло им угрожать. Что бы ни случилось, каким бы ни был исход, она знала, что будет здесь, когда он вернется.

Антон с Полом обратились на стоянке. Они побежали к лесу, в полуквартале вниз по дороге, чтобы быстрее добраться до родительского дома.

Антон не был в состоянии сесть за руль. Беспокойство и страх заставили его отбросить свою обычную выносливость. Он пробежал много миль и наконец, показался дом.

Дверь была открыта, и он просто ворвался внутрь.

— Он внизу, — прокричала его мать из задней части дома. — Что-то напало на него. Поторопись.

Думаю, он умирает.

Его волк завыл в ярости. Тот, кто ранил его отца, умрет. Он чуть не сбил свою мать, когда промчался по коридору и скользнул вниз по лестнице.

Антон быстро обернулся, задыхаясь, потянулся к своему отцу, но в секунду, когда рука коснулась одеяла, другой запах наполнил его голову. Человека и смерти.

Он сорвал покрывало и в шоке посмотрел на пожилого человека. Горло парня было разорвано, а невидящий взгляд зеленых глаз направлен на стену.

Дверь металлической клетки позади него захлопнулась и Антон обернулся. Мать смотрела на него по другую сторону решетки, отступая, чтобы остаться вне его досягаемости.

— Ты, в самом деле, думал, что я позволю этому случиться? Что я позволю тебе так поступить со мной? — Она оскалила зубы на него. — Ты привел врага на нашу территорию.

И тут его осенило.

— Выпусти меня отсюда. — Антон схватился за дверь клетки и толкнул. Металл загрохотал, но замок выдержал. Их укрепили, чтобы удерживать оборотней, нуждающихся в содержании в

клетке. — Что ты сделала с отцом?

— Имеешь в виду кровь? — Она холодно улыбнулась. — Я расцарапала ему спину во время секса, потом перекатила на спину, чтобы кровь просочилась в одеяло, пока я занималась им. Я знала, что запах заставит тебя броситься в клетку. Вы, мужчины, глупы и уколобы, всегда думаете носами или членами.

— Ты убила этого человека? Зачем?

— Мне нужно было тело. — Она пожала плечами. — Это всего лишь какой-то бездомный парень. Никто по нему скучать не будет.

Антон изумился.

— Это против наших законов.

— Как и трахать врага, — завопила она, ярость исказила ее черты. — Так оскорбительно для твоих родителей и всей стаи. Я растила тебя, чтобы ты стал лидером. Вместо этого, ты предал все и ради чего? Маленькой кошки-шлюхи?

— Она под моей защитой. Тронешь Шеннон хотя бы пальцем, я убью тебя.

Ева побледнела.

— Я твоя мать. Ты никогда не будешь угрожать мне снова.

— Она моя.

— Она враг.

— Не для меня. — Он гремел дверями. — Выпусти меня отсюда. Где папа?

Она махнула рукой.

— Он в лесу, ждет меня. И ничего не знает. Иногда супруга должна делать жестокие вещи для своей стаи.

— Если навредишь Шеннон, — прорычал он. — Я убью тебя. Ты перестанешь быть моей матерью и станешь моим кровным врагом.

— Она уже не твоя забота.

— Я заклеил ее. — Его ум начал обрабатывать страх за безопасность Шеннон и злость за обман матери. — Я сойду с ума без нее. Тебе придется убить меня. Ты готова пойти так далеко? Твой супруг и остальные дети никогда не простят тебе.

— Я над этим думала. Ты еще не полностью перешел в брачный сезон. Я дам тебе наркотик. — Она бросила неприятный взгляд на мертвое тело, лежащее на раскладушке. — Я твоя мать. Я не позволю тебе есть, когда ты проголодаешься. Потом выстрелю в тебя успокоительным и как только ты потеряешь сознание, я вернусь, чтобы забрать это. Я наняла врача из другой стаи. Мы будем держать тебя в состоянии комы, пока сезон не закончится, и он подключит трубку для кормления и жидкостей. Я сказала ему, что ты заклеил сучку, которая умерла, что частично правда. Она не долго пробудет живой. К тому времени, когда ты проснешься, она выйдет из твоей системы.

— Я клянусь тебе, что если ты причинишь вред Шеннон, я убью тебя.

— Я не собираюсь применять к ней клыки или когти. — Она засмеялась. — Я поняла, когда твой отец рассказал мне, что ты угрожал ему, что чувствовал себя обязанным убить каждого вынюхивающего эту маленькую поедательницу грызунов. Я просто позволю ей уйти с нашей территории. Ни один оборотень не сможет нанести вред твоей драгоценной кошечке.

Антон снова попытался сломать замок на двери, мускулы натянулись.

— Если с ней что-то случится, ты мне ответишь, порочная сука.

— Это ранит. — Она нахохлилась. — Иногда, как мать, я должна делать то, что лучше для моих детей. Я не позволю тебе испортить свою жизнь или свою позицию будущего альфы этой стаи. Я долго ждала, чтобы увидеть, как мой сын займет свое законное место, и я страдала в лишенном любви браке, которому скоро придет конец, а с твоим отцом произойдет несчастный случай. Ужас сотряс Антона.

— Что?

— Я связалась с Элроем только, чтобы стать матерью будущего альфы. Он никогда не любил меня и оказался настолько глуп, что не осознает, насколько сильно я возненавидела его за эти годы. Он слишком мягок. Он допустил своего ублюдка — полукровку на нашу территорию, когда должен был убить Грэйди в ту секунду, когда его жалкая человеческая мать свалила его на нас. Даже она знала, что мусор надо выбрасывать. Элрой также позволил этому ублюдку связаться с человеком. Это не правильно, и мой супруг не побеспокоился принять мой совет в том, что я хотела, или как я чувствовала себя, зная, что он никогда не убьет того ублюдка, чтобы осчастливить меня.

— Грэйди мой брат. — Антон начал задыхаться, борясь с желанием обратиться. Его волк хотел разорвать мать на части. Он не думал, что решетки удержат его от этого. — А мой отец. Ты собираешься убить его?

— Они оба для меня бесполезны. — Она пожала плечами. — Они слабы. Ты станешь лучшим альфой, благодаря урокам, что я преподавала тебе. Никогда не показывай врагу свое милосердие. Убей или умри. Мы оборотни, а не щенки.

— Ты больная и сумасшедшая.

Она пожала плечами.

— Но я хитрая. Ты заперт, твой отец в лесу, ждет меня, чтобы трахнуть, а в этот момент тот паразит, которого ты трахаешь, будет вывезен с нашей территории.

Кишки Антона скрутило.

— Что ты сделала? Кто пошел за Шеннон?

— Я позвала местного лидера прайда. Ему было очень интересно узнать о ней. — Ева холодно улыбнулась. — Оказалось, они понятия не имели о ее существовании. Он был более чем рад сграбастать и пометить твое домашнее животное.

— Нет!

— Да. — Она отступила к другой клетке, нагнулась и достала оружие из-под подушки на кушетке. — Я бы хотела остаться и посмотреть на твои страдания немного дольше, после того, через что ты заставил меня пройти, но твой глупый отец начнет беспокоиться, если я не появлюсь в ближайшее время. Он всегда хочет секса. — Она навела пистолет с транквилизатором на грудь Антона. — Врач прибудет сегодня вечером, до того, как это перестанет действовать. Я почищу твою клетку, а твой отец поверит, что я хочу романтический отпуск в нашем домике у озера. Он не будет тебя искать. Я удержу его там. — Она подмигнула. — Спокойной ночи, дорогой.

Антон отпрыгнул от решетки, но спрятаться было негде. Боль пронзила его плечо.

Он схватил дротик и выдернул его. Голова закружилась, несмотря на то, как быстро он удалил дротик, и колени подогнулись под ним.

Антон больно врезался в бетонный пол. Смех матери заполнил уши.

Шеннон беспомощна, незащищена и в опасности. Он боролся с наркотиками, но все померкло.

Шеннон как раз доставала содовую из холодильника, когда прозвучал стук в дверь. Девушка замерла, и уставилась на нее.

Она не стала подходить к двери. Антон бы просто зашел. Йон тоже мог войти в квартиру сам. Тот, кто стоял по ту сторону двери мог быть опасен.

Еще одна женщина, вынюхивающая Антона, подумала она. Девушка осталась на месте, задержав дыхание и надеясь, что они уйдут.

В дверь опять постучали. Шеннон не сдвинулась, пока что-то не ударило по двери. Она увидела, как дверь пошатнулась. Еще один громкий удар и дверь прогнулась.

Ужас охватил ее, она уронила содовую, оглядывая комнату в поисках оружия или пути к отступлению.

Дверь сдалась на третьем ударе, после чего вошли два крупных мужчины. Оба были шесть футов в высоту, загорелые, блондины.

Схожие зеленые глаза и черты лиц указывали, что они братья или кровные родственники. Мужчины рассматривали Шеннон, в то время как ее сердце стучало как сумасшедшее. Страх парализовал девушку.

Тот, что был справа, принялся и улыбнулся.

— Привет, рыженькая. Не бойся. Мы не вервольфы. Приняйся.

Она просто смотрела на них, в ужасе. Они считали, что она определит их сущность по запаху. Ее рот открылся, но слов не последовало.

Тот, что с лева нахмурился.

— Не думаю, что она это может. Чуешь на ней запах человека?

— Все перебивает собачий запах, Марк.

Второй фыркнул.

— Черт, Адам. А от них сильно несет.

Марк приподнял голову, изучая Шеннон.

— Я — Марк, а это мой брат Адам. Мы оборотни-пумы, пришли спасти тебя от паршивой шавки, что держит тебя в заложниках.

— Пожалуйста, уходите, не нужно меня спасать.

Адам скорчил гримасу.

— Промывка мозгов?

— Или просто дура. Возможно, она настолько человечна, что будет нам бесполезна.

— Нет, пробейся через запах шавки. Чуешь? Она в горячке. Она идет с нами, если в ней достаточно крови для этого признака.

Второй брат рассмеялся.

— Мило.

— Она симпатичная. Это плюс — Адам аккуратно сделал шаг вперед — мы тебя не обидим. Просто заберем с собой домой.

Шеннон отступала к кухне, мотая головой.

— Нет, оставьте меня.

Ее инстинкты подвели. Нужда взобраться на что-либо не наступила, и она забралась на стойку без

привычной скорости.

Один из них перехватил ее, когда она пыталась забраться наверх. Его хватка усилилась, когда он встряхнул ее и зашипел.

— Не дерись.

— Отпусти меня! — она ударила его по ноге и вцепилась когтями в руку.

Он повернулся, сжимая ее в своих руках.

— Она сопротивляется. Сделай это.

Марк приблизился, Шеннон в ужасе наблюдала, как он занёс кулак. Она попыталась вывернуться из хватки Адама, но боль внезапно охватила голову.

У Девушки не было шанса даже позвать на помощь.

Глава 12

— Антон? Проснись, черт побери!

Знакомый голос заставил Антона бороться с хмельным туманом, окутавшим разум.

Ладонь ударила по щеке, и Антон открыл глаза. Он уставился в лицо своего кузена, мелькающее над ним. Бренд хмурился.

— Что случилось? Зачем ты убил старика?

Антон попытался думать, несмотря на туман в голове. Мертвый старик? Какого черта?

Он понял, что лежит распластанный и голый на холодном, твердом полу, а когда немного повернул голову, то узнал одну из укрепленных клеток в подвале отца.

— Я... что случилось?

— Блять, а я знаю?! — Бренд потянул его за руку и плечо, заставив сесть. — Я приехал сюда поговорить с дядей Элроем, нашел парадную дверь запертой, что показалось мне странным, она же всегда открыта. Я забеспокоился. А тут еще почуял запах крови и смерти с подвала, а когда вошел сюда, понял, что вы все в полной жопе. Ты валялся в клетке, на холодном полу, голый, весь в крови. Во что ты вляпался Антон? Какого хрена здесь творится? Там в двух шагах от нас остывает жмурик. Здесь что была драка? Ты убил старика? — Антон поморщился и попытался вытащить хоть что-то из своего затуманенного сознания.

Лицо всплыло в его памяти. Женщина, красивая, с длинными, волнистыми рыжими волосами и яркими синими глазами. Сердце заколотилось, и он вспомнил все, словно по шелчку.

— Помоги подняться.

— Я пытаюсь. Не уверен, стоит ли открывать дверь или нет. Ты чокнутый? У тебя какой-то срыв?

— Моя мать собирается убить отца и Грэйди. Потом она пойдет за моей женщиной.

— Дерьмо. — Бренд задыхался изо всех сил помогая Антону. — Значит, ты убил старика, запертого с тобой?

— Это моя мать. Она использовала запах крови, чтобы заманить меня в клетку. — Он поднялся на шатких ногах, покачнувшись, но знал, что упал бы на задницу, если бы руки кузена не поддерживали его. — Она накачала меня наркотиками.

— Это и я могу сказать. — Бренд наполовину вытащил его из клетки. — Что мне делать? — Он помог Антону добраться до комнатки в подвале.

— В кабинете возле клеток находится склад с наркотиками. Найди зеленый шприц, не красный. Принеси его мне.

Бренд свалил его на диван и бросился обратно к клетке. Антон схватился за голову, комната немного кружилась, и он боролся за то, чтобы остаться в сознании.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Бренд присел возле него, с зеленым шприцом.

— Этот? Что, черт возьми, это такое?

— Налоксон. Мы его держим здесь вместе с наркотиками. Вколи его мне прямо в вену. Он будет противодействовать наркотику

— Звучит рискованно. Позволь мне позвать на помощь.

— Нет времени. Он действует молниеносно быстро. — Антон попытался дотянуться до шприца, но рука промахнулась на несколько дюймов, равновесие подвело. — Блядь. Просто вколи меня.

— Ладно. — Бренд использовал зубы, чтобы сорвать пластиковый наконечник с иглы и вколол ее в большую вену на изгибе локтя Антона.

Через минуту, вялое тело отреагировало. Сонливость исчезла. Он сделал несколько глубоких вдохов и сосредоточился на первоочередной задаче.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — Спросил Бренд

— Дай мне телефон.

Бренд вытащил из заднего кармана сотовый и протянул Антону. Он схватил его, и осторожно, чтобы не раздавить в пыль, набрал номер Рэйва.

— Возьми трубку, Рэйв. Это чрезвычайная ситуация. Перестань трахаться и возьми телефон.

Секунду спустя запыхавшийся Рэйв ответил.

— Пусть это будет супер важно.

— Мама собирается убить папу и Грэйди, — быстро заговорил он. — И она послала кого-то за Шеннон. Возможно не одного. Они должно быть из прайда. Иди в мои апартаменты и защити мою женщину, сейчас же. Наша мать накачала меня наркотиками и замкнула. Бренд со мной. Я позвоню еще кому-нибудь. Иди к Шеннон, немедленно!

— Это шутка?

— Нет.

— Черт! — Зарычал Рэйв.

— Иди к ней, черт возьми. Она одна.

— Уже иду. — Рэйв повесил трубку.

Бренд выпрямился и бросился к шкафу с одеждой, нашел для Антона штаны и футболку, а Антон набрал номер Грэйди. Мика, его супруга и пара ответила после второго гудка.

— Алло?

— Позови Грэйди к телефону.

— Он в душе. Это который из вас? Не различаю ваши голоса по телефону. — Она засмеялась.

— Антон. Мама собирается убить папу и Грэйди. Просто скажи ему, пусть наблюдает за своей спиной и защитит тебя. Это не шутка. Оставайся там или иди куда-нибудь в безопасное место, но не верь этой суке. — Он бросил трубку прежде, чем она смогла ответить.

Антон набрал Вона и Брэйдена, но, ни один из них не ответил.

Оставив им краткие сообщения, объяснявшие то дерьмо которое заварил их мать, Антон попросил их прийти на помощь и защитить Шеннон. Он не помнил, знали ли его братья, что Шеннон на четверть пума, поэтому предупредил, так на всякий случай, вдруг до них еще не дошли слухи о нем и

его котенке.

Он повесил трубку и понял, что Бренд таращится на него.

— Не надо, — пригрозил он. — Да, она моя.

— Я слышал, что ты познакомился с женщиной, но никто не сказал, что она вер-кошка.

— Частично, — Антон сумел встать на ноги, удержать равновесие и рванул одежду из рук своего двоюродного брата, — Она в основном человек, и мне насрать на гребанное мнение стаи. Для меня не имеет значения ее родословная, и не важно, одобряете вы мой выбор или нет.

— Я не сказал ничего плохого, — Бренд казалось, оправился от своего ошеломленного состояния, — Я не могу поверить, что это происходит. Я знаю, твоя мама редкая сука и многие терпели от нее разное дерьмо на протяжении стольких лет, но дядя Элрой, он, же ее супруг и пара.

— Кажется, она ненавидит его.

— Можешь позвонить в город и предупредить Шеннон?

— Я отключил там телефон. — Прорычал Антон, рывками натягивая тренировочные брюки. — Мы только начали трахаться, и я не хотел, что бы нам мешали. Мама послала, какого-то щенка, чтобы вытащить меня из берлоги, иначе я был бы всё ещё там. Она сказала, что отец был тяжело ранен. Ты не почувствовал запах его крови внутри клетки?

— Я просто предположил, что вы с отцом боролись, когда он закрыл тебя там. Страшное время для тети Евы делать такую подлость. Это почти гениально. Каждый уже практически занят, трахаясь в горячке, а остальная часть стаи охотится, чтобы соединиться или бегают в лесах, доступный для всех. Будет трудно отыскать кого-нибудь для помощи. Ева сказала, что послала за Шеннон прайд? Она, должно быть, пригласила их на нашу территорию и заверила, что это безопасно. В противном случае они ни за что бы не посмели прийти сюда.

— Да. Понятия не имею, сколько их ожидать. Мои братья получают сообщения, и придут. Мы все должны по очереди патрулировать. А значит, они не проскользнут мимо нас. — Антон направился к двери, Бренд следом за ним. — Мне нужна твоя помощь. Я еще не могу обращаться, а мне нужно ехать домой. Мне также нужна твоя помощь в защите Шеннон. Мы можем ввязаться в чёртову драку.

— Ты знаешь, я на все готов ради тебя, и не хочу пропустить хорошую драку.

Бренд запрыгнул на место водителя своего грузовика и завел двигатель, пока Антон садился рядом на пассажирское

— Собираешься нажить проблем, помогая мне спасти пуму?

Бренд нажал на газ.

— В колледже я влюбился в полукровку-леопарда, — он прочистил горло, — я никому не говорил. Однажды она просто ушла.

Антон приподнял брови.

— Серьезно?

— Да. Я и не думал о том, что мы враги. Я просто любил ее. Боже, да у меня сердце чуть не разорвалось, когда я понял, что она меня бросила. Я хотел сделать ее парой, но, похоже, она не хотела проблем. Я помогу тебе защитить твою пуму.

— Спасибо.

Антон прикрыл глаза, чувствуя как кровь, наконец, очистилась от наркотиков. Хорошо, что он

быстро исцеляется.

Весь ужас ситуации почти полностью уничтожил его. Его мать всегда была холодной, отдаленной и не лучшего влияния, но партнеры не убивали друг друга.

Он считал, что его отец слишком многое позволял этой женщине... которой слишком много — это всегда было яблоком раздора между ними после ее скверного обращения с его старшим сводным братом Грэйди... ведь эта женщина, в самом деле, задумала убить двух людей, которых он любит. Трое. Она также пойдет за Шеннон.

Его кузен ехал по улице, нарушая все скоростные режимы, установленные в их городе. Антон схватился за дверь, когда грузовик слишком быстро повернул.

Он любил Шеннон. В этом нет сомнений. Каким-то образом это, наконец, произошло после многих лет, попыток найти свою пару.

Ему нравился секс с другими женщинами, но никто из них не вызывал в нём подобного чувства. Он предполагал, что любит Шеннон, начал уже привыкать к этой мысли, но теперь, когда его кошечке угрожает опасность, он знал, насколько глубока эта любовь.

Он сойдет с ума, если с его сексуальным маленьким котенком что-нибудь случится.

В поле зрения появился бар, и Антон заметил мотоцикл Рэйва, припаркованный напротив здания. Часть напряженности ушла. Шеннон больше не одна. Бренд затормозил позади байка, и Антон выпрыгнул прежде, чем мотор заглох. Задняя дверь бара была уже взломана, но ему было плевать, как Рэйв проник в дом, чтобы найти Шеннон и защитить ее. Он мог заменить дверь, но ее — никогда.

Бренд шел прямо за ним, когда Антон проскочил вверх по лестнице, обнаружив еще одну дверь, взломанную Рэйвом.

Он почти ударился о спину своего брата, стоящего посреди квартиры в одних джинсах, босого и по пояс обнаженного.

Рэйв повернулся лицом к Антону, рыча, выпустив когти, пока не увидел, кто присоединился к нему. Мужчина едва не запустил их в лицо Антона, его когти прошли в нескольких дюймах от горла брата.

— Я приехал слишком поздно, — мрачным голосом сказал Рэйв. — Дверь была выломана. Я обнаружил кровь на кровати, по запаху — ее, но не свежая, — сделал паузу. — Она ушла, Антон. Они забрали ее. Чувствую запах двух самцов Прайда.

Антон откинул голову и в ярости завыл. Рука схватила его за плечо сзади. Он повернул голову, но это сделал не Бренд.

Его самый младший брат, Брэйден, стоял рядом. Вон также приехал. У всех троих мужчин было одинаково яростное выражение лица.

— Они забрали ее, — зарычал Антон. — Они похитили мою Шеннон.

— Мы вернем ее, — тихо поклялся Рэйв. — Рядом с нами есть только один прайд. В прошлом я уже исследовал их территорию. Иногда я зависаю в байкерском баре, который граничит с их землями. Там много бродяг и я приглядываю за ними, чтобы быть уверенным, что они не создадут проблем нашей стае.

— Ты уверен, что они похитили ее? Может быть, она сама захотела вернуться с ними домой? Что, черт возьми, ты делал с одной из них? — засомневался Брэйден.

Вон зарычал громче.

— Тихо, Брэйден. Я слышал, Рэйв сказал, что нашел на кровати ее кровь.

— Это моя вина, — признался Антон. — Шеннон моя. Я пометил ее. Если бы у нее был выбор, она бы не пошла с ними, потому что боится.

— Они не из ее прайда? — Вон спокойно встретил взгляд Антона.

— Шеннон — одиночка. И по большей части человек, напуганный тем, что они убьют ее за это, и я единственный оборотень, с которым она столкнулась за всё время. — Антон развернулся, чтобы осмотреть свою квартиру. Он не видел никаких признаков борьбы или разрушения, за исключением сломанной двери. Он принялся, к запаху двух самцов Прайда, что-то вспомнил, и ярость снова овладела им. — Я порву их на части, если они убили Шеннон.

— Полегче, — тихо заговорил Рэйв. — Она красивая. Они не будут ее убивать.

Бренд оттолкнул в сторону нескольких кузенов и принялся возле кровати, и тихо выругался.

— Она в горячке. Узнаю этот запах везде.

— Твою мать, — простонал Рэйв. — Это ещё хуже. Нам нужно быстро ее найти.

Антон сократил расстояние между ними.

— Какое это имеет для них значение? Почему ее привлекательность означает, что ее не убьют? Они убивают слабых. Шеннон говорила, что ее отец сбежал из прайда, потому что был наполовину человеком. За это они хотели его убить.

Рэйв сделал глубокий вдох и уныло встретил взгляд Антона.

— Я знаю достаточно о вер-кошках. Хорошая новость в том, что они не убьют ее, по крайней мере, не целенаправленно. Плохая новость состоит в том, что они убивают только слабых мужчин. Но женщину? — сделал паузу. — Не хочу тебе пересказывать слухи, что я слышал на этот счет. Ты озвереешь.

Антон потеснил его, и яростно потребовал:

— Скажи мне правду, что они с ней сделают. Не заставляй меня спрашивать об два раза.

Шеннон действительно желала и дальше оставаться без сознания, оценивая катастрофическую ситуацию, в которую попала. Семь самцов Прайда стояли в лесу, окружив её.

Все они выглядели мрачными, пугающими парнями от двадцати до тридцати лет. Два брата, которые похитил ее, стояли здесь же.

Марк выглядел немного старше своего брата Адама. Он говорил так, словно был хозяином положения, когда спорил с другим мужчиной.

— Она слишком человек, чтобы с кем-нибудь спариваться.

— Я возьму ее, — предложил снова блондин двадцати с чем-то лет. — Наши девушки встречаются редко.

— Они не будут редкими, если мы прекратим спариваться с кошками со слабой кровью. — Марк стрельнул взглядом в Шеннон лежавшую в траве со связанными за спиной руками. — Мы не разбавляем свою родословную полукровками. Но тот факт, что она частично пума — приз и залог успеха. Она — редкая находка.

— Ее запах не знаком. Ее кровный родитель не из нашего прайда.

Адам подошел к брату.

— Согласен с Марком. С этой не спариваться. Мы знаем, что нужно сделать.

— Согласен, — вздохнул высокий брюнет. — Кроме того, ни один мужчина не причинит вред своей паре, чтобы она страдала. В нашем прайде у нее нет семьи, которая бы возразила против такого обращения. Она — редкая находка, которую мы должны использовать по полной Шеннон откашлялась.

— Я не угроза для вас. Пожалуйста, просто дайте мне уйти. Вы никогда меня больше не увидите. Обещаю вам. Я никогда никому не рассказывала, что я. Вам не нужно меня убивать. Ее проигнорировали.

— Не могу игнорировать вонь от неё, — заныл один из мужчин скрипящим голосом. — Она пахнет волком.

— Тогда задержи дыхание, — Марк бросил на него взгляд. — Я решил.

Блондин, который предлагал спариться с ней, ругнулся.

— Она не кажется выносливой.

— Она достаточно чистокровна, чтобы вступить в течку, — заявил Марк.

— Этот запах очень слабый, — пожаловался нытик. — Я едва могу выделить его из ужасной волчьей вони.

— Знаю, — Марк потянулся за него и вытащил, как оказалось, пластиковый футляр для очков. — Захватил по дороге сюда.

— Вот это все исправит, — вздохнул самый старший. — Эти гормоны, подтолкнут ее к полноценной течке. Всё займёт около двадцати минут, судя по тестам которые я сделал.

— Гормоны сделают это? — Нытик не выглядел убежденным.

— Они были взяты прямо у женщин-пум в полноценной течке. Мы несколько раз тестировали их, и каждый раз это срабатывало.

— Каковы шансы, что она умрет? — Марк холодно взглянул на Шеннон. — Ненавижу рисковать. Она уже частично в процессе течки.

— Гормоны ее не убьют, — объявил мужчина постарше. — Только помните, что нужно быть осторожными. Она будет терпеть, но не кусайтесь и не царапайтесь. Потеря крови ее убьет.

Шеннон начала дрожать.

— О чем вы говорите? Что вы собираетесь со мной сделать?

Его взгляд зеленых глаз остановился на ней и мужчина вздохнул.

— Что ты о нас знаешь?

— Вы собираетесь убить меня за то, что я по большей части человек.

— Ложь. — Он подошел ближе. — Вот небольшой урок анатомии для тебя. Когда наши женщины беременны, у них только одноплодные роды. Один ребенок.

Страх наполнил Шеннон. Они говорили о сексе, гормонах и о том, что она в течке. У нее было плохое предчувствие относительно того, куда приведет этот разговор.

— Мы же можем оплодотворить женщину выводком, если обратимся во время спаривания. Они могут выносить от трех до пяти котят. Все дело в том, что когда женщины оборотни оборачиваются в человеческую форму, то беременность прерывается. Нашим женщинам не нравится оставаться месяцами в звериной форме, до появления потомства. Даже если кто-то пытается, то они, не подозревая об этом оборачивались во сне. Что сильно сократило нашу численность. После того, как мы решили, что безопаснее пребывать в человеческой форме, чем оставаться в обличье животного,

из-за низкого уровня рождаемости, численность нашего населения, заметно сократилась.

Адам хмыкнул.

— Люди пытаются охотиться на нас или сдать в зоопарки, когда мы бегаем в обличье пумы.

Один из мужчин кивнул.

— Так я потерял свою первую пару, люди убили ее. Один чертов охотник застрелил ее на частной собственности. Я убил его, но она не выжила от его пули. Они не законно охотились на наших землях, после того, как получили наводку. Теперь мы можем оборачиваться и бегать только ночью, чтобы не привлекать их внимание. Мы выставаем часовых, чтобы устранить злоумышленников. Их легко выследить, используя наше ночное зрение.

Марк снова прервал разговор.

— Мы можем оплодотворить тебя и создать помёт. Ты сможешь выносить больше детей, чем наши самки.

Шеннон застонала.

— Я не могу оборачиваться, и не буду делать это. Нет! — ее испуганный взгляд метался между семью мужчинами. Она знала, что с ее лица сошли все краски, когда представила одного из них, собирающегося сделать ее беременной и стала лихорадочно дергать что-то, связывающее ее запястья. — Я не соглашусь на это.

Ее внимание привлек мужчина постарше, который вплотную подошёл к ней.

— Мы не спрашиваем твоего разрешения. Ты не из прайда и твои желания неуместны. То, что ты не можешь обращаться — причина, по которой ты нам идеально подходишь. — Он взглянул на Марка. — Ты скажешь ей ...или мне рассказать?

— Я сам, — зеленые глаза Марка, казалось, светились, его взгляд с предвкушением приближающегося развлечения был направлен на Шеннон. — Вот как обстоят дела. Ты не можешь обращаться, а это значит, что ты случайно не убьешь вынашиваемого малыша.

Она с отвращением отстранилась.

— Но вы сказали, что в человеческой форме у меня будет всего один ребенок.

— Ты будешь в человеческой форме, но мы, то нет. — На губах Марка заиграла холодная улыбка. — Мы собираемся обратиться после того, как наш доктор вколет тебе гормоны, чтобы ускорить полноценную течку, твое тело будет подготовлено к зачатию и каждый из нас оплодотворит тебя. Адам потер руками.

— Это будет восхитительно для нас, но не для тебя. Вот почему ни один мужчина не будет трахать свою пару таким способом, каким мы собираемся взять тебя, а мы не делимся своими парами.

Женщины могут одновременно выносить разных... детей от разных отцов. Между нами семьёй, мы будем точно уверены, что ты вынашиваешь для нас. Тела человека и пумы не так хорошо подходят, — он улыбнулся стоящим вокруг мужчинам. — Хотя мы все предаемся мечтам об этом. Доктор усмехнулся.

— Однажды я делал так, чтобы протестировать гормоны. Это восхитительно. В человеческой форме женщины более влажные, поэтому вы можете глубже трахать их, но следует заткнуть ей рот. Она будет кричать. Для женщин очень болезненно, когда мы входим и выходим из нее. Мы не можем ждать, когда обмякнем после семяизвержения, чтобы выйти, как мы делаем это с нашими парами. Нам нужно будет непрерывно продолжать трахать ее, потому что гормоны будут действовать всего

несколько часов. Слишком рискованно с ее человеческой кровью оставлять ее в течке дольше. Ее сердце, возможно, не выдержит такой нагрузки.

Шеннон захотелось кричать. Она сопротивлялась порыву, пока боролась со своими наручниками и пыталась встать на ноги, но из-за связанных рук не смогла этого сделать.

— Пожалуйста, не делайте этого, — умоляла девушка.

Марк кинул доктору пластиковый футляр.

— Сделай ей инъекцию. Мы подготовим ее, пока укол начнет действовать. Не боюсь ее крика. Никто ее не услышит, а мы расставим охрану.

Доктор поймал футляр, открыл его и вынул большой шприц. Шеннон кинулась в сторону, пытаясь откатиться, но он поставил ногу, обутую в мокасины ей на попку, прижимая ее к земле, и разорвал футболку. Остальные мужчины нагнулись, сдергивая тренировочные штаны, в которые она была одета. Доктор обнажил ее левую ягодицу.

Шеннон закричала, когда большая игла проткнула кожу. Это сильно причиняло боль и, кажется, доктору потребовалось много времени, чтобы ввести все содержимое шприца.

Когда иглу вытащили, Шеннон перестала кричать, но слезы все еще бежали по ее лицу. Двое мужчин схватили ее за плечи, чтобы болезненно поднять с земли.

Они даже не позволили ее ногам дотронуться до травы, когда несли ее к большому поваленному дереву. Двое оставшихся бросились им помогать.

Шеннон кричала и боролась, но они поставили ее на колени и нагнули над грубым бревном. Кто-то разрезал верёвку на ее запястьях, но потом ее руки широко развели.

Девушка повернула голову и увидела, что веревка привязана к веткам, все еще торчащим из бревна и тянется к ее кистям, сохраняя их широко открытыми.

— Не делайте этого. О, Боже. Пожалуйста? — всхлипывала она.

— Заткнись, — Марк перепрыгнул через бревно, чтобы смотреть ей в лицо. Он подобрал, какую-то вещь, которая была скрыта от нее под бревном — цепь с тонким кожаным ошейником. Девушка попыталась отбрыкнуться, но веревки надежно удерживали ее грудь и бедра напротив бревна. — Это чтобы удержать тебя на месте. Чем меньше ты борешься, тем меньше риск разрезать тебя нашими когтями.

Шеннон вскинула голову, пытаясь увернуться от его рук, но ему удалось сомкнуть ошейник вокруг ее шеи. Хомут почти задушил ее, пока Марк его не отрегулировал.

Наклонившись, мужчина дернул цепочку, и ее голова опускалась вниз, пока подбородок не уткнулся в бревно. Девушка услышала шелчок, а когда попыталась поднять голову, ничего не получилось.

Марк подмигнул ей.

— Я первый. Ты не сможешь увидеть кто из нас трахает тебя, потому что не можешь повернуть голову, но я хочу, чтобы ты знала этот порядок. Хотя не волнуйся. Я самый крупный, поэтому причиню больше всех боли. Остальные будут чувствоватьсь немного менее болезненно. Разденьте ее.

— Я под защитой вервольфа, — выкрикнула Шеннон, когда кто-то схватил её за футболку, и содрал с её тела, обнажая кожу. — Он убьет тебя за то, что ты делаешь со мной.

Марк легко провел кончиками своих пальцев по щеке Шеннон.

Она попыталась отпрянуть, но ее душил ошейник. Это заставило мужчину рассмеяться, но руку он

убрал.

— Не один волк не пойдет за кошкой. Псина может трахать все, что угодно и я уверен, что ему было весело крутить врагом в буквальном смысле слова. Теперь ты дома. Теперь это — твоя жизнь. Ты будешь вскармливать детей, пока не станешь слишком стара для этого. Ты будешь не нужна, когда перестанешь овулировать, но если поможешь нам поднять рождаемость, мы не вернемся, чтобы убить тебя в веселом забеге. Я сделаю это безболезненно, — хмыкнул он. — Я — хороший парень, когда меня стимулируют. Не забывай этого.

Девушка зарыдала, это действие заставило ее еще острее почувствовать грубую кору через тонкий материал футболки. Они полностью содрали с нее тренировочные штаны.

Она закричала, когда ее бедра развели широко в стороны и веревки больно впились в ее ноги прямо под коленками так, что она не могла их соединить.

— Не делай этого, — промурлыкал Марк. — С красными глазами ты не так привлекательна.

Разумеется, я не буду смотреть на твое лицо. — Он встал и отошел от нее в сторону.

Она слышала их сквозь свой плач. Ее тело начало чувствовать тепло, затем жар, как в лихорадке.

Болезненные судороги толчками прокатывались по ее телу, и она зарыдала в агонии. Влага стекала, покрывая ее бедра. Шеннон знала, что не обмочилась — гормоны начали действовать.

— Твою мать, — зарычал кто-то. — Понюхайте ее. Давайте начнем.

— Еще нет, — приказал доктор. — Скоро. Мы хотим, чтобы она полностью овулировала. Давайте разденемся и обратимся. В каком порядке? Мы же не будем драться, чтобы определить, чья очередь.

— Я иду первым, — произнес Марк, подходя близко к девушке. — Адам — следующий. Остальные — выбирайте порядок. Мы все возьмем ее, так что без иронии. Мы проведем с ней часы. Соблюдайте тот порядок, какой выберете. Я подсчитал, что мы каждый возьмем ее трижды.

Шеннон закричала. Ее полный ужаса и страха вопль разорвал тишину леса. Отчаяние захлестнуло все ее существо. Потому что она понимала, что помощи ждать неоткуда. И что сейчас ее изнасилует стая вер-пум, в своем истинном животном виде.

Глава 13

Этого не может быть. Это не правда. Со мной этого не случиться, — с отчаянием подумала девушка.

Они не могут так поступить со мной. Это не реально. Мне просто снится кошмар. Проснитесь же Шеннон! О, Боже, проснись!

Высокий, жуткий, полный ярости крик отвлек ее от молитвы, которую она мысленно повторяла про себя. Она понятия не имела, что было источником этого шума.

— Какого черта? — Марк сердитым взглядом обвел свою стаю, и беспокойно посмотрел на лес. — Это кто-то из наших?

— Черт, — зашипел Адам. — Я думал, мы договорились никому не говорить о ней. Я же сказал всем вам держать язык за зубами. Кто из вас мудозвоны, разболтал?

— Никто, — жалобно проскулил нытик.

— Никто ничего никому не говорил, Адам, — проворчал другой голос.

Марк в ярости повернулся к собратьям, и его лицо исказилось в злобно-гневном выражении.

— Черт побери, вы были единственными, кому я мог доверять, чтобы не разорвать ее на части. Если половина прайда появиться здесь, чтобы спариться с ней, она не выживет.

Другой еще более жуткий крик разлетелся по лесу. Казалось, он исходил с другого направления... а

может, и нет. Шеннон было трудно определить это.

— Кажется, они уже дерутся. — Пробормотал Марк, изрыгая проклятия, и направляясь к лесу. — Брошу им вызов. И еще, — он обвел нытиков злобным взглядом. — Я разорву ваши глотки если один из вас возьмет ее, в то время, как я буду драться с приближающимся самцами. Это понятно? Я получу ее первым. Если кто-то прорвется мимо меня, вы должны сделать так чтобы они не заполучили девушку. Иначе я порву ваши задницы. Я хочу убедиться, что, по крайней мере, один котенок из помета, что она понесет, будет моим.

Этот кошмар просто убивал Шеннон, разрывая на части. Мало того, что семь из них планируют ее изнасиловать, но теперь и остальной прайд, казалось, хотел присоединиться к этой пытке.

Новые адские ощущения охватили ее тело с ног до головы. Девушка чувствовала, что ее лоно распухло, и клитор начал пульсировать, словно имел сердцебиение.

Странные болезненные ощущения разрывали ее нервные окончания, и новый крик вырвался из ее уст. Она больше не могла себя сдерживать. Скорее это был даже не крик, а гортанный жалобный вой самки пумы во время течки. Вой призывающий своего самца.

— Да она в полном разгаре. — Сообщил врач группе насильников. — Посмотрите на ее вульву. Розовая, опухшая и очень влажная. Она готова к зачатию.

— Черт возьми все на свете, — ревел Марк, разрываясь от желания спариться и в то же время боясь оставить свою спину без защиты. — Какой мудак раскрыл свой чертов рот и проговорился?

Он перепрыгнул через бревно, и снова попал в поле зрения Шеннон. От вида его голого паха девушку перетряхнуло волной ужаса и отвращения. Он был готов взять ее тело.

Она изо всех сил брыкалась и дергала ненавистные путы, стирая запястья в кровь, но не могла вырваться на свободу. Ее взгляд опустел и устался в одну точку, душа словно окаменела. Мужчина застыл перед ней, девушка продолжала отчаянно сопротивляться, зная, что помощи ждать неоткуда. Марк оглядел лес, а затем упал на четвереньки, и его тело начало меняться.

— Блять, — прорычал он. — Приготовьтесь к борьбе. — Его голос больше походил на рык животного.

Она уставилась на гладкое тело животного. Он ужасал. Шеннон и раньше бывала в зоопарке, и видела больших кошек, но этот был просто огромным.

Конечно, одно дело смотреть на них с большого расстояния, другое с шести метров. Шеннон наблюдала, как он пригнул уши, напрягся, и присел перед прыжком.

Что-то зашелестело в кустах, и ее взгляд дернулся в сторону шума. Это была не пума. Большой черного окраса волк выбежал на поляну, направляясь напрямик к Марку.

Огромные волки появлялись из леса со всех сторон. Первый волк врезался в Марка.

Начался настоящий ад. Волки напали на попытавшихся перекинуться мужчин.

Адам перепрыгнул через бревно, желая помочь своему брату, но другой волк схватил его, хрустнули кости, и мужчина закричал, когда острые зубы начали рвать его на части.

Кровь текла, орошая землю, окрашивая все вокруг ярким багрянцем. За спиной Шеннон слышала яростную борьбу и звериное рычание. Что-то забрызгало ее босые ноги, теплые, горячие капли стекали по коже, и она догадалась, что это кровь.

Она не видела, что происходило за ней, но зато ясно видела драку перед собой. Это был бой между Марком в форме пумы и большим черным волком, который выбежал из леса первым.

Марк бросился на волка, но промахнулся на несколько дюймов. И волк воспользовался промашкой соперника, прижав голову, врезался в пуму с невероятной силой, чтобы повалить на траву.

Черный волк сжал в челюстях задние лапы большой кошки, дернул головой, измельчая кости противника в крошку. Кошка завизжала и попыталась откатиться в сторону.

Один из них должен быть Антоном, поняла Шеннон. По крайней мере, я надеюсь на это.

Ей хотелось закричать его имя, когда ее взгляд метнулся между двумя из волков атакующих Марка и Адама.

Два других волка перепрыгнули через бревно, присоединяясь к битве за ее спиной. Жуткий кошачий визг и вой волков разносились по лесу. Один из волков вцепился Адаму в шею, разрывая его горло на части и отбрасывая уже мертвого оборотня в сторону, празднуя громким воем свою кровавую победу.

Адам перестал бороться. Еще не остывшее кошачье тело начало потихоньку оборачиваться в человеческое.

Ярко-красная кровь пропитала его неподвижное тело, и Шеннон увидела, что он не дышит. Волк, который убил его, повернул голову, и взглянул на нее темными глазами.

— Антон? — Дрожащим голосом прошептала почти обезумевшая девушка.

Он вдруг прыгнул вперед, не останавливаясь перед ней. Вместо этого зарычал и перепрыгнул бревно. Остановился в нескольких дюймах от неё, клацнули клыки, раздался кошачий визг, и чье-то безжизненное тело пролетело по воздуху.

Через несколько секунд что-то большое, тяжелое и волосатое коснулось задней части ее бедер.

Шеннон открыла рот, чтобы закричать, но яростное рычание остановило ее, заставив замереть от страха. Этот рык, похоже, волчий, подумала девушка.

Ужасный, злой волк? Пронеслось в ее сознании. Он оттолкнулся от нее, и она услышала громкий крик, и больше жидкости забрызгало ей ноги.

Что-то волосатое и небольшое ударило по задней части ее бедра. Он сделал это снова и снова.

Шеннон попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть, но ошейник не дал ей сделать этого. Еще несколько шлепков, и она поняла, что это должно быть волчий хвост виляет против нее.

«Что за черт? Разве что Антон пытался утешить меня своим хвостом?» Хаотичные мысли проносились в ее голове.

«Пытается, дать мне знать, что он там защищает мою спину?» Девушка расслабилась, продолжая наблюдать за боем перед собой. Хотя это даже был не бой, а скорее резня. И побеждала явно не пума. Кошка и волк по-прежнему боролись, но кошка истекала кровью. И проигрывала. Она попыталась бежать, но волк прыгнул на её спину и вцепился в горло.

Предсмертный визг кошки разнёсся эхом по поляне, хриплые всхлипы вырывались из груди несостоявшегося насильника. Мощные челюсти захватили его шею, голова волка встряхивала добычу назад и вперед, чтобы причинить больше вреда врагу. И вздрогнув, кошка замерла под волком навсегда.

Волк выпустил труп и обернулся. Он встретился взглядом с Шеннон и медленно начал приближаться к ней. Оборотень слегка опустил голову вниз, с его челюсти капала кровь, хриплое дыхание вырывалось сквозь сжатые клыки. Он подошел ближе, пока не оказался в нескольких сантиметрах от девушки. Потом упал и начал оборачиваться в человека.

Его бок был слегка разорван кошачьими когтями.

Красно-кровавые разводы растекались по загорелой коже. На бедре было много порезов и укусов.

Она ахнула, когда он поднял голову, девушка поняла, кто это был.

Брат Антона, Рэйв, встретился с ней взглядом и подмигнул.

— Со мной все будет хорошо. Исцелюсь за несколько дней.

Звуки борьбы сзади затихли, и хвост остановился, перестав постукивать ее по бедрам.

Шеннон ахнула, когда что-то холодное и влажное вдруг толкнулось в ее распухшее болезненно пульсирующее лоно. Девушка попыталась бороться, когда жесткая лапа нажала ей на спину, и что-то холодное опять скользнуло вдоль влажных складок, и девушка скорее услышала, чем почувствовала, что ее нюхают.

Она ненавидела то, как ее тело отреагировало на это. Удовольствие прокатилось по ней искрами, раздувая еще больший пожар в ее клиторе и лоне, толкая к оргазму.

Рэйв поднялся и приподнял бревно, чтобы заглянуть на другую сторону. Он зарычал и остановился.

— Антон, какого черта ты делаешь?

Холодный, влажный нос дернулся от ее тела, и она расслабилась, осознав, что ее касался Антон.

Его брат присел на корточки и встретился с девушкой взглядом. Она избегала смотреть на его пах.

На парне не было ничего, только кровь покрывала его кожу с ног до головы. Пальцы Рэйва осторожно сжали ошейник, пытаясь разорвать его.

— Извини, детка. Мой брат просто хотел убедиться, что ни один из этих мудаков тебя не изнасиловал. Я предполагаю, что они этого не сделали, иначе он бы сейчас сходил с ума. — Рэйв склонил голову, чтобы заглянуть за ее спину. — Он перекидывается. Дай ему минуту. А пока давай снимем с тебя эту гадость, — он потянул ошейник и слегка коснулся ее шеи пальцами.

Его прикосновение заставило ее закричать от боли.

Она закрыла глаза и делала неглубокие вдохи, пытаясь уgomонить странную боль во всем теле.

Желание пронзило её так, что ей пришлось стиснуть зубы, чтобы не застонать в голос, лишь прикосновения его пальцев зажатых между ее горлом и ошейником, Рэйв пытался расстегнуть его. Тяжелый вес навалился на нее сзади и руки схватили за бедра. Она вздрогнула, глаза в панике забегали по сторонам.

— Это Антон, — Успокоил ее Рэйв, вдруг он нахмурился, принялся и побледнел. — Черт, — парень, резко отскочив от нее, упал на задницу.

— Что они с тобой сделали? — Рык Антона испугал ее, девушка опять задрожала.

Теперь, когда чертов ошейник сняли, она смогла повернуть голову. Картина, представшая ее глазам, заставила содрогнуться. Антон находился позади нее, держась руками за ее бедра. Ярость исказила черты его лица... сверкали смертельно опасные клыки. Кровь была размазана по всему телу. Но как, ни странно Шеннон не боялась.

— Они изнасиловали тебя? — Он начал дышать быстрее, глаза поменялись достаточно, чтобы проглянул его волк. — Я успел вовремя? Они ничего не сделали с тобой?

Шок и боль пронзили Шеннон. Ее губы хотели сказать ему так много, но она не смогла издать, ни звука.

— Чёрт тебя возьми, Антон, — Рэйв зарычал. — Она выглядит изнасилованной? Они ее связали. Видишь веревки? Пошевеливайся! Надо снять их.

Незнакомец схватил Антона за плечо и оттолкнул. Шеннон поняла, парень родственник Антона, сходные черты и черные волосы доказывали это. Его глаза были более светло-коричневого цвета. Он заколебался.

— Не бойся. Я Бренд Харрис. Их двоюродный брат. Я собираюсь освободить тебя. Он не понимает, что с тобой случилось. Я адски постараюсь не касаться твоей кожи. Я знаю, тебе больно, и сенсорный контакт только усиливает все, делает только хуже. — Ее запах достиг его носа, парень вспыхнул и тихо застонал. — Вот дерьмо. Ты сейчас в самом разгаре.

Вдруг Антон ринулся вперед, чуть не наступив на ногу Шеннон, останавливаясь между ней и своим кузеном.

— Не трогай Шеннон. Думаешь, я не вижу, как ты на нее реагируешь? Боже! Это моя женщина, от которой твой член эрегирован.

— Проклятье, Антон. Я не собираюсь трахать ее. Я всего лишь реагирую. Чувствую импульсы. Она в самой жаркой стадии течки. Я говорил тебе, что я жил с одной из ее вида. Это не ее вина, что Шеннон так сильно возбуждает. Это не имеет ничего общего с тем, что они хотели с ней сделать. Это биология. Она ничего не может поделать со своим телом. Любое прикосновение будет адом. Просто сам развяжи ее, если не разрешишь мне сделать это. Она будет слишком чувствительна к малейшему... черт. Ты ведь не знаешь ничего о том, что ее ждет, не так ли?

— Нет, — огрызнулся Антон. — Я знаю, что ты хочешь взять ее.

— Ничего не могу поделать со своей реакцией на ее запах. Когда Чарма была в течке, это был самый лучший секс в моей жизни. Вдохнув этот запах, я вспомнил о том, что у меня было. Позволь предупредить тебя. Она так возбуждена, что малейшее прикосновение заставит ее испытать оргазм. Сейчас она в агонии. Обрати внимание на ее половые органы. Разве они не разбухли? Не истекает от желания? Они не похожи на наших женщин. Кошки... Черт, я не знаю, как объяснить тебе это, так, чтобы еще больше не взбесить. Ты должен увести ее отсюда к чертям, отвези ее домой и трахай ее в течение следующих нескольких дней. Много. Если они не в паре, некоторые из их мужчин стремятся к женщинам в течке. Женщина испытывает настолько сильную боль от потребности в сексе, что она не может их остановить или даже защищаться, чтобы вести бой. Только те, кто в паре, защищены от остальных мужчин, соблазняющих женщин в течке. Их пары — собственники и будут бороться и убивать других самцов, чтобы удержать их от связи со своими женщинами.

Кто-то откашлялся.

— Если тебе нужна помощь относительно нее. Антон, предлагаю себя. Черт, она действует и на меня тоже. А я ещё думал, что наши женщины пахнут хорошо.

Антон повернулся и взглянул на Рэйва.

— Тронешь ее, и я убью тебя, — прорычал он. — И убирайся к черту со своей эрекцией. Она моя.

— Она не будет твоей, если мы не уберемся к чертям отсюда, — заметил кто-то из оставшихся. — Я тоже развлекаюсь с эрегированным пенисом. Не кричи на меня. Это физическая реакция, Антон. Мы не собираемся даже пытаться трахнуть ее. Ты только должен признать, что она пахнет достаточно хорошо, чтобы заставить мужчину захотеть упасть на колени и зарыться лицом меж ее бедер. Я почти могу почувствовать ее вкус, и это чертовски возбуждает.

Антон развязал веревки. Девушка стиснула зубы, чтобы не застонать, когда его пальцы задели кожу. Она отказалась смотреть на него, униженная реакцией своего тела, разговором, который она

слышала и тем, что казалось, у каждого мужчины из семьи Антона эрекция на ее запах. Они также видели ее обнаженной и распластанной.

Когда он отвязал ее ноги, Шеннон сжала бедра вместе и натянула изорванную футболку на грудь, желая свернуться клубочком, спрятать тело как можно лучше и заплакать.

Боль пронзила ее, теперь... резкими ударами,... и ей не удалось подняться на ноги.

— Шеннон? — голос Антона смягчился. — Посмотри на меня.

Она отказалась. Вместо этого сфокусировав взгляд на земле. Мужчина тихо выругался и руками сжал ее бедра.

Прикосновение заставило ее закричать и кинуться вперед, она упала, и достаточно сильно ударилась о бревно, ободрав кожу. И так замерла.

— Ты такой придурок, — пробормотал Бренд. — Они собирались изнасиловать ее, а ты думаешь, она хотела этого, только потому, что ее тело в горячке. Отойди с дороги, я понесу ее.

— Тронь ее и я оторву тебе голову, — пригрозил Антон с рычанием.

Кто-то присел рядом с ней, достаточно близко, чтобы она смогла почувствовать его запах. Девушка застонала. Ее тело загорелось, а груди напряглись, соски запульсировали.

Она плотнее прижалась к бревну, грубая кора лучше, чем прикосновение одного из них.

— Прости меня, — тихо проскрежетал Антон. — Я был не в себе, хорошо? Рэйв рассказал мне, что они делают с не спарившимися женщинами полукровками, как они используют их для вынашивания потомства, и я не надеялся добраться до тебя вовремя. Знаю, что ты их не хотела. Я собираюсь тебя забрать. Примерно в миле отсюда стоит наш фургон. Нам нужно вернуть тебя на территорию стаи, пока еще больше мужчин того прайда не появится здесь, дома я смогу защитить тебя лучше.

— Я пойду, — прошептала девушка.

— Проклятье, — грубо ругнулся он сквозь стиснутые зубы. — Ты не в состоянии идти. Не борись со мной.

Мужчина отодвинул Шеннон от бревна и поднял на руки. Ее спина выгнулась дугой и она зашипела. Его теплое тело притягивало, и она свернулась у него на руках, плотно прижимаясь, уткнувшись лицом в его кожу.

Его мужской запах заставил ее застонать и изогнуться в его хватке. Руки девушки хватали Антона за плечи и грудь, ее пальцы лихорадочно массировали его кожу.

— Нам нужно идти, — пробормотал он. — Нужно торопиться. Если увижу кого-нибудь, пялящегося на ее тело, это будет последнее, на что вы вообще посмотрите.

Девушка корчилась в объятьях Антона от вибрации его тела при беге, пока он двигался, бережно прижимая ее к себе. Сексуальное желание затуманило ее мозг.

Она издавала тихие, плачущие звуки, срывающиеся с губ, а иногда урчание вибрировало в ее груди. Оно было почти плачущим.

Шеннон терпеть не могла терять над собой контроль, и было еще хуже из-за свидетелей всего этого.

— Откройте дверь, — приказал Антон. — Бренд, ты поведешь фургон и оставайся как можно дальше от нее.

— Я не собираюсь трахать ее, — огрызнулся кузен. — Это всего лишь природа. Ты тоже возбужден. Все мы.

Антон почти раздавил ее, когда наклонился, чтобы залезть в фургон. Аккуратно посадил ее на

прохладное кожаное сидение, а потом опустился рядом с ней.

Девушка отвернулась от него к окну, съежившись на сидении с подтянутыми коленками, держась в стороне от него.

Шеннон сидела на черной скамейке в быстроходном фургоне с тонированными окнами. Остальные парни забрались внутрь и двери фургона с шумом закрылись.

— Мы оденемся позже, — произнес кто-то. — Я не смогу натянуть свои джинсы в таком состоянии. Молния может защемить кожу, даже если я затолкну свой член внутрь так, чтобы попытаться застегнуть их. Опустит окна, Бренд. Также включи кондиционер. Теперь и я могу чувствовать ее запах. Почему, черт возьми, никто никогда мне не говорил, что они так пахнут в течке? Я бы давно познакомился с одной.

Антон зарычал.

— Заткнись, Брэйден. Кто-нибудь бросьте мне футболку прикрыть ее. Она дрожит.

Двигатель завелся и автомобиль тронулся. Когда Бренд резко развернулся на сто восемьдесят градусов на узкую, двухполосную дорогу, Шеннон отбросило на большое, теплое тело Антона.

Она боролась с желанием остаться там. Но попыталась вырваться, Антон обнял ее за талию, и еще сильнее прижал к себе.

— Вот рубашка. Давай оденем тебя, детка.

Она застонала. Тяжелый вес его руки как раз под ее грудью сделал ее соски еще чувствительнее, девушка рукой схватила его за обнаженную ногу и лихорадочно погладила, а затем передвинула горячую ладонь на внутреннюю часть его бедра.

Антон застонал в ответ, жаркая судорога прокатилась по нему.

— Вот дерьмо, — выругался он, отдернул от нее руку, и натянул рубашку ей через голову, стащив вниз по ее дрожащему телу.

— Черт, — прохрипел Антон. — Ты словно горишь, котенок?

Она кивнула, и ее глаза наполнились слезами. Она хотела его сейчас, нуждалась в нем и знала, что если последует за своими инстинктами, то будет умолять взять ее в фургоне, когда вся его семья наблюдает. Она никогда не забудет этого ужаса. Она не относилась к такому типу девушек. Шеннон знала женщин, которые занимались сексом на людях, но никогда не понимала, почему они делают такие ужасные вещи. Хотя она никогда раньше не была в горячке до этого. Она повернула голову и встретила его озабоченный взгляд.

— Не при них. Пожалуйста? Не позволяй мне. Я... — она поперхнулась рыданиями. — Пожалуйста?

Антон никогда за всю свою жизнь не чувствовал себя таким беспомощным, полным идиотом.

Он крупно обложился, когда обвинил ее в желании трахаться с мужчинами прайда, похитившими ее.

Он был шокирован, а потом взбешен, когда понял, какой сексуально возбужденной она была, привязанная к тому бревну.

Увидев ее привязанной, а ее тело, полностью обнаженное и выставленное на показ всем самцам, которые уставились на ее естество, он испытал вспышку ревности. Бренду пришлось расставить точки над "и".

Он знал, что брачная горячка действует на его вид, заставляя мужчин все время легкомысленно трахаться, но, кажется, у кошек дела обстоят хуже.

Самки вервольфов только хотели, чтобы мужчины отметили их. И боролись бы на смерть, если бы

другой самец попытался взять ее.

Прикосновение другого мужчины не привлекало, и заставляло нервничать на грани боли. Но Шеннон не вервольф.

Рука на его ноге сжалась, и слезы потекли по лицу девушки. Он убедился, в каком адском положении она находилась.

Он чувствовал запах ее желания, видел безумие в ее взгляде и понял, что она пыталась ему сказать. Она теряла контроль над собой, горячка лишала ее способности думать, но позже она будет унижена, если он возьмет ее на глазах у всех.

— Как только мы достигнем нашей территории, съезжай на обочину, — громко потребовал Антон. — Далеко еще?

— Десять миль, — выругался Бренд. — Она собирается сделать это? Чарма почти теряла разум. Если она только начинала чувствовать запах приближения течки, я оставался с ней дома. Всегда боялся, что у нее начнется течка, пока меня нет рядом. Могло стать так плохо, что она, возможно, напала бы на любого мужчину, дотронувшегося до нее. Мужчин бы ждал замечательный сюрприз. Я убил бы сволочь, если бы это когда-нибудь случилось.

Услышав эти новости, Шеннон зарыдала сильнее, выражением неприкрытого ужаса на лице. Это разозлило его.

— Заткнись, Бренд.

— Прости, — двигатель заревел громче, когда он прибавил газу. — Я нарушаю все скоростные режимы.

Антон застонал, когда Шеннон склонилась к нему, прилегла на грудь, и его член превратился в камень. Ее запах превратил его брачную горячку в полноценное вожделение.

Ему хотелось толкнуть ее на сидение и вонзиться в нее по самые яйца. Его руки схватили бедра девушки, удерживая на месте, где она сидела, тогда она начала мурлыкать.

Зубами она покусывала грудь Антона. От этих движений его член дернулся.

Рэйв повернул голову, пялясь на Антона.

— А мурлычат они действительно сексуально.

— Отвернись, черт возьми. Как там дела, Бренд? — Он смотрел на своего брата, пока тот не последовал его приказу.

— Еду семьдесят. Будет действительно ужасно, если нас остановит коп. Сомневаюсь, что он поймет, почему пять мужиков раздеты, а с ними девушка в ее состоянии.

— Просто возьми ее, — уговаривал Вон, разворачиваясь на сидении. — Как ты можешь терпеть? Я хочу перелезть назад и взять ее, если ты не желаешь. Это пытка слышать ее агонию.

Антон издал злобный звук.

— Отвернись.

Вон пробормотал ругательство, но отвернулся. Антон наблюдал за братьями, чтобы убедиться, что они не пялятся на Шеннон и попытался побороть желание взять ее, наплевав на то, где они были.

Он знал, что после этого она возненавидит его. Он должен быть сильным ради них обоих. А это становилось сделать все труднее, когда она вцепилась в его руки, массируя его кожу и мурлыкав.

— Пожалуйста, — умоляла она. — Это так больно.

— Мы почти приехали. Просто держись за меня.

Она попыталась двигаться, стало ясно ее стремление оседлать его, и он заворчал. Антон надеялся, что ее инстинкты заставят страх преодолеть ее жажду.

Она вскинула голову, глядя в мужчину, ее прекрасные глаза были полны такой боли, что он почувствовал себя еще большим ублюдком.

— Почти на месте. Еще несколько минут.

Она опустила лицо и снова прижалась к его груди. Ее зубы и язык терзали его все отчаяннее, покрывая его кожу поцелуями.

Шеннон замурлыкала громче, все ее тело завибрировало, лихорадочно двигаясь тела Антона там, где они соприкасались. Его яйца напряглись, а член мучительно запульсировал.

Антон боялся, что если она продолжит эту пытку, в сочетании с ее запахом, он опозорится, кончив даже не входя в нее.

— Почти приехали, — заверил Бренд.

— Просто съезжай на обочину так, чтобы никто не смог увидеть фургон, а потом гуляйте. Охраняйте нас на расстоянии. — Ему пришлось перевести дыхание и успокоиться достаточно, чтобы они могли разобрать слова. Говорить становилось труднее. — Спинами к фургону. Поняли меня?

— Ты не хочешь, чтобы мы видели, — вздохнул Вон. — Брось, братан. Ты слишком ее защищаешь.

— Она моя, — произнес Антон. — Я убью за нее.

Брэйден повернулся на сидении.

— Твою мать. Ты влюбился?

Антон взглянул на него.

— Сейчас не время обсуждать это.

— Она частично кошка. Если наши мордовороты не придут вовремя спасти отца, мать убьет его, тогда ты наш новый альфа. Ты не можешь сделать ее парой, Антон. Это разорвет стаю на части.

Вон ответил, прежде Антона.

— Хватит, Брэйден. Это второе. Если он любит ее, мы найдем способ заставить это работать на стаю. Если они не примут ее, я возьму ответственность на себя, но никогда не проси брата бросить женщину, которую он любит.

— Ты не хочешь быть главой стаи, — выдохнул Брэйден. — Ты всегда говоришь, что это чертова работа и нет причины, по которой ты ее будешь делать.

— Это было до того, как Антон влюбился. — Он глубоко выдохнул. — Я приму на себя удар, если он хочет привязать ее к себе. Его счастье — важнее.

— Спасибо, — прошептал Антон.

Вон посмотрел на него, затем на Шеннон, затем назад. — Я знал, как ты чувствовал себя, когда хотел объявить войну прайду, который забрал ее. Результаты ниже по дороге. Мы убили некоторых из их самцов.

— Они украли ее у меня.

— Точнее, мать отдала им ее, — уточнил Рэйв. Я знал, что она может быть жестокой, но это непростительно. Она была в курсе, что ты пометил свою женщину, понимала, как чертовски сильно ты будешь страдать, если потеряешь ее, подставила твою жизнь под угрозу, но ей было плевать.

Мать подвергла жизни всех нас риску.

— Мы приехали! — крикнул Бренд. — Держитесь. — Он едва нажал на тормоза, прежде чем они

свернули с дороги.

Антон, крепко держа Шеннон, схватился за кресло перед ним, чтобы удержаться на месте. Бренд остановился подальше от дороги, припарковал фургон между деревьями и заглушил двигатель.

— Мы будем охранять тебя издалека, — пообещал Рэйв, встречая взгляд Антона.

— Мы не будем подглядывать. Как ты и сказал, она — твоя. Мы уважаем это.

Рэйв кинул предупреждающий взгляд на братьев, когда они выпрыгивали из фургона. Он схватил трусы из кучи одежды, пока двери со стуком не захлопнулись.

Антон наблюдал, как они уходят, пока они не скрылись из поля зрения. И повернулся к Шеннон.

— Мы одни.

Он толкнул ее на сидение, испугавшись, когда она ахнула, руками сжав ее бедра. У него потекли слюнки при виде ее горячей, набухшего лона, влажного от желания.

Он соскользнул с сидения на колени, проклиная тесноту в салоне, когда упёрся задницей в соседнее сидение и опустил голову.

— Я тоже умираю.

Глава 14

Шеннон вцепилась руками в спинку сиденья, опасаясь съехать вниз, стараясь сохранить равновесие, когда Антон вдруг прижал ее спиной к кожаной обивке кресла, поудобней устраиваясь между бедер девушки.

Он подтолкнул ее ножки еще шире, открывая себе простор для действия. Девушка согнула их в коленях и уперлась пятками в верхний край сиденья перед собой.

— Сейчас я облегчу твою боль, котенок, — Прорычал он за секунду до того, как его язык лизнул ее от влажной распухшей щелочки к клитору.

От этой ласки Шеннон закричала. Её лоно пульсировало болью. Девушка откинула голову назад, наслаждаясь и ненавидя ощущения, которые омывали ее тело жаркими сладкими волнами. Рот Антона прижался к ее клитору, и он всосал его в себя, продолжая стимулировать пульсирующий комочек нервов, прикусывая его зубами и успокаивая языком.

Шеннон с криком кончила только от его оральной стимуляции. Кульминация разорвала на части все ее существо, жестоко, безжалостно, распространяя огонь в каждую клеточку, но боль осталась.

Антон не останавливался

Его язык скользил по набухшему бутону, пока вторая волна горячего оргазма не покатилась вдогонку первой.

Антон перестал ласкать клитор и толкнулся языком в её лоно. Он зарычал и отпрянул.

— Ты так опухла, детка, я не могу войти в тебя языком, — он заменил рот пальцем, войдя в неё им, и Шеннон закричала, стоило ему пошевелить пальцами внутри ее сжавшегося в спазме влажного канала. Антон замер на мгновение.

— Не останавливайся. Антон! Умоляю. Ты мне нужен, сейчас, — она задыхалась. — Мне так хорошо.

Он ввёл палец еще глубже, заполняя пустоту, от которой девушка страдала больше всего, и дрожала. Его пальцев было мало, ей нужен был его член, весь, больше, быстрее, сильнее, но она не могла вымолвить, ни слова. Антон начал медленно скользить пальцем в нее и из нее, доводя бедняжку почти до бессознательного состояния.

Ее бедра двигались, выгибаясь против него. Девушка окончательно потеряла контроль над собственным телом, и не могла остановить вибрирующее мурлыканье, будь она в ясном уме, такое состояние напугало бы ее до чертиков. Но сейчас под воздействием гормонов она вся была во власти похоти и огня сжигающего дотла все ее существо.

Она нетерпеливо рычала и издавала мяукающие звуки.

Он добавил еще один палец, растягивая ее, и сильный оргазм вновь сотряс тело Шеннон. Накатившее удовольствие привело ее в ужас, ощущения были слишком интенсивным, но потребность по-прежнему оставалась, независимо от того, как часто Антон приводил ее к кульминации. Просто возвратно поступающих движений его пальцев внутри ее лона оказалось недостаточно. Ей требовалось больше.

— Антон, — ее жалобный стон разрывал ему сердце.

— У меня нет с собой презервативов, — Его голос, глубокий, больше похожий на рычание волка, чем на слова человека долетел до ее затуманенного сознания.

Шеннон открыла глаза, обратив взгляд к Антону.

Голос соответствовал внешности, волк почти вырвался на свободу, частично изменив лицо Антона. Клыки слегка приподняли губы, форма глаз стала узкой, волосы частично покрыли лицо, но в остальном он все еще оставался человеком. Ее рука выпустила сиденье и ухватила за предплечье Антона.

— Ты мне нужен, — прошептала Шеннон

— Я знаю, но хочу, чтобы ты поняла, что может произойти. Если я войду в тебя без презерватива, о Боже, малышка, мне будет трудно остановиться, я почти перестану соображать, и могу потерять контроль. Я могу укусить тебя детка и связать нас навечно, могу сделать тебя беременной. Я готов рискнуть. Готов прожить с тобой жизнь. Да я бы убил за то, чтобы быть внутри тебя сейчас без защиты.

— Пожалуйста, — Повторила она призыв. — Я всё понимаю. И тоже готова рискнуть.

Его глаза заволокло черным, и он вытащил пальцы из ее лона. Антон дернул ее тело к краю сиденья, скользнув рукой под ее попку, помогая приподняться. Шеннон спиной прижалась к спинке сиденья, и он потащил ее попку к краю. Взгляд Шеннон опустился к груди Антона, потом скользнул ниже к члену. Который показался ей больше, чем обычно, кожа головки покраснела и припухла, выглядя болезненной, его член дернулся, и из щелочки выделилась капля жидкости. Антон обхватил основание члена, помогая себе войти в неё. Шеннон раньше никогда не смотрела, как парень брал ее, но в этот раз не могла отвести взгляд, заворожено наблюдая, как вожделенная плоть приближается к ее горячей пульсирующей щелочке.

Он нажал кончиком члена на ее лоно, а затем медленно вошел. Девушка зашипела в ответ на давление чего-то настолько толстого, проникающего в нее. Ощущение наполненности не причиняло ей боли, наоборот оно почти заставило ее снова кончить.

Сердце Антона грохотало глубоко в груди, из горла вырвался стон, переходящий в рычание.

— Такая горячая и тугая, — прохрипел он. — Детка, скажите мне, если я сделаю тебе больно.

Его рука выпустила основание члена, и он подхватил ее за бедра, скользя по ним рукой и обхватывая попку. Приблизился, и одним мощным рывком погрузился в нее по самые яйца. Шеннон всхлипнула и уперлась ладонками в его плечи, потребность уцепиться за него была почти непереносимой.

Экстаз пронзал ее от каждого трения и давления его жесткой плоти заполнявшей ее до краев.

— Посмотри на меня.

Глухое рычание заставило ее поднять взгляд.

Она видела, что он едва сдерживает своего зверя. Видела волка, скрывающегося в темноте его глаз.

И спрашивала себя, был ли внутри нее такой же зверь.

Чистая похоть и жажда секса почти смело его человечность, Антон вдавился в ее бедра еще сильнее, почти ломая их пополам, горячка полностью захватила его сознание, призывая следовать древнему как мир инстинкту.

— Возьми меня.

— Блять, — прорычал он, и вошёл в нее до конца.

Шеннон зарычала, откинула голову назад, и впиалась ногтями в его кожу. Ее бедра судорожно сжались.

— Еще. Сильнее. Больше, — потребовала она.

— Я не смогу остановиться, даже если бы и попытался. У тебя есть обе мои стороны, котенок.

Он почти вышел из нее полностью, а затем резко вошёл. Его мощное тело доминировало над ней, утверждая свое господство. Он трахал ее сильно и быстро, глубоко, и она отдалась полностью сладким ощущениям.

Очередной оргазм прокатился по ее телу, и Антон закричал, ощутив ее спазмы. Его бедра несколько замедлились, но спустя мгновение, когда ее спазмы ослабли, он начал снова трахать ее как безумный. Отправляясь вместе со своей любимой по волнам страсти.

Пот покрывал их тела, позволяя скользить как единое целое.

Время перестало существовать. В какой-то момент они и вовсе оказались вне него, Антон слегка отстранился от девушки, перевернул её к себе попкой, поставил на колени и прижал ее тело к кожаным сиденьям.

Шеннон отцепила от него руки и захватила спинку сиденья, держась за гладкую кожу, когда он склонился над ней.

Мужчина вошел в нее сзади, быстрым отчаянным толчком, и она закричала, когда другая, более сильная кульминация пронзила ее насквозь, от ощущения новой позиции.

Я не переживу это, ее разум просто рыдал. Антон работает в ее лоне с невероятной скоростью, трахая с такой интенсивностью, что должно было напугать ее, но Шеннон не боялась и хотела большего. Другая волна удовольствия пронзила ее молнией.

Горло Шеннон болело от издаваемых ею звуков, но сейчас для нее имел значение только экстаз прокатившейся по всему телу. Руки Антона схватили ее за бедра, чтобы удержать на месте, когда она пыталась отодвинуться.

— Шеннон, — простонал он. — Черт, — Антон заревел, немного замедлился, и ощутил, как его сперма выплеснулась внутри нее и вызвала у девушки второй вал кульминации.

— Больше, — прошептала она.

В ответ Антон вновь начал двигаться внутри нее, на этот раз медленнее, и ей казалось это пыткой, сладкой, мучительной пыткой.

Она вцепилась в сиденье когтями, и толкнулась к нему спиной, вбирая его в себя еще глубже, разрушительный оргазм тут же сотряс ее тело мощнейшими спазмами.

Черные пятна мерцали перед глазами девушки. Головокружение от оргазма почти лишило ее сознания, но вскоре Антон задвигался быстрее, наращивая темп, увеличивая скорость, именно так, как она и хотела, и ее нужда преодолела истощение.

Антон взвыл, сильнейший спазм прошел через его тело, выплескивая в нее свою сущность, его освобождение вызвало еще один оргазм в ее усталом теле, и на этот раз Шеннон не смогла бороться с головокружением. Обессиленная девушка задыхаясь, упала на спинку сиденья и, наконец, то боль сжигавшая изнутри прекратилась. Нужда медленно исчезала.

— Шеннон? — Нотка тревоги прозвучала в его голосе.

— Я в порядке, — она обернулась к нему и успокаивающе улыбнулась. — Устала. И мне больше не больно.

Он наклонился к ее спине, проведя ладонями от бедра к грудям, приласкал их, и нежно поцеловал Шеннон в плечо.

— Я позабочусь о тебе. А сейчас отдыхай, ладно?

Шеннон кивнула и хотела повернуться, чтобы прижаться к нему, но не смогла даже сдвинуться с места, сил хватило только на, то чтобы закрыть глаза и провалиться в темноту. Мягкие проклятия Антона было последним, что она услышала.

Каждый мускул в теле Антона ныл и болел. Он уже пережил много спариваний во время брачных сезонов, но, ни одно не было столь изнурительным и таким чертовски приятным, как в этот раз, с Шеннон.

Он поднял спящую девушку на руки, и устроил удобней на сиденье, стараясь не зажать спиной ее волосы.

Она выглядела такой бледной, он чертыхнулся, проклиная горячку. Антон совсем забыл, что Шеннон больше человек, чем оборотень.

Он потянулся к рубашке, которую сорвал с нее во время секса, и прикрыл хлопком ее обнаженную грудь.

Повернул голову, осмотрел фургон, и нашел кучу одежды, которую он и его братья сорвали с себя перед обращением, когда преследовали стаю пум похитивших Шеннон. Остались только рубашки и штаны.

Он, схватив рубашку Рэйва, накинул сверху на девушку, прикрывая ее бедра. Насыщенный запах секса внутри фургона заставил его застонать. Его член дернулся, и он поморщился от жесткости своего приятеля.

— Лежать, черт возьми. Ты точно смерти моей хочешь.

Натянув брюки и кое-как, запихнув внутрь свой непослушный член, он застегнул штаны, и открыл боковую дверь. Потом раскрыл все двери, чтобы проветрить внедорожник Вона. А затем издал низкий свист, зная, что его семья услышит сигнал.

Через несколько минут его братья, и двоюродный брат вышли из леса со всех сторон.

— Что-то вы быстро, — усмехнулся Бренд.

— Быстро? — Фыркнул Брэйден. — Я думал, что мы сегодня под открытым небом заночуем. Вы тут кувыркались часа три не меньше. Даже солнце уже садится.

— Заткнись, — Буркнул Рэйв. Он обратил все внимание на Антона. — Она в порядке?

— Шеннон спит. Моя девочка не так сильна, как мы. Потеряла сознание от истощения.

Бренд вытащил ключи от джипа из переднего кармана.

— Она будет в течке в ещё несколько дней. Корми ее, когда она проснется, пусть отдыхает как можно больше, между приступами и сексом, и не оставляй ее ни за что одну. Если ты будешь рядом, когда опять начнется приступ, она придет к тебе. Если тебя не будет рядом... — Он сделал паузу. — Это будет не ее вина, если боль лишит ее разума и заставит найти другого мужчину. Природа возьмет над ней верх, и она не будет понимать, что творит.

Ярость захлестнула Антона, стоило ему представить, как кто-либо другой прикасается к Шеннон. — Этого никогда не случится.

Бренд изучающе посмотрел на брата.

— Я верю тебе. Это были худшие опасения Чармы. С ней такого никогда не было, но она слышала рассказы других женщин, если не было постоянного партнера, брачный сезон сводил их с ума, лишая рассудка и памяти, а когда приходили в себя после худших дней течки, бывало что оказывались в постели с совершенно незнакомыми людьми. Есть таблетки, они могут уменьшить симптомы, но я не знаю, где их достать. Она возбудится, но сможет управлять собой. Есть также таблетки для кошек, для предотвращения беременности.

Брэйден застонал.

— Беременность? А это вообще возможно? Она пума, а ты волк.

Бренд пожал плечами.

— Она в основном человек, а мы знаем, что можем размножаться с ними.

— Это был бы кошмар, — пробормотал Брэйден.

Ярость вскипела под кожей Антона, и он угрожающе шагнул к младшему брату.

— Завали пасть, Брэйден, иначе твоя физиономия познакомится с моим кулаком. Если Шеннон беременна, я буду чертовски рад этому.

Рэйв отвесил младшему брату увесистый подзатыльник.

— Тупица. Возможно, у тебя появится племянник или племянница, а ты называешь это кошмаром.

Ты говоришь прямо как наша мать.

Брэйден вздрогнул.

— Извини.

— Отвезите нас домой. Надо узнать все ли в порядке с отцом, и я хочу разбудить Шеннон в своей постели, — Антон взглянул на свою семью. — Спасибо, что помогли мне найти ее во время.

— Мы братья, — Рэйв улыбнулся. — И я знаю, если бы мне нужна была ваша помощь, вы были тоже пришли.

— Вы, могли бы сначала спасти отца..., — Волновался Антон.

Рэйв заколебался.

— Он знал, какой лживой может быть наша мать. Но все равно ее защищал, как свою супругу. Твоя женщина невинная жертва в этой истории, и там были другие волки, чтобы помочь папе. Это было не просто для меня.

— Мы братья, и это все, что у нас есть, и мы должны охранять порядок, — Напомнил им Вон, — Мы должны помогать друг другу, даже если заняты. Я просто рад, что мы нашли Шеннон, — Он бросил любопытный взгляд на Рэйва. — Как ты узнал, куда они ее повезут?

— Я говорил вам, что работал под прикрытием, болтался в байкер-баре, который расположен на

границе наших земель. И слышал все это дерьмо о местном прайде, наших соседях. У них была назначена встреча в наших лесах, возле какого-то дерева и у них был какой-то журнал, — Он пожал плечами. — Я сразу вспомнил о подслушанном разговоре, и подумал, что было бы наиболее логичным для них, увезти ее именно в то место. И чертовски рад, что они оказались настолько предсказуемы. В противном случае, нам бы пришлось захватить одного из их прайда, чтобы выпытать сведения о её расположении, и тогда было бы слишком поздно.

— Я обязан всем вам, — с благодарностью прошептал Антон.

— Хочешь, чтобы я отвесил тебе подзатыльник следующему, потому что ты такой придурок? — Рэйв усмехнулся.

— Заткнись. Единственное, на что я злюсь, так это на то, что я в горячке, и ты убьешь меня, если я прикоснусь к единственной женщине в миле от нас. Пойдем. Меня ждет моя женщина дома, и вероятно, она зла как черт, потому что заставляю ждать себя.

Антон поднялся обратно в джип и сел на сиденье рядом с Шеннон. Ее дыхание было медленным и устойчивым. Он встретился взглядом с Рэйвом, когда тот упал в кресло перед ним.

— Она красивая, братан. Я вижу, как ты смотришь на нее. Не позволяй политике испортить ваше счастье.

— Я серьезно предложил свою помощь, — вмешался Вон. — Не хочу, забегать вперед, но если ты повяжешь ее, и стая не примет этого, я готов заменить тебя, готов занять место вожака вместо, после того как отец отойдет от дел. Твое счастье на первом месте, брат, помни это.

Благодарные эмоции переполняли Антона.

— Спасибо.

Вон пожал плечами.

— Всегда, пожалуйста, хотя у меня тоже есть личная жизнь. Кроме того, не думаю, что наш отец уйдет в отставку в ближайшее время. Он сильный и здоровый. Он держал стаю в течение десятилетий, — Вон сделал паузу. — Ты повязал ее? Я не чувствую запах крови, хотя для того что бы ваш запах изменился еще слишком рано.

— Я вообще не чувствую никакого запаха, кроме секса, — ворчал Брэйден, — Это означает, между прочим, что я в горячке тоже. И испытываю адский дискомфорт, от того, что мой член согнут под странным углом в брюках. Жаль, что я одел их, когда мы отправились в лес.

Рэйв фыркнул.

— Я слышал твое тяжелое дыхание. Так что не вешай нам тут лапшу на уши, штаны ты все же снимал. — Он подмигнул. — Как твои ладони, Брэйден? Мозоли не натер?

— Заткнись, — Брэйден покраснел. — Можно подумать вы не занимались тем же. Я тоже слышал вас.

— К слову о контроле, — Вон хихикнул. — Моя женщина ждет меня. Так что я не дрович. Предпочитаю полноценный реальный трах.

Бренд завел джип и выехал из леса на дорогу и нажал на газ.

— Не дай им запугать тебя Брэйден. Меня тоже ждет дома женщина, и ты был не одинок, — он повернул голову и улыбнулся. — Я тоже слегка передернул затвор. Это помогает держать мои бицепсы в тонусе, даже если одна рука станет больше другой, — Бренд засмеялся. — Помни об этом. — И шутник обратил все свое внимание на дорогу.

— Черт, — Антон застонал. — Хорошо, что Шеннон спит. Она бы со стыда сгорела, слушая ваши шуточки. Так что хватит трепаться, держите язык за зубами, не хочу, чтобы она узнала обо всем. Пусть думает, что вы ничего не слышали. — Он усталился на Брэйдена. — А тебе лучше представлять другую женщину в своих фантазиях.

Его брат снова покраснел.

Антон зарычал и бросился на Брэйдена. Рэйв схватил его и оттолкнул назад к спинке сиденья.

— Не обращая внимания на этого балбеса. Он еще ребенок.

— Мне двадцать пять, — возмутился Брэйден. — Я взрослый.

— Но не слишком умный, чтобы думать о женщине своего брата, когда дрожишь, — усмехнулся Вон. — По крайней мере, научись врать.

Рэйв рассмеялся и, отпустив Антона, расслабился и откинулся на спинку сиденья.

— Тупица.

— Пошел ты, — зарычал Брэйден обиженно.

— Только после тебя, — отстреливался Рэйв.

— Просто отвези нас домой, — Антон повернул голову, чтобы посмотреть на Шеннон. — И потише, Бренд. Не хочу, чтобы она проснулась из-за того, что ты соберешь все ямы на этой проклятой дороге. Он проигнорировал своих братьев, и сфокусировал все внимание на спящей рядом женщине.

Зазвонил, чей-то сотовый. Вон привстал и выдернул его из заднего кармана.

— Вон, — он слушал некоторое время, потом обронил краткое. — Спасибо, — и отключил аппарат.

— Кто это был? Есть новости от наших?

— Это папа. Наши бойцы нашли его с нашей матерью, прервав на самом интересном. И мягко говоря, он был не очень доволен, особенно, когда ему рассказали о предательстве матери. Он хочет, чтобы мы немедленно вернулись домой.

— Высадите меня у моего дома, — попросил Антон. — Сейчас Шеннон является моим приоритетом. А разборки потом.

Вон заколебался.

— Это был прямой приказ. Он хочет, чтобы все приехали. И она тоже.

— Мне все равно.

— Антон, не делай этого. Отец в ярости. Ты бы слышал его. Ты его сын, вероятно, его любимый сын, тебя с рождения готовили к тому, чтобы занять его место, и он только узнал, что его супруга и мать его детей предала вас обоих. Он нуждается в тебе, во всех нас. Ты можешь взять ее с собой. Скажем Бренду, чтобы не выпускал ее из виду. Если у нее опять начнется приступ, ты сможешь отвести ее к себе в старую комнату в доме. Мы все понимаем, все поймут, это брачный период.

— Хорошо. Остановись для начала у моего дома. Надо привести себя в порядок и одеться, прежде чем идти в дом родителей. Он сказал, сколько членов стаи там собралось?

— Нет, — Вон сунул телефон обратно в карман. — Бренд, ты слышал, останови сначала возле бара.

— Понял, — Бренд вздохнул. — Помните, времена, когда наша самая большая проблема заключалась в том, что мы забывали запасти достаточное количество презервативов на это время года? М-да. Все казалось менее сложным, когда мы были моложе.

Антон смотрел на Шеннон.

— Я не откажусь от нее ни за что на свете. Я нашел то, что искал всю свою жизнь.

— Дерьмо, — застонал Брэйдэн. — Он собирается повязать ее. Великий Боже. Кошка в семье. Я могу только представить себе, какие шутки придумают мои друзья, из-за твоей киски, что бы посмеяться надо мной.

Антон улыбнулся, когда услышал звук подзатыльника и приглушенное проклятие Брэйдена. Рэйв снова приложил к нему руку. Некоторые вещи никогда не изменятся.

Глава 15

Шеннон проснулась, когда Антон заставил ее принять душ вместе с ним. Боль, которую она испытывала во время горячки притупилась.

Ее мышцы болели, но душ помог. Антон помыл девушке волосы и тело, своими большими, нежными руками, ухаживал за ней.

— Нам придётся пойти в дом моих родителей. Прости, что пришлось тебя разбудить. Моя семья ждет нас снаружи, — быстро помыв голову, мужчина выключил воду. — Как ты себя чувствуешь? Щека немного болела после удара Марка. Все еще чувствовалось жжение, но Шеннон не упомянула об этой боли.

Антон пострадал гораздо хуже, судя по его ранам и ушибам, нанесённым во время её спасения. Поэтому ей не хотелось жаловаться на что-то банальное.

— Болезненно, но не больше чем всё моё тело.

— Как сказал мой кузен, который кажется, знает все о твоём виде, такое состояние может длиться днями. Если ты почувствуешь горячку, сразу же скажи мне. Я нужен тебе сейчас?

— Я немного возбуждена. Ты, похоже, тоже, как я посмотрю, но сейчас я в порядке. Боли нет. Подожду тебя здесь, пока ты не вернёшься из родительского дома.

Антон передал девушке полотенце.

— Нет. Одну я тебя не оставлю.

Поднялся страх.

— Думаешь, те идиоты вернутся за мной?

Он заколебался.

— Не хочу, чтобы твоя горячка вернулась, пока меня нет рядом, чтобы позаботиться о тебе.

В памяти всплыли, слова, его кузена и Шеннон уставилась в пол.

— О. Ты думаешь, я нападу на кого-нибудь. — Ее охватило унижение. — Я пойду с тобой.

Рука сжала ее подбородок, заставляя, поднять вверх голову и встретится с ним взглядом.

— Я не имел ввиду то, что сказал в лесу. Я ревновал и боялся, что они причинят тебе боль. Я говорил тебе, что когда оборачиваюсь, то больше волк, нежели... я. Знаю, ты не хотела, чтобы они тебя трахали. Мой волк чуть с ума не сошёл.

Ее глаза наполнились слезами.

— У меня даже не было романа на одну ночь. Разве это возможно, что я разрешу кому-нибудь прикоснуться ко мне, пока я в течке?

— Не знаю. Мы никогда это не выясним. Ни один мужчина больше не подойдет к тебе, когда ты уязвима. Только я.

Ее рот приоткрылся, но девушка сдержала слова.

— Что?

Шеннон облизнула губы.

— Что на счет следующего раза? Когда тебя не будет рядом. Я имею ввиду, что если я похожа на кошку, это все вернется, если те гормоны, которые они мне вкололи, спровоцировали большие изменения или пробудили пассивные гены.

Антон напрягся.

— Гормоны?

— Они вкололи мне дозу, чтобы ускорить течку. Хочется думать, что гормоны уже растворились в моей системе, и такого действия не окажут. Очень надеюсь, что всё-таки причина в гормонах.

Никогда больше не хочу проходить через это снова. Это очень болезненно, быть в полной горячке.

Не уверена, что ещё раз вытерплю такую агонию.

— Обсудим это позже. Нам нужно одеться и идти в дом моих родителей.

Шеннон взглянула на его член.

— Ты возбужден.

— Ты обнажена, а у меня сезон спаривания. Так и останусь. Пока я могу себя контролировать. Могу потерпеть несколько часов, пока потребность не станет слишком сильной. К тому времени уже будем дома.

Шеннон бросила полотенце и опустилась на колени против мужчины. Антону пришлось отпустить ее лицо. Девушка увидела, как его глаза, распахнулись от удивления, когда она облизнула губы.

— Ты позаботился обо мне. Теперь моя очередь позаботиться о тебе.

Его член затвердел еще больше, поднятый прямо вверх, а желание заставило его мягко рыкнуть на Шеннон.

— Они ждут нас, — он сделал паузу. — Но я не говорю "нет". — Губы изогнулись в усмешке. — Им не повредит поучиться терпению.

Она заколебалась, проведя рукой по его бедру, лаская кожу, потом обвила пальцы вокруг его члена.

Для такого столь сильного мужчины, кожа оказалась бархатисто мягкой.

— У меня нет большого опыта в этом.

Антон откинул её волосы назад, через плечо.

— Открой рот и возьми меня. Ты не можешь сделать это неправильно. Мне нравится все, что ты делаешь.

Ее губы приоткрылись, и Антон наклонился ближе. Приспосабливаясь, Шеннон притянула его к своим губам.

Ее язычок выскользнул, обведя край головки. Антон тихо застонал, и Шеннон смелее открыла рот, чтобы вобрать в себя всю его длину.

Потом снова провела язычком по головке,... облизала, играя язычком с самым кончиком головки,... взяла его в рот, погрузила до конца,... губы плотно обхватывают ствол,... язычок двигается вокруг головки,... пальцы перебирают яйца. Снова выпустила член изо рта, и провела языком вдоль ствола... до яичек,... облизала их,... снова вверх по стволу коснулась кончиком языка головку.

Шеннон помнила основы, хотя прошли годы с тех пор, как она делала, минет. Ей не слишком понравились те несколько раз, когда она пыталась.

Ее экс-бойфренд всегда душил ее, хватая за затылок в попытке заставить взять больше, чем она могла.

Антон же так не делал. Он держал ее за волосы, но всего лишь, чтобы они не мешались. Его бедра не

двигались вперед. Он держался очень неподвижно.

— Продолжай медленно, — потребовал мужчина.

Шеннон снова взяла член в рот, и резко, проглотила до самого упора, ... посасывая и плотно прижимая язык к нёбу. Казалось, что член стал ещё жёстче и больше, Антон тяжело задышал, еле сдерживаясь. Она взяла его больше, чувствуя себя увереннее от того, что смогла справиться со всей его длиной. Ее рот наполнился вкусом, великолепным мужским ароматом, и она застонала, двигаясь быстрее, желая большего.

От чего сама сильно возбудилась. Соски затвердели, желание накрыло с головой. Влага начала стекать по внутренней поверхности бедра.

— Твою мать, — простонал Антон. — Помедленнее, Шеннон. Я не могу кончить тебе в рот. Боюсь, что задушу тебя. В горячке мы имеем обыкновение кончать сильнее и дольше.

Девушка достаточно сильно хотела попробовать его вкус, чтобы рискнуть и проигнорировала предупреждение. Двигалась быстрее, вбирала его глубже и с упоением сосала.

Внезапно Антон остановил ее, мягко потянув за волосы и запрокидывая голову Шеннон назад. Его член выскользнул из ее голодного ротика и девушка недовольно застонала. Она уставилась на него в смущении.

Антон опустился перед ней на колени, обхватил за талию и легко перевернул к себе спиной.

— Теперь нагнись и хватайся за край раковины, — прорычал он.

Не успев толком ухватиться за раковину, Шеннон вскрикнула, когда мужчина быстро и жестко вошел в нее сзади.

Его член растягивал ее, посылая экстаз от нервных окончаний прямо в мозг, когда он вонзался глубоко в нее, руками держа за бедра.

— Держись крепче, — проскрежетал он.

Он вбивался в нее сзади, яростно трахая и звук их учащенного дыхания и совокупления наполнял маленькую комнату.

Шеннон опустила голову, удовольствие затопило ее, и мышцы влагалища сжались в ожидании приближающейся разрядки. Никто и никогда не заставлял её чувствовать так, как это мог Антон.

Антон одной рукой держал Шеннон за плечо, другой скользнул между ее раздвинутыми бедрами.

Прижав два пальца к клитору, он начал ласкать его, и жёстче трахать Шеннон. Оргазм обрушился на неё всепоглощающим удовольствием.

Мир взорвался вокруг нее в экстазе.

Тяжелым телом Антон прижался к ее спине и, не сдержавшись, зубами схватил за плечо.

Его зубы сжали её кожу, посылая еще больше экстаза по всему телу Шеннон, и Антон зарычал.

Он слегка отстранился от нее, выпустив из захвата зубов нежную плоть, а затем громко взревел ей на ухо, почти оглушив, и в то же время его тело яростно дернулось внутри нее. Девушка почувствовала, как ее чрево наполняется его освобождением, и эти ощущения накрыли ее с головой, новой еще более сильной волной удовольствия.

С каждым рывком бедер он еще больше наполнял её своей сущностью. Ощущая как теплые струи спермы распространяются внутри нее, вызвало у девушки улыбку от полного удовлетворения.

— Блять, — простонал он. — Я почти сделал это. Мы должны поговорить после того как вернемся из дома моих родителей.

Шеннон повернула голову, и посмотрела в его прекрасные глаза.

— Ты собирался повязать меня? Мы не пользовались презервативом.

Антон не отводил от нее взгляд. Их лица почти соприкасались друг с другом, когда он склонился над ней, их тела тесно прижимались во всех возможных и невозможных местах, и его пальцы облегчали боль на ее пульсирующем клиторе.

— Да. Я хотел повязать тебя, и сознательно не использовал презерватив на этот раз, хотя он был у меня под рукой.

Она не знала, что сказать. Разочарование, от того что он не укусил ее, было не тем, чем она хотела поделиться.

Остаться с Антоном, не смотря на то, что они почти не знали друг друга, неплохая идея. Она влюбилась в него. Она держала это в секрете, уверенная, что он, как всякий нормальный парень, убежит, только услышав слово на букву "Л"

«Это просто секс», сказала она себе . «Он взял на себя обязательства передо мной на время брачного периода. А когда все закончится, захочет, чтобы я ушла. Он оборотень, а я нет. Он будущий альфа своей стаи и я не должна забывать об этом».

— Давай примем душ, а то нас уже заждались. — И добавил с сожалением, скрестив руки на груди. — Поговорим об этом, когда вернемся, — затем осторожно вышел из неё и отстранился.

Шеннон разочарованно вздохнула, ненавидя, когда их тела не были связаны между собой.

Она любила чувствовать себя частью Антона. Она просто любила его. Он спас ее от своей стаи, от прайда пум, всегда заботясь о ней.

Другими словами... Антон сделал для нее больше, чем любой другой парень, с которым она когда-либо встречалась. Он заставил ее чувствовать себя в безопасности и под защитой. Особенной. Сексуальной.

Быть рядом с ним, жить для него, постоянно чувствовать его, любить его — это все что она хотела.

Он знал, что она оборотень только на четверть, и принял ее, несмотря на это, и подарил ей так много удивительного, умопомрачительного секса. Он дал ей так много.

Антон встал и протянул к ней руки.

— Давай, вставай котенок.

Она позволила ему поднять ее на ноги. Он отпустил ее, включил снова воду, и встал под душ.

Шеннон заколебалась.

Когда мы вернемся, он скажет, что у нас не может быть длительных отношений, и долгосрочных перспектив? Напомнит мне, что у кошки и волка никогда не могло быть нечто большее, чем просто любовная интрижка? Ей было больно думать об этом, такие мысли буквально разрывали на части.

— Заходи вода теплая, — он ласково улыбнулся ей, освобождая место рядом с собой.

Ее сердце растаяло еще больше. Девушка встала под душ рядом с Антоном, позволяя воде течь по ее телу. Через несколько минут они вышли, вытерлись мягкими махровыми полотенцами, и Антон одолжил ей пару своих тренировочных брюк и футболку.

— Все будет в порядке милая. — Заверил он, глядя на нее темными глазами. — Ты же знаешь, что рядом со мной ты в безопасности, я никогда и никому не позволю причинить тебе боль. Я не знаю, сколько членов нашей стаи может быть там, но моя мать будет обязательно. Но я и близко не подпущу её к тебе. Верь мне детка.

— Ладно. — Она всецело доверяла своему волку. — Знаю, что она ненавидит меня, после увиденной сцены здесь недавно. Твой отец в порядке?

— Мы должны идти. Мой отец не пострадал. Мать наврала о том, что он ранен, чтобы выманить меня отсюда. Это из-за нее те мудаки узнали, где ты находишься. — Он поморщился. — Она позвала их на нашу территорию, чтобы избавиться от тебя. И она заплатит за это. Мой отец уже разгребает все-то дерьмо, что она заварила, и она увязла в нем по уши, поверь мне. Отец убедится, что бы такое никогда не повторилось. Мне нужно поговорить с ним, и он ждет нас. Пойдем малышка, не бойся. Все будет хорошо.

Она кивнула, подняла подбородок и храбро улыбнулась ему. Он вывел ее из квартиры, вниз по лестнице, и они вышли из закрытого бара через заднюю дверь. Они шли, молча, хотя у Шеннон возникло много вопросов.

Белый фургон ждал их снаружи, все его братья терпеливо ожидали их возвращения. Она смущенно отводила глаза в сторону и старалась не смотреть на них.

Ее смущало, то, что эти люди знали, чем она и Антон занимались все это время. Девушка покраснела и забралась в фургон, Антон последовал следом и устроился рядом на сиденье, успокаивающе обнял, и прижал ее к себе.

И каким образом Антон доставил ее от фургона до своей квартиры, внезапная мысль пришла ей в голову.

Ей действительно не хотелось этого знать из-за страха, что ответ может заставить ее чувствовать еще более неловко, но надеялась, что он прикрыл ее тело вместо того, чтобы нести обнаженной на глазах у всей семьи.

То, что она обнаженная была привязана к тому бревну... уже достаточно плохо.

Антон сидел рядом с ней, держа за руку. Девушка вцепилась в него, когда грузовик завелся. Встреча с его матерью была не самым приятным опытом, а теперь она должна встретиться с его отцом.

Альфы самые пугающие из всех вервольфов, известные своей порочностью и жестокостью. Если опираться на то, что ее отец рассказывал матери, то альфы использовали страх и насилие, чтобы держать стаю в узде.

Неожиданно, вина сразила ее. Она не звонила маме уже несколько дней. Хотелось избежать лжи. А правда о том, что она живет с вервольфом, под его защитой, возможно, вызовет остановку сердца.

— Что случилось? — Антон выглядел обеспокоенным. То, что он, кажется, был настроен на ее чувства, заметил ее страдание, вызвало у нее улыбку.

— Думала о том, как моя мама будет шокирована, если узнает, где я и куда собираюсь. Она всю жизнь пугала меня встречей с оборотнями.

— Всё будет хорошо, — ответил Рэйв с места перед ними. Он повернул голову и оскалился. — Никто не собирается обижать тебя. У тебя есть пять лучших бойцов стаи. Думай о нас, как о личных телохранителях, — подмигнул он — Конечно, только Антон должен действительно вертеться вокруг тебя.

— Рэйв! — Антон предупредил мягко.

Мужчина засмеялся.

— Что? Я всего лишь пытаюсь дать ей понять, что нечего опасаться. Никто не начнет никакого дерьма, пока мы ее окружаем.

Антон раздраженно нахмурился. Сжал руку Шеннон.

— Все будет в порядке. Отец намного приятнее, чем мать. Мой старший брат спарился с человеком, и отец поддержал решение Грэйди. Моей маме это нисколько не нравится, но она много чего ненавидит.

— Ты можешь повторить это, — пробормотал Рэйв. — Мне было запрещено даже встречаться с человеческой женщиной. — Он скорчил гримасу Вону. — Ему спасибо.

Усмешка Вона увяла.

— Забудь об этом.

Шеннон взглянула на Антона, поколебавшись, он ответил

— Вон влюбился в человека, но ничего не вышло.

— Я сказал, оставь это, — потребовал Вон. — Это никогда не обсуждается.

Любопытство грызло Шеннон, но никто явно не стремился поговорить на эту тему. Должно быть, для Вона это болезненные воспоминания. Она представляла, как могла обидеть его человеческая женщина.

Остаток пути к уединенному дому, окруженному лесами, никто не разговаривал.

Дом выглядел красивым и вполне нормально. Шеннон не была уверена, что ожидала увидеть, но точно не ранчо среднего класса.

Грузовик остановился и все вылезли наружу. Антон крепко держал девушку за руку.

— Если ты испугаешься, — он наклонил голову, вперившись в нее взглядом, — не отходи от меня.

Хватайся за меня. Лучше я тебя буду держать, чем спускаться с потолочной балки. — Усмешка смягчила его слова. — В доме несколько членов стаи. Не слишком много, но я чую запах, по крайней мере, десятерых. Нечего бояться, котенок со мной ты в безопасности.

Она вздрогнула.

— Не отпускай меня, на всякий случай. Клянусь, я умру от смущения, если мои инстинкты заставят меня сделать что-то унижительное перед вашим отцом.

— Детка, ты контролируешь себя все лучше и лучше. Гляди, ты ехала в фургоне, набитым волками, и ты совсем не боялась.

— Ты прав! — ее настроение поднялось, она почувствовала себя более уверенно, что не сделает ничего такого, о чем будет потом жалеть.

Он хмыкнул.

— Возможно, твоя пума начинает думать как вервольф, приспосабливаясь к моему запаху.

— Не думаю. Когда те парни из прайда пришли за мной в твою квартиру, я испугалась, но мои инстинкты не отзывались так, как обычно на твой вид. Это действительно раздражает. Хотелось сбежать, и я пыталась это сделать, но у меня нет навыков ниндзя.

Гнев омрачил его красивые черты лица.

— Должно быть это течка. В них ты узнала пум. — Последнее слово он прорычал, действительно волнуясь.

Шеннон посмотрела на него в изумлении, неуверенная, что вывело его из себя, но Антон, разъяренный, полностью свихнулся.

Мужчина сделал несколько глубоких вдохов.

— Я ревную. — Он успокоился, приобретая контроль над своим самообладанием. — Чувствую

своего волка, что он хочет и как он реагирует на вещи, даже когда я в облике человека. Интересно, кошка внутри тебя предпочла, чтобы ты была с одним из тех засранцев, похитивших тебя? Ты слишком человек, чтобы контролировать гены пумы, но реагируешь только на инстинкты, которые ей присущи.

Пришло понимание и она, смотря ему в глаза, подошла ближе.

— Как ты заметил, я слишком человек. Я не могу чувствовать кошку внутри себя. Это всего лишь я с некоторыми сумасшедшими страхами, на которые я реагирую. Антон, ты — единственный мужчина, которого я хочу.

Он обнял ее за талию, притянув к себе, и поднял ее руку, чтобы поцеловать костяшки пальцев. Улыбнулся.

— Не хотелось бы нарушать идиллию, — мягко прервал Вон, — но нам нужно внутрь. Они ждут.

— Знаю. — Антон опустил ее руку. — Пошли.

Он выпустил ее талию, отступил назад, но достаточно крепко схватил за руку, что бы Шеннон знала, ей не вырваться на свободу, если запаникует.

Она следовала за ним по пятам, когда они вошли в симпатичную гостиную, а потом прошли к дальней части дома, мимо двери с видом на лестницу, ведущую вниз.

Рэйв и Вон держались перед ними, а Брэйден и Бренд позади.

Кушетки и стулья были заняты группой мужчин, повернувших головы и разглядывавших их.

Страх пронзил Шеннон, когда она посмотрела на вервольфов в человеческом обличье, в подтверждение, что все они точно были ими, её нос зачесался.

Ей захотелось спрятаться за Антона, когда он остановился на верхней ступеньке лестницы, но она пересилила это стремление и осталась стоять рядом.

Вздернула подбородок, когда вдруг из коридора в конце комнаты вышел мужчина.

Одного взгляда на знакомые черты хватило, чтобы понять, что перед ней — отец Антона, но он не выглядел на свой возраст, даже на сорок.

— Отец. — Рэйв заговорил первым. — Мне так жаль, что мать сделала такое.

Мужчина был немного нездоров. Черные, косматые волосы, спадающие, на его плечи имели неопрятный вид, а темные круги под глазами делали его взгляд обеспокоенным.

Он сосредоточил внимание на Шеннон и, хотя она не ощущала враждебности, казалось, он не был бы рад увидеть ее еще раз.

— Это она? — угрюмо проскрежетал он.

Антон напрягся.

— Да. Это Шеннон Альверс. Она всего лишь на четверть пума. Пап, она не может оборачиваться.

Она не угроза кому-либо из присутствующих здесь.

— Я — Элрой Харрис. — Пауза. — Я возглавляю стаю Харрисов. Во-первых, хочу извиниться за то, что наши щенки напали на тебя и втащили в наш мир. Этого не должно было случиться. Я не прощаю нападение на кого-либо без причины и, особенно, на женщин. Уверен, ты воспитывалась, слушая ужасные рассказы о нашем виде, но мы не хладнокровные убийцы.

— Спасибо. Приятно познакомиться с Вами, мистер Харрис. — Она говорила тихо из-за образовавшегося в горле комка. Она никогда не ожидала от него извинений.

Его бровь поднялась.

— Я бы не назвал это приятным. Мы точно не были дружелюбны по отношению к тебе... за исключением одного из нас. — Он перевел свой темный взгляд на Антона. — Кажется, мой сын проявляет огромный интерес к твоей персоне.

— Отец... — Антон сделал паузу. — Ты в порядке? Ужасно выглядишь.

— На данный момент моя пара заперта в клетке, в которой, как мне сказали, ранее она заточила тебя, а запах мужчины, которого она убила, все еще полностью не исчез. Она действительно тебе сказала, что планировала убить меня?

— Да. Мне жаль. Она также хочет избавиться от Грэйди. Вы оба были в ее списке.

Широкие плечи Элроя поникли.

— Мне тоже жаль. Предательство близкого вам человека труднее всего принять. Она поставила меня в адскую ситуацию? Напала на одного из наших детей, когда провернула с тобой тот трюк и угрожала жизни моего старшего сына. — Мужчина посмотрел на Шеннон, а затем снова на Антона. — Твоя мать знала, что ты пометил ее? Я отсюда чувствую этот запах. Должно быть, ты глубоко ее укусил.

— Да. — Антон замялся. — Она знала и решила держать меня на наркотиках во время горячки, чтобы я не одичал без Шеннон.

— Слышал, что она вызвала тех самцов из прайда, чтобы они забрали твою женщину. — Его голос понизился, черты лица выдавали гнев, а руки сжались в кулаки. — Она пригласила их на мою территорию забрать то, на что ты заявил свои права. Она рисковала твоей жизнью и жизнью всех наших сыновей, заставив тебя пойти за своей женщиной. Моя пара своими действиями плела интриги против целой стаи.

— Прости, отец, — Вон осторожно приблизился к мужчине. — Мы тоже ее любим и это всем нам причиняет боль. Она — твоя пара, хотя это делает все только хуже. Мы привыкли к оскорбительным вещам, с её стороны, но она все еще наша мать. Жаль, что мы не можем снять твою боль.

— Не можете, но я ценю заботу. Я люблю своих сыновей. — Он встретился с каждым взглядом. — Я позвал сюда наших силовиков, чтобы обсудить, что с этим делать. Мы слишком эмоциональны, чтобы вынести разумное, логическое наказание вашей матери.

— Что мы собираемся сделать? — Рэйв засунул большие пальцы рук в задние карманы джинсов. — Обычно, мы убиваем того, кто так серьезно предает свою стаю, но очевидно, это исключено.

Элрой сморгнул слезы.

— Никогда не смогу убить свою пару, не смотря на то, что она задумала сделать со мной. Я может и хотел бы простить её, если бы смог, даже хочу это сделать, но она всех вас подвергла опасности. Я не могу позволить ей продолжать делать это снова.

Брэйден засопел, смахивая рукой слезы со щек, и прочистил горло.

— Мы можем сослать ее обратно в стаю к родителям. Дедушка удостоверится, чтобы она не натворила неприятностей. Он также о ней позаботится.

Элрой оглядел сидящих в комнате мужчин. Один из них, высокий блондин, кивнул.

— Это справедливо. Стая не будет возражать против. Никто не ждет от тебя убийства пары, Альфа. Напряженность на лице Элроя уменьшилась.

— Пусть так и будет. Позову Дугласа, сообщу ему, что натворила его дочь и скажу, что мы отправляем ее к нему. Она официально больше не является моей парой, членом этой стаи и навсегда изгнана за

свои преступления.

— Твою мать, — ахнул Рэйв. — А как же ты, отец? Ты с ней связан, а сейчас период спаривания, ты не можешь разрешить ей уйти, пока все не закончится. Ты сойдешь с ума.

Пожилой мужчина, лет шестидесяти, поднялся со своего стула.

— Мы обсуждали это до вашего прихода. Я погружу Элроя в вынужденную кому, пока не пройдет период спаривания. Из-за того, что они связаны, он в любом случае подвергнется серьезной депрессии и ломке без своей пары. Я больше озабочен его печалью от подобной потери. Это может убить его. Они так долго были вместе, что он не сможет пережить потерю. Я буду следить за ним и в любом случае оставлю его под действием наркотиков, так что мы ничего не потеряем.

Антон закрыл глаза, перестав, держать Шеннон и она посмотрела на него. Она переживала за своего мужчину и невыносимая боль, исказившая черты его лица расстраивала ее.

Девушка сжала его руку, и Антон открыл глаза, встретив ее сконцентрированный взгляд. Прежде чем отвести глаза и посмотреть на отца, он одарил ее печальной улыбкой.

— Я возглавлю стаю в твое отсутствие. Не хочу, чтобы ты волновался о чем-нибудь, кроме как пережить это сложное время. Тебе будет лучше без пары, которая может причинить вред тебе или нам. Мы все любим ее, но она не знает, как любить нас.

Элрой отвернулся, подбородок опустился на грудь, а плечи затряслись. Рэйв обнял его и вывел в коридор, подальше от взглядов.

Пожилой мужчина быстро последовал за удаляющейся парой.

Антон повернул голову и взглянул на братьев.

— Он сильный и выживет. Док отлично о нем позаботится. — Его голос стал жестким. — Сейчас я главный. Если кто-нибудь хочет бросить мне вызов, мы уладим это на улице.

Когда Шеннон поняла, о чем говорит Антон, затряслась от страха. От понимания того, что ему, возможно, придется бороться с другим вервольфом, оставляло чувство ничем не прикрытого ужаса. Никто в комнате не высказался против его заявления.

— Хорошо, — вздохнул Антон. — Официально. Я временный Альфа. — Он заколебался. — Временный. Это ключевое слово. Отец переживет период спаривания, и я верну ему титул. Мы должны показать стае сильную сторону. Крайне необходимо, чтобы они знали, что все останется прежним и никак нас не ослабит.

Блондин прочистил горло.

— А что с ней делать, Антон? Никакого неуважения, но то, что ты пометил врага, вызовет волнения. — Парень прикусил губу. — Слышал, ты говорил, что она не может оборачиваться и по большей части человек, но как телохранитель, это моя работа обращать внимание на все возможные проблемы.

Вон выступил вперед.

— Если это станет предметом спора в нашей стае или внешними конкурентами, которые верят, что здесь есть возможность захватить позицию альфы, я выдвинусь.

— Мы уже обсуждали этот сценарий, насчет отставки нашего отца, что в настоящее время и произошло. Один из Харрисов возглавит стаю, и некоторые перемены пошли бы нам только на пользу. Так что не переживай Кейн и благодарю за беспокойство.

— Я очень сомневаюсь, кто-то захочет бросить вызов всем братьям, и думаю, что все со мной

согласятся, — Кейн встретился взглядом с Антоном. — Я позвонил Грэйди, пока вы с Шеннон переодевались. Он готов помочь нам в управлении стаей, и будет бороться с любым кто бросит нам вызов. Мы полностью обновимся.

— Я никогда не сомневался в вас, — Антон обратился к блондину. — Кейн, я хочу, чтобы ты и твои люди рассказали всем, что мы позаботимся обо всех, и у них нет причин для тревоги. Возможно, было бы лучше, если ты просто расскажешь им, что я замещаю альфу, временно пока отец выздоравливает. Убедитесь, что все знают, вся семья Харрис..., — Он сделал паузу, и оглянулся на Бренда. — Ты с нами кузен?

Бренд усмехнулся.

— Ты же знаешь, я люблю хорошую драку. И всегда готов прикрыть вашу спину.

Антон усмехнулся.

— Знаю, но не хотел говорить за тебя, братишка. — Он снова посмотрел на Кейна. — Ты слышал его. Если они настолько глупы, чтобы бросать нам вызов сейчас и бороться за лидерство в стае, это будет последнее, что они когда-либо делают.

Кейн усмехнулся.

— У вас есть поддержка ваших телохранителей, — Он бросил взгляд на других мужчин. — Я говорю за всех моих людей, они знают, я убью любого, кто не согласен со мной.

Несколько мужчин усмехнулись.

Антон стал серьезным.

— Я не хочу делать это во время брачного периода, но придется, до поры до времени мы удваиваем патрули. Мы не имеем ни малейшего представления, как новость о временной отставке отца повлияет на посторонних и много ли их в городе. В любом случае никто не идет в патрулирование без напарника способного прикрыть спину.

— Черт, — застонал Рэйв, входя в комнату. — Надеюсь напарник только на время патрулирования?

— Нет, — Антон покачал головой. — Они могут использовать брачную горячку для того чтобы атаковать, это удобное время. Все ходят по двое до окончания сезона спаривания.

— Нет, — Застонал Брэйден. — Только не это.

Рэйв рассмеялся.

— Что случилось, Брэйден? Боишься свидетелей, которые могут увидеть, как мало ты знаешь о женщинах? Не переживай, я пойду в паре с тобой. Буду более чем счастлив, дать тебе совет, если ты вдруг что, то сделаешь не так.

Шеннон потянул Антона за руку. Он посмотрел на нее сверху вниз.

— Это-то о чем я подумала? Я... — Ее щеки заалели и голос понизился. — Я не буду заниматься сексом, если с нами в комнате будет кто-то еще. Я не могу.

Он притянул ее к себе и засмеялся.

— Не в той же комнате, но они будут достаточно близко, что бы присмотреть за нами и друг за другом, нам нужны телохранители способные отразить нападение, если таковое случится.

— Вы оба можете остановиться в моем доме, — предложил Вон. — У меня достаточно комнат, и у меня чертовски надежная системы безопасности. Я в паре с Дебби на этот сезон, и ты знаешь, она не будет возмущаться по поводу родословной Шеннон.

Кейн усмехнулся.

— Дебби, да? А ты смельчак Вон.

Вон пожал плечами.

— У меня нет никакого интереса к ней как к паре, и все мы знаем, что она уже выбрала себе спутника. Я люблю ее. Она веселая и с ней легко ладить.

— Ты знаешь, Паркер будет не в восторге от того что ты связался с его избранницей.

— Нахрена было сбегать. Он сейчас с кем-то еще, а не с Дебби. Дебби мой друг, и если он не будет заботиться о ней, я это сделаю. Она слишком уязвима в этот момент, чтобы доверять любому другому мужчине, который может воспользоваться горячкой и повязать ее. А со мной она в безопасности.

Юмор Кейна испарился.

— Это правда. Она слишком сладкая и привлекательная. Я знаю с десятков мужчин, которые попытались бы ее соблазнить в период спаривания и я не хотел бы видеть как они умирают, когда Паркер наконец соизволит объявиться. Он убьет любого, кто посмеет заявить права на Дебби. Шеннон вопросительно посмотрела на Антона, ожидая разъяснений. Он вздохнул.

— Тебе понравится Дебби. Она полукровка. Некоторые оборотни старой школы уверены, что спаривание с полукровками испортит стаю. Семья Паркера убедила его, что спаривание с ней навредит их драгоценному наследию и этот дебил уехал, не желая признавать свои чувства к ней.

Рэйв откашлялся.

— Не хочу прерывать вашу милую беседу, время поджигает, и я уже начинаю страдать от горячки. И моя агрессивность адски нарастает, так что хватит трепаться, и давайте расходиться, меня ждет моя женщина дома. Давайте выберем себе напарника и назначим расписание патрулирования. Если я через полчаса кого-нибудь не трахну, то с кем-нибудь подерусь.

Кейн рассмеялся.

— Тогда приступим к делу. Не хочу тебя трахать Рэйв.

— Это ты был бы сукой, а не я, — Рэйв подмигнул. — И в любом случае ты не мой тип.

Глава 16

Антон смотрел на Шеннон, с интересом разглядывающую комнату, выделенную им Воном в его доме, и едва сдерживался от соблазна схватить девушку в объятия, бросить на кровать и сорвать с нее одежду.

Его член пульсировал болью, в ловушке штанов, болел от сильного желания погрузиться в ее горячее, сладкое, влажное, тесное лоно. Антон едва сдерживал рычание.

— Ты уже не испытываешь больше такой сильной нужды, котенок.

Стоя к нему спиной, она выглянула в окно и любоваясь открывшимся прекрасным видом на лес.

— Предполагаю, что гормоны, которыми они меня накачали не длительного действия. Я, наверное, никогда не смогу снова так сильно впасть в горячку. — Она повернулась с улыбкой. — Разве это не хорошая новость? Я стала почти нормальной. Хотя мне все еще нездоровиться, и я по-прежнему хочу тебя.

"Буду ли я сволочью, если скажу, что не согласен?" — подумал Антон мрачно. "Я хочу, чтобы мой котенок снова стала такой горячей. Я бы все отдал, чтобы ты снова медленно тлела подо мной, цеплялась за меня и не могла бы насытиться." Он сдержал эти мысли при себе.

— Ты мне нужна.

Ее взгляд опустился на его пах и ее глаза расширились.

— Ты в самом разгаре горячки. Как я могла не заметить этого раньше? Ты тверд, как камень.

— Да, детка, — У него было больше сил сдерживать своего зверя, и Антон медленно начал приближаться к ней. Волк внутри него выл для Шеннон. Пот выступил по всему телу, и он начал тяжело дышать. Он боялся напугать ее.

— Мой самоконтроль стремительно тает малышка. — Он вздрогнул от резкого тона своего голоса. Она потянулась к пуговкам на своей рубашке.

— У нас есть презервативы? Нам бы онигодились, на случай если ты потеряешь контроль и захочешь меня укусить. Мы и так слишком много рисковали в последние несколько часов.

И его память услужливо подсказала, как именно они рисковали. Антон застонал про себя от нарисованной его воображением картины, и огонь охватил его от макушки до пяток, но основной пожар полыхал в паху, в его стоящем колом члене. Ощущать голым членом ее горячую, влажную и тугую киску, обхватывающую его как перчатка, было лучшим, что он испытывал в своей жизни.

Он всегда использовал защиту во время жары, никогда не доверял женщине, не позволял ей искушать его во время спаривания, но сейчас его оборона была полностью повержена, разбита в пух и прах, Шеннон была особой женщиной. Любимой женщиной. Она была его парой.

Он хотел удержать ее. Хотел пролить свое семя глубоко внутри ее чрева, и, прокусив ее плоть как можно сильнее, хотел связать их вместе навсегда.

— Они находятся в верхнем ящике тумбочки. Вон всегда держит запас во всех комнатах. Он развлекает здесь оборотней, когда папа приглашает их сюда.

Шеннон сняла рубашку, и бросила ее на стул в углу, Антон с силой втянул в себя воздух, сжав кулаки при виде ее мягкой, бледной груди с твердыми пирамидками розовых сосков.

Ее соски, вероятно, отреагировали на холодный воздух в комнате, и все же Антон надеялся, что она хочет его так же сильно. Он посмотрел на девушку и открыл ящик, вытащив упаковку презервативов, и поставил ее на край тумбочки.

Шеннон мучила его, медленно обнажая дюйм за дюймом своего тела, от чего у Антона потекли слюнки. Он быстро сглотнул, полагая, что это выглядит не совсем сексуально.

Его клыки вытянулись, упираясь во внутреннюю сторону нижней губы.

Шеннон нерешительно взглянула на него с такой невинностью, что он почувствовал себя ублюдком.

Ведь все чего ему хотелось, так это нагнуть ее, прижаться членом к ее попке и трахать, снова и снова, пока она не рухнула бы на колени и не закричала бы от наслаждения.

Сдавленное рычание вырвалось из его горла. Ее глаза расширились, и она облизала губы. Это напомнило ему, как Шеннон стояла на коленях перед ним ранее.

Это было удивительно, когда она предложила позаботиться о его потребностях и даже с ее отсутствием опыта, черт, да это был лучший минет в его жизни, и его кошечка довела его до конца, несмотря на то что он пытался ее остановить.

Память о ее губках обернутых вокруг него, ее язычке, дразнящем его член, стало чересчур, для него.

Антон протянул руку и рванул на себе штаны. Материал треснул, и порванные брюки упали на пол.

Антон задел бедро когтем, и понял, что его ногти удлиннились так же как, и клыки.

Он закрыл глаза, пытаясь успокоиться, борясь с желанием накинуться на нее.

— Антон? — Шеннон придвинулась поближе к нему. — Ты в порядке?

Он прочистил горло.

— Я слишком долго ждал. Просто подожди. Я не хочу причинить тебе боль. Боюсь, взять тебя быстро и грубо. Я теряю контроль.

Он услышал, как скрипнул матрас, давая понять, что девушка улеглась на кровать, и открыл глаза. Шеннон встретила его взгляд, и он окончательно потерял рассудок, когда она быстро перекатилась к центру кровати.

Она подняла руки и захватила изголовье кровати, потом выгнулась, как будто, издеваясь над ним, ее сочные груди приподнялись ему навстречу, соблазняя и искушая. Антон представил, как всосет нежную плоть в рот, одновременно трахая её.

Шеннон приподняла ноги и развела их в стороны. Запах горячей, возбужденной женщины ударил по нему, словно дубиной по голове.

Антон впился взглядом в ее киску и увидел блестящие, влажные складки женщины, которая хочет его.

Еще не осознав, что двигается, Антон уже оказался на кровати. Держи себя в руках, молча, кричал он, когда его волк толкнулся изнутри, желая взять ее так же сильно, как и он.

Он присел на четвереньки, склонив лицо над ее лоном. Желание зарыться лицом в нежных горячих складочках или уступить настойчивому требованию члена кричащего о помощи, разрывало Антона на части.

Он встретился взглядом с Шеннон, увидев там безграничное доверие. Она не показала никаких признаков страха, хотя он понимал, что, вероятно, выглядит довольно устрашающе.

Это успокоило его достаточно, чтобы сделать правильный выбор. Она не была готова принять его в полном разгаре.

И Антон опустил голову к ее мокрой щелочке, от невероятного аромата оборотень почти захныкал, слюна капала с его клыков, и он не мог остановить слюноотделение. Шеннон не видела всего этого, но вероятно почувствовала.

Подняв руку, он в ужасе уставился на свои когти, выступающие в дюйме от пальцев. Он не мог прикоснуться к ее нежной коже, без риска порвать ее.

Он взглянул на девушку, не в состоянии говорить. Беспомощные хныкающие звуки исходили от него. Он испытывал адовы муки. Понимая, что скорее умрет, чем причинит боль Шеннон, и в тоже время понимал, что не выживет, если не трахнет ее в ближайшее время.

Шеннон сделала несколько глубоких вдохов, чтобы сохранять спокойствие, зная, как близко Антон был к тому, чтобы потерять контроль над своим зверем.

Она заметила, что теперь у него мягкие, черные волосы на щеках, как будто там внезапно выросли бакенбарды. Цвет его глаз изменился до черного, но в остальном он выглядел человеком. Шеннон заметила, что он смотрит на свою руку с выражением разочарования, которое граничило с ужасом. Девушка проследила за его взглядом и поняла, что его так напугало. Она выпустила изголовье кровати и развела бедра шире. Она колебалась лишь секунду, потом дотронулась до своих сочных складочек и расправила их, открывая ему полный доступ к своей киске.

— Это то, что ты хотел сделать?

Низкий глухой рык возбужденного волка больше взволновал ее, чем испугал. Он снизил тембр до мягкой вибрации и склонил голову к своему десерту.

Его клыки свирепо сверкнули на мгновение, а потом он осторожно прижался губами к ее плоти. Его язык прокатился по ее клитору, и она закрыла глаза, когда желание вспыхнуло внутри ее тела. А добравшийся до сладкого, оборотень вытянул язык и принялся лизать ее по всей длине, и каждое его движение исторгало из нее стоны.

Он остановился и сделал это снова.

Его язык двигался все быстрее, яростно облизывая ее. Применяя больше давления, он уткнулся в нее носом, как будто все еще был недостаточно близко.

Это заводило Шеннон все сильнее, пока она не заставила себя оторвать руки от лона и не собрала его волосы в кулак. Чтобы освободиться, ей пришлось приложить усилия.

Антон тряхнул головой и, выказывая неудовольствие, зарычал на нее.

— Трахни меня, — потребовала она. — Прямо сейчас, я хочу, чтобы мы вместе болезненно кончили. Я не возражаю против грубости. Я даже хочу этого.

Он поднялся, гнев проскользнул по его чертам, но она не приняла на свой счет его раздражительность. Теперь она понимала, горячку спаривания и что она будет страдать от нее не понаслышке.

Это была бездумная нужда — разрывающая, болезненная, мучительная одержимость секса, оставляющая мало места для размышлений.

Антон старался не задеть Шеннон руками когда, возвышался над ней. Чувственный взгляд скрестился с нее, и девушка попыталась поцеловать оборотня.

С его клыками без боли не обойдется. Она опустила руку и не смогла отвести взгляда от глаз мужчины, чтобы найти его член.

Ее пальцы сомкнулись вокруг горячего, невероятно толстого мужского достоинства. Глаза Антона сузились, он застонал, запрокинув голову. Его тело задрожало в дюйме над ней.

Шеннон подняла одну ногу, размещая на его заднице, второй оперлась о кровать и передвинула свое тело под ним, чтобы головка члена оказалась возле входа в ее киску.

Антон оставался неподвижным, все его тело негибачимым и она знала, что он разрешил ей, взять контроль над ситуацией. Девушка также признала, что он обладал огромной внутренней силой, чтобы бороться с желанием взять ее.

Шеннон услышала, как разорвался материал и, повернув голову, увидела, как огромные кулаки скомкали простыни, когтями разрезая ткань.

— Антон? Займись со мной любовью. Ты не сделаешь мне больно.

Он отказывался смотреть на нее, поэтому Шеннон приподняла бедра, размещаясь в идеальном положении, и нежно потянула за член, чтобы соблазнить войти в нее.

— Трахни меня. — Она выпустила его член и схватила за задницу, впиваясь ногтями.

Антон, глядя Шеннон в глаза, медленно опустился на нее. Его лоб и верхняя губа покрылись потом, когда он медленно погружался в ее лоно. Тогда Шеннон вспомнила, что они не использовали презерватив, но останавливаться не хотелось.

Она застонала, когда он вошел в нее, стенки ее влагалища были напряжены на грани боли. Его член казался больше, толще и определенно тверже, чем прежде.

Слишком жарко. Она задалась вопросом, не подожгут ли они кровать. Шеннон страстно его желала, и взбрыкнула бедрами.

Тем самым разрушая контроль. Одним сильным толчком Антон вошёл в её киску. Девушка закричала от удовольствия, и стала двигаться навстречу мужчине, загоняя его член в себя по самые яйца.

Она едва успела перевести дыхание, прежде чем он полностью опустился на нее, надежно прижимая собой к кровати, а его бедра начали быстро и неистово вбиваться в нее.

Шеннон зажмурилась, прижалась к нему, и позволила до предела возбуждённому, сексуальному Антону, иступленно трахать ее с отчаяньем, рожденным из чистой похоти.

Она не беспокоилась, что изголовье кровати громко ударяется о стену, удары не сравнимы с ее учащенным сердцебиением, ее неровным дыханием или абсолютным восторгом, до которого Антон доводил ее.

Он продолжал бешено вонзаться в нее, почти полностью выскальзывая, чтобы потом полностью погрузиться.

Казалось, чувствительные нервные окончания охватывают ее напряженное тело, пока зашкаливающее удовольствие не стало слишком сильным.

Ее тело сотрясилось, стенки влагалища сжались вокруг члена Антона, и она достигла высшей точки. Сильнейший оргазм сотряс все ее тело. Шеннон посмотрела на Антона с чистой любовью.

Запрокинув голову назад, Антон громко застонал от своего высвобождения. Его бедра застыли, и он яростно задрожал рядом с ней.

Вдруг он опустил голову, почти касаясь носа Шеннон. Взгляд его черных глаз был очень глубоким, и Шеннон почувствовала, что могла бы прочитать его мысли. Антон приоткрыл губы, показывая острые клыки.

Его взгляд переместился с её глаз куда-то ниже и правее скулы. Она знала, что Антон собирается сделать. Он бросился к её плечу, и она освободилась, чтобы схватить горсть волос, когда его зубы сжали ее кожу.

— Нет! — закричала Шеннон. — Не надо! — Вторая рука поднялась, чтобы схватить еще одну горсть его волос.

Тело Антона продолжало подергиваться, и Шеннон чувствовала горячие потоки семени, наполняющие ее. Мышцы ее влагалища наряду с остатками ее оргазма, помогали мужчине в этом, стимулируя его толчками от спазмов.

Его зубы не прокусили ее кожу, хотя удерживали довольно крепко, так, что кончики клыков оказались достаточно близко к коже, и Шеннон поняла, как близко он подошел к тому, чтобы прокусить кожу.

Она потянула его за волосы.

— Не надо. Отпусти, малыш. Не кусай меня.

Его челюсть расслабилась, хватка ослабла и вдруг он отвернулся. Антон тяжело дышал, и уткнулся лицом в постель рядом с ее головой.

Он застонал, и она почувствовала, как еще больше семени наполняет ее. Видимо, его оргазм продолжался, и отпустив волосы, она обняла Антона за плечи.

Ее руки гладили его спину, а ноги крепко обхватывали бедра, удерживая и наконец, оба их тела расслабились.

Так они лежали, пока дыхание не восстановилось. Антон позволил ей успокоить себя и наслаждался

ее прикосновениями. Шеннон никогда бы не устала изучать его тело кончиками пальцев.

Она чувствовала его член, все еще твердый внутри себя, но Антон предупреждал, что это может быть обратной стороной спаривания.

Он оставался возбужденным, готовым к сексу и она, молча, пообещала дать ему столько же наслаждения, сколько он потребует. Девушка улыбнулась, ей это будет в удовольствие.

— Ты в порядке? — приглушенно поинтересовался он.

— Великолепно. Как насчет еще одного раунда?

Его тело напряглось, но затем снова расслабилось. Он сделал глубокий вздох, прежде чем приподняться достаточно, чтобы взглянуть на нее.

Он изучал ее глаза, а она видела в его что-то, что не могла понять. Печаль.

— Прости.

— За что? Ты не сделал мне больно, Антон. Это было потрясающе. До конца брачного сезона я буду с тобой. Если ты снова хочешь меня, то я твоя.

— Я всегда хочу тебя, хотя между занятиями сексом жажда исчезает ненадолго.

Пока она наблюдала, его глаза изменились, чернота отступила, и снова показались милые карие зрачки. Едва осязаемые волоски на его щеках исчезли, а клыки превратились в ряд белых, нормальных зубов.

Ее удивило, как он делает это, и пришлось признать, что было впечатляюще.

— Я почти спарился с тобой.

— Я знаю. Я не хочу, чтобы ты делал то, о чем потом пожалеешь. — Она попыталась скрыть свое разочарование. — Поверь мне. Я никогда не забуду, как сошла с ума, когда меня накачали гормонами. Надеюсь, я не сделала тебе больно, когда схватила за волосы.

— Нет. Ты должна была это сделать, чтобы остановить меня. Я бы не пожалел об этом. Я сказал тебе, нам нужно поговорить. Это то, что я хотел обсудить. — Он заколебался. — Ты бы возненавидела меня, если бы я тебя укусил?

— Нет, никогда. — Ее сердце застучало как бешеное. — Что ты хочешь этим сказать?

— Я не хочу потерять тебя, Шеннон. Когда минует брачный сезон, я не хочу тебя отпускать. Я вервольф, и понимаю, что нам предстоит много дерьма, так как моя стая не обрадуется тому, что со мной живет частично пума, но мне плевать. Ты думала остаться со мной?

Слезы заполнили ее глаза, пеленой застилая зрение, и ей пришлось бороться, чтобы сдержать их. Антон тихо выругался.

— Извини. Я должен был держать рот на замке. Это слишком скоро. Можешь ли ты, по крайней мере, дать нам шанс? У нас будет время узнать друг друга получше, когда я выйду из сезона. Все что я прошу, чтобы ты не оставляла эту мысль, может ты смогла бы оставить в прошлом то, что я есть и позаботилась обо мне так, как я о тебе.

— Мне не нужно делать этого.

Он вздрогнул.

— Ладно. — Антон смотрел куда угодно, только не ей в глаза. — Мы используем презервативы. Я надену намордник, если это именно то, что удержит меня от укуса. Я хочу связаться с тобой, но никогда не сделаю это силой.

— Антон?

— Все в порядке. Ты человек. Тебе нужно больше времени. — Наконец он встретился с ней взглядом. — Я не сумасшедший и не лунатик. Я просто знаю, что хочу быть с тобой, я люблю тебя и хочу провести остаток своей жизни как твоя пара. Хочу быть честным, так чтобы ты знала мою позицию. — Он помолчал. — Я надеялся, что ты влюбишься в меня. И хочу предупредить тебя сейчас... — Улыбка изогнула его губы. — Я не играю по-честному. И сделаю все, чтобы убедить тебя, что я идеальная для тебя пара.

Последовало еще больше слез, но Шеннон больше не пыталась сдерживать их.

— Я остановила тебя от укуса только потому, что решила, что ты потерял контроль. Не нужно мне что-то доказывать. Я люблю тебя. — Его глаза распахнулись. — Думаешь, я бы просто так позволила парню затащить себя в постель? — Она усмехнулась. — Я люблю тебя, Антон. И не хочу тебя терять. И не хочу терять то, что между нами возникло. — Она склонила голову на бок, предоставляя ему лучший доступ к своей шее. — Я твоя, если ты все еще хочешь.

Его сексуальные глаза потемнели:

— Я хочу тебя, котенок.

Грудь Шеннон завибрировала, и она начала мурлыкать, пока его руки гладили ее тело. Ее глаза широко распахнулись, но Антон улыбнулся.

— Звучит так, словно внутри тебя может быть немного больше от кошки, чем ты думаешь. Я восприму это как согласие с твоей стороны.

— Это так смущает, — она застонала, прочистила горло, и мурлыканье прекратилось. — Ты столько пробудил во мне новых чувств, раньше о которых я и не подозревала.

— Мы ещё поработаем над этим. — Он усмехнулся. — У нас куча времени. — Он вышел из неё, заставив. — Никогда бы не покидал твоё лоно.

— Тогда почему ты встаешь?

Он присел на пятки.

— Перевернись. Это проще сделать в позе догги-стайл [2]. — Он засмеялся над своей шуткой. — Кроме того, я уже поцарапал тебя. Хочу свести это к минимуму, когда свяжусь с тобой. Я укушу над тем местом, где уже кусал.

Новость застала её врасплох.

— Ты хочешь связаться сейчас?

Все следы юмора стерлись с его лица.

— Да. Ты хочешь подождать?

— Нет. — Она перевернулась и встала на четвереньки, отбросила волосы в сторону, и улыбнулась ему поверх плеча. Шеннон пошевелила попкой. — Сделай это.

Антон встал на колени.

— Я люблю тебя, Шеннон. Я буду защищать тебя ценой своей жизни, делать тебя счастливой станет моей первой, главной задачей и обещаю вечно любить тебя.

Его слова так тронули Шеннон, что пришлось бороться со слезами.

— Тоже обещаю любить тебя всегда. Я умру за тебя и сделаю все, чтобы ты был счастлив.

Пока она наблюдала, его клыки выдвинулись, и он нежно коленом чуть шире развел ее бедра.

— Ты по большей части человек, а я знаю, что люди считают конечным результатом. Ты выйдешь за меня?

Шеннон рассмеялась.

— Ты скоро укусишь меня. Какая свадьба сравнится с этим? Конечно, я выйду, но это будет нечто незначительное и забавное. Ничего большого и крутого, хорошо? Представляю, с чем нам придётся столкнуться, когда твоя стая выяснит, что ты спарился со мной.

Он хмыкнул.

— Ладно. — Его взгляд метнулся к ее соблазнительной попке.

— Ты такая горячая. Ты не представляешь, что делаешь со мной.

Шеннон немного повернулась, чтобы посмотреть на его член и ухмыльнулась.

— Вижу. Ты тоже самое делаешь со мной. — Снова покачала попкой. — Сделай меня счастливой.

Антон шире развёл свои ноги позади Шеннон, и протолкнул член в ее влажные складочки.

Он входил в нее медленно, наслаждаясь моментом, ощущая, как стенки ее влагалища растягиваются, пока он не погрузился в нее глубоко и Шеннон не застонала. Антон, замер, как только оказался в таком положении.

Его голос стал грубым:

— Я люблю тебя, котенок.

— И я люблю тебя, волк.

Он рассмеялся, накрывая ее тело своим и подминая под себя.

— Попытаюсь не делать тебе больно, когда буду кусать. Просто не двигайся, пока я делаю это. Не хочу порвать твою кожу больше, чем следует. Я должен быть заперт в тебе, чтобы закрепить наше спаривание. Хочу, чтобы между нами образовалась сильная связь.

Она встретила его взгляд.

— Я тоже. Ты не сделаешь мне больно. Я верю тебе.

Антон удерживал ее взгляд, начиная медленно двигаться, входя и выходя из нее. Она схватилась за матрас, чтобы сдерживать его натиск и подмахивать ему бёдрами в такт.

С каждым движением ее наполнял восторг. Желание вспыхнуло жарче и ярче, когда они иступленно двигались навстречу друг другу.

Антон обхватил девушку за талию, прижимая к себе, быстрее и сильнее вонзаясь в нее.

Шеннон пришлось отвернуться, опустив голову, она закричала, когда ее накрыл оргазм. Антон зарычал, и девушка попыталась не напрягаться, когда острые клыки проткнули кожу.

Она снова закричала, незначительная боль в сравнении со вторым оргазмом, прокатившемся по ее телу. Антон застонал, кончая, его тело дернулось, и она почувствовала, как ее наполняет его теплое освобождение.

Кажется, это продолжалось вечность. Ртом Антон посасывал плечо девушки, теплым языком лизал его изгиб во время небольших толчков от только что разделенного жаркого секса.

Наконец он оторвался от ее плеча, проведя языком по следу от укуса, и Шеннон хихикнула.

— Щекотно.

Антон помолчал и сказал:

— Теперь я твой, а ты моя. Мы пара.

Она повернулась к нему, их взгляды встретились:

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Эпилог

Три недели спустя, Шеннон смеясь нырнула под руку Антона, когда он бросился к ней.

– Ты скучал по мне.

Он улыбнулся.

– Всевозможными способами. Не переставал о тебе думать, пока был у отца. Казалось, что прошло не два часа, а неделя. Я хочу тебя.

Она остановилась не далеко от их новой кровати, улыбаясь ему.

– Тогда, иди и возьми меня. – Она подняла подол юбки, достаточно, чтобы показать голые бёдра. – Хочешь угадать, чего на мне не надето?

Его сексуальный взгляд опустился.

– Хочешь угадать, где окажется моё лицо, чтобы это выяснить?

Шеннон медленно поднимала юбку, открывая больше обнажённого тела.

– Как твой отец?

– Он поправляется. – Антон рывком снял рубашку через голову. – Наш врач уверяет, что он полностью восстановится. И возможно примет стаю менее чем через три месяца.

– А мать?

– Мой дед её забрал. Он убедится, чтобы она больше не стала проблемой. – Антон наклонился, чтобы снять сапоги.

– Хватит болтать.

Он расстегнул джинсы.

– На сегодня я выполнил свой семейный долг. Теперь всё время наше.

– Мне это нравится, – она облизала губы. – Люблю, когда ты смотришь на меня так.

Антон стянул по бёдрам свои джинсы, и вожделение охватило Шеннон при виде его полностью обнажённым. Антон должно быть самый сексуальный мужчина, который когда-либо ходил по земле, и он её супруг.

– Я собираюсь заниматься с тобой любовью, чертовски много.

Она отступала, до тех пор, пока ногами не коснулась края кровати.

– Звучит заманчиво.

Он шагнул и остановился в нескольких дюймах от Шеннон. А потом удивил её, когда внезапно упав на колени, схватил её за ногу. Антон поднял её осторожно, чтобы не нарушить равновесие Шеннон и, согнув, поместил на своё широкое плечо. Взгляд Антона упёрся в её лоно перед его лицом.

Приглушённое рычание зародилось у него в горле.

– Котёнок, без трусиков? – Он схватил юбку, задирая выше, убирая преграду со своего пути, и наклонился ближе. – И ты влажная. Я уже говорил, как люблю твой запах и вкус? Я пристрастился к тебе.

Он приоткрыл губы и лизнул ее клитор. Шеннон схватило одной рукой за столбик кровати с одной стороны, а другой еще выше задрала юбку, убирая с его пути.

– Это так хорошо ощущается.

Антон жадно поглощал ее, и вибрация зародилась у Шеннон в груди, от удовольствия доставляемого его ртом. Мурлыканье, исходящее от неё, было тем, к чему она уже привыкла.

Она испытывала подобное только, когда Антон занимался с ней любовью или ласкал после секса.

Казалось, это заводит его еще больше, поэтому она перестала пытаться сопротивляться желанию, когда оно накрывало ее.

Он вдруг перестал дразнить ее клитор, и она встретила с ним взглядом, когда он улыбнулся ей.

– Что?

– Ты моя идеальная пара.

Он имитировал звук, который она издала, когда он сказал это. Шеннон рассмеялась.

– Думаю, что так и есть. Ты прррекрасная пара, – зарычала она на него.

Антон неожиданно встал, посмеиваясь. То, что её нога, лежала на его плече, заставило Шеннон упасть на кровать, и Антон лег на нее сверху.

– Мы чертовски идеальная пара, не так ли?

Ее руки ласкали его лицо.

– Мы идеальны.

Он снова засмеялся.

– Готова помурлыкать для меня, котенок? – Он ткнулся в нее членом.

– Готов выть для меня, малыш? – Его рот обрушился на нее. Шеннон обвила ногами его талию и запустила пальцы в его шелковистые волосы, когда поцелуй углубился. Она приняла это как ответ «да».

Конец второй книги!

Примечания

1

Лежачий полицейский (Искусственная неровность) — элемент принудительного снижения скорости транспортных средств. Термин пришёл из Англии и изначально назывался «спящий полицейский». Обычно это возвышение на проезжей части.

2

Догги-стайл — Классическая поза догги-стайл хороша тем, что обеспечивает максимальную стимуляцию точки G.